

ISSN 2409-1634

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULT. ECONOMIC RESEARCH

6 (4) 2020

16+

Сайт журнала:
resopotic.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCH RESULT. ECONOMIC RESEARCH

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС 77- 69098 от 14 марта 2017 г.

The Journal is registered at the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate El. № FS 77-55674 of October 28, 2013

Mass media registration certificate El. № FS 77- 69098 of March 14, 2017

Том 6, № 4. 2020

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2409-1634

Volume 6, № 4. 2020

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2409-1634

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Тинякова В.И., профессор, доктор экономических наук, профессор, директор Института отраслевого менеджмента, Государственный университет управления, (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Ваганова О.В., профессор, доктор экономических наук, заведующая кафедрой инновационной экономики и финансов института экономики и управления НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Соловьева Н.Е., кандидат экономических наук, доцент кафедры инновационной экономики и финансов института экономики и управления НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия).

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ:

Ляшенко И.В., доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Институт межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия).

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Джалилова А.Д., кандидат экономических наук, заведующая кафедрой "Банковская деятельность и страхование", Кыргызский экономический университет им. Мусы Рыскумбаева, (Бишкек, Кыргызская Республика)

Зимакова Л.А., доцент, доктор экономических наук, профессор кафедры инновационной экономики и финансов института экономики и управления НИУ "БелГУ" (Белгород, Россия).

Иванов С.Н., профессор, доктор экономики, проректор по международным связям Варненского университета менеджмента (Варна, Болгария).

Катарджян С.Л., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательства и управления (Ереванский государственный университет, (Ереван, Армения)

Колесников А.В., профессор, доктор экономических наук, проректор по научной работе ФГАОУ ВО «Белгородский государственный аграрный университет имени В.Я. Горина» (Белгород, Россия).

Кулов А.Р., профессор РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, ФГБНУ Всероссийский НИИ организации производства, труда и управления в сельском хозяйстве (ФГБНУ ВНИИОПТУСХ) (Москва, Россия)

Ломозов В.А., доктор физико-математических наук, доцент, доцент кафедры информатики и информационных технологий, ФГБОУ ВО Белгородский государственный аграрный университет им. В.Я. Горина, (Белгород, Россия).

Ляхова Н.И., доктор экономических наук, профессор, Старооскольский филиал НИУ Белгу (Старый Оскол, Россия)

Мамедов З.Ф., профессор, доктор экономических наук, Азербайджанский государственный экономический университет (Баку, Азербайджан).

Молчан А.С., доктор экономических наук, профессор, директор института экономики, управления и бизнеса, заведующий кафедрой экономической безопасности, ФГБОУ ВО Кубанский государственный технологический университет, (Россия, Краснодар).

Московкин В.М., профессор, доктор географических наук, профессор кафедры мировой экономики ФГАУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; профессор кафедры экологии и неозологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (Харьков, Украина).

Пенджиев А.М., академик Международной академии наук экологии и безопасности, член-корреспондент и профессор Российской академии естественных наук, кандидат технических наук, доктор сельскохозяйственных наук, доцент кафедры автоматизации производственных процессов Туркменского государственного архитектурно-строительного института (Ашхабад, Туркменистан).

Саргсян Г.Л., профессор, доктор экономических наук, декан факультета экономики и менеджмента Ереванского государственного университета (Ереван, Армения).

Старикова М.С., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга, ФГБОУ ВО Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова, (Белгород, Россия)

Сураева М.О., профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента ФГБОУ ВО Самарский государственный экономический университет, (Самара, Россия).

Тен Т.Л., профессор, доктор технических наук, профессор кафедры «Информационно-вычислительных систем» Карагандинского экономического университета (Караганда, Казахстан).

Титов А.Б., профессор, доктор экономических наук, ректор АНОО ВО «Водная Академия», (Санкт-Петербург, Россия).

Хайитов Ш.Н., кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента Бухарского инженерно-технологического института (Бухара, Узбекистан)

Христова В., доцент, д-р. зам. декана по научной-исследовательской деятельности и международного сотрудничества, преподаватель кафедры «Управление хозяйством» Великокотырновского университета «Святых Кирилла и Мефодия», (Велико-Тырнов, Болгария)

EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF:

Viktoriya T. Tinyakova, Professor, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Industrial Management, State University of Management (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF:

Oksana V. Vaganova Professor, Doctor of Economics, Head of the Department of Innovative Economy and Finance, Institute of Economy and Finance, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia).

EXECUTIVE SECRETARY:

Natalia E. Solovjeva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Innovative Economy and Finance, Institute of Economy and Finance, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia).

ENGLISH TEXTS EDITOR:

Igor V. Lyashenko, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia).

CONSULTING EDITORS:

Arsel D., Dzhailova Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of Banking and Insurance, Musa Ryskulbekov Kyrgyz Economic University, Kyrgyz Republic, Bishkek.

Lilia A. Zimakova, Associate Professor, Doctor of Economics, Professor of the Department of Innovative Economy and Finance, Institute of Economy and Finance, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia).

Stanislav H. Ivanov, Professor, Doctor of Economics, Vice-rector for International Relations, Varna University of Management (Varna, Bulgaria).

Sarkis L. Katarjan, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Entrepreneurship and Management, Yerevan State University, (Yerevan, Armenia)

Andrey V. Kolesnikov, Professor, Doctor of Economics, Vice-rector for Scientific Work, V. Gorin Belgorod State Agricultural University (Belgorod, Russia).

Arslan R. Kulov Professor of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, All-Russian Research Institute of Organization of Production, Labor and Management in Agriculture (Moscow, Russia)

Vadim A. Lomazov, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Informatics and Information Technologies, Belgorod State Agrarian University named after V. Ya. Gorin, Russia, Belgorod.

Natalia I. Lyakhova, Doctor of Economics, Professor, Starooskolsky Branch of the National Research University, (Stary Oskol, Russia)

Zahid F. Mamedov, Professor, Doctor of Economics, Azerbaijan State University of Economics (UNEC) (Baku, Azerbaijan).

Alexey S. Molchan, Professor, Doctor of Economics, Director of the Institute of Economics, Management and Business, Head of the Department of Economic Security, Kuban State Technological University, (Krasnodar, Russia)

Vladimir M. Moskovkin, Professor, Doctor of Geographical Sciences, Professor of the Department of World Economy, Belgorod State National Research University, Professor of Ecology and Neoeology, Kharkiv National University named after V. N. Karazin (Kharkiv, Ukraine).

Ahmet M. Pendzhiev, Academician of the International Academy of Sciences of Ecology and Safety, Corresponding Member and Professor of the Russian Academy of Natural Sciences, Candidate of Technical Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Associate Professor of Automation of Production Processes of the Turkmen State Institute of Architecture and Construction (Ashgabat, Turkmenistan).

Gayk L. Sargsyan, Professor, Doctor of Economics, Dean of the Faculty of Economics and Management, Yerevan State University (Yerevan, Armenia).

Maria S. Starikova, Doctor of Economics, Professor, Department of Marketing, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov (Belgorod, Russia)

Maria O. Suraveva Professor, Doctor of Economics, Professor of the Department of Management, Samara State University of Economics, Samara, Russia

Tatiana L. Ten, Professor, Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Information systems, Karaganda Economic University (Karagandy, Kazakhstan).

Anton B. Titov, Professor, Doctor of Economics, Rector of Water Academy, (St. Petersburg, Russia).

Sh. N. Khaïtov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Management, Bukhara Engineering and Technology Institute (Bukhara, Uzbekistan)

Veneta Hristova, Associate Professor, Vice Dean for Research and International Relations, Professor of the Department of Economic Management, University of Saints Cyril and Methodius of Velikotyrnov, (Veliko Turnovo, Bulgaria)

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород,

ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: The Federal State Autonomous Educational Establishment of Higher Education

«Belgorod State National Research University» Publisher:

Belgorod State National Research University

Address of Publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia Publication

frequency: 4 /year

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СТАТЬЯ НОМЕРА	MAIN FEATURE
Чумаков С.П. Выбор страны для международного бизнеса. Сравнение России и США	Petr S. Chumakov Choosing a country for international business. Comparison of Russia and USA
3	3
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА	WORLD ECONOMY
Андрюхин А.Ю. Оценка взаимосвязей безработицы и инфляции в российской экономике	Aleksandr J. Andriukhin Assessment of the relationship between unemployment and inflation in the Russian economy
13	13
Машевская О.В. Государственное регулирование при становлении цифровой экономики в Республике Беларусь	Oksana V. Mashevskaya State Regulation at Formation of the Digital Economy in the Republic of Belarus
25	25
ОТРАСЛЕВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА	BRANCH AND REGIONAL ECONOMY
Владыка М.В., Чистникова И.В., Ермаченко Ф.М. Межрегиональная интеграция в пространстве макрорегиона как фактор развития национальной экономики	Marina V. Vladyka, Irina V. Chistnikova, Philip M. Ermachenko Interregional integration in the space of the macroregion as a factor of the development of the national economy
33	33
Молчан А.С., Коркишко И.В. Адаптивность оценки эффективности деятельности местной власти	Aleksey S. Molchan, Inna V. Korkishko Adaptability of evaluating the effectiveness of local government activities
44	44
Попов Д.А. Эффективность использования региональных активов в условиях внедрения концепции «бережливого производства»	Dmitry A. Popov Efficiency of using regional assets in the context of implementing the concept of lean production
54	54
ЭКОНОМИКА, УПРАВЛЕНИЕ И УЧЕТ НА ПРЕДПРИЯТИИ	ECONOMICS, MANAGEMENT AND ACCOUNTING A FIRM
Гончаренко Т.В., Подгорная К.Н. Индивидуальный инвестиционный счет: тенденции развития	Tatyana V. Goncharenko, Kristina N. Podgornaya Individual investment account: development trends
63	63
Сураева М.О., Кучерявенко Д.М. Тенденция развития корпоративного управления на предприятиях в условиях инновационной трансформации	Maria O. Suraeva, Dmitry M. Kucheryavenko The trend of corporate governance development at enterprises in the context of innovative transformation
71	71
Соболева Е. А. О реформировании системы оплаты труда в здравоохранении: достижения, проблемы, коррективы	Elizabeth A. Soboleva On reforming the remuneration system in health care: achievements, challenges, adjustments
80	80
ФИНАНСЫ	FINANCE
Байгузина Л. З. Восстановление финансовой системы после кризиса	Luz S. Baiguzina Recovery of the financial system the crisis
91	91
Булатова А.И. Роль и значение финансовой грамотности населения для эффективного развития экономики России на примере Республики Башкортостан	Aisylu I. Bulatova The role and importance of the population financial literacy for the Russian economy effective development on the example of the Republic of Bashkortostan
98	98
Тарасова Т.Ю. Трансформация способов продвижения банковских продуктов в современных условиях	Tatiana Y. Tarasova Transformation of methods of providing banking products in modern conditions
110	110

**СТАТЬЯ НОМЕРА
MAIN FEATURE**

УДК : 338.2

DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-1

Чумаков П.С.

**Выбор страны для международного бизнеса.
Сравнение России и США**

Департамент финансов и цен
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
Москва, Россия

e-mail: SHumakov.PS@rea.ru

Аннотация

В XXI веке предприниматель имеет гораздо более широкий выбор страны и региона для начала бизнеса, чем раньше. Такие факторы выбора, как близость товарных рынков, дешевый доступ к сырью и дешевой или квалифицированной рабочей силе, превосходят размер рынка, качество бизнес-среды (удобство ведения бизнеса) и налоговую среду конкретной страны или региона.

В данной статье анализируются основные составляющие бизнес-среды и налоговой среды Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в сопоставлении. Деловая среда рассматривается как совокупность отношений с контролирующими органами, уровня коррупции, деловой этики, правовой системы, качества рабочей силы, глубины и периодичности финансовой отчетности. Налоговая система анализируется с точки зрения корпораций и с точки зрения основных налогов, уплачиваемых корпорациями в обеих странах: корпоративный подоходный налог (КПН), налог на добавленную стоимость (НДС), налоги с продаж и налоги на заработную плату.

Бизнес-среда в том виде, в каком мы ее определили, явно более благоприятна для бизнеса в США, но Россия имеет некоторые преимущества перед США в корпоративном налогообложении, такие как более низкая ставка КПН и специальные налоговые режимы. Однако другая рассматриваемая налоговая нагрузка делает Россию гораздо менее конкурентоспособной для открытия и ведения бизнеса.

Ключевые слова: бизнес-среда, глобализация, корпоративный подоходный налог, международный бизнес, налог на добавленную стоимость, налоги с продаж, налоги на заработную плату, оффшоры, Россия, США, конкурентоспособность

Информация для цитирования: Чумаков П.С. Выбор страны для международного бизнеса. Сравнение России и США // Научный результат. Экономические исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 3-12. DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-1

Petr S. Chumakov

**Choosing a country for international business.
Comparison of Russia and USA**

Department of Finance and Prices
Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia

e-mail: CHumakov.PS@rea.ru

Abstract

In the XXI century, an entrepreneur has a much wider choice of countries and regions to start a business than before. Choice factors such as proximity to commodity markets, cheap access to raw materials and cheap or skilled labor are superior to the size of the market, the quality of the business environment (convenience of doing business), and the tax environment of a particular country or region.

This article analyzes the main components of the business environment and the tax environment of the Russian Federation and the United States of America in comparison. The business environment is considered as a set of relations with regulatory authorities, the level of corruption, business ethics, the legal system, the quality of the workforce, the depth and frequency of financial reporting. The tax system is analyzed from a corporate perspective in terms of the main taxes paid by corporations in both countries: Corporate Income Tax (CIT), Value Added Tax (VAT), sales taxes, and payroll taxes.

The business environment as we have defined it is clearly more favorable for business in the United States, but Russia has some advantages over the United States in corporate taxation, such as a lower CPN rate and special tax regimes. However, the other tax burden under consideration makes Russia much less competitive to start and run a business.

Key words: international business, corporate income tax, value-added tax, sales taxes, payroll taxes, Russia, USA, offshore, globalization, business environment, competitiveness.

Information for citation: Chumakov P.S. "Choosing a country for international business. Comparison of Russia and USA", *Research Result. Economic Research*, 6(4), 3–12, DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-1

Discussion

1. Globalization of business – the new opportunities for entrepreneurs. Our modern world gives an entrepreneur the right to choose the country and the region where to start a business. In the XX century, such factors as proximity of the commodity markets, cheap access to raw materials and to cheap/qualified workforce were crucial for the choice of business location, but nowadays, the

rapid growth of the service industry and its transformation into digital services have reduced the value of the above-mentioned factors.

The Internet evolution granted many companies such a broad access to the global service market that they could not even think of 20 years ago. At the same time, the Internet technologies have changed the way of business communication and the style of office

work, giving more professionals in the world the opportunity to work remotely and to be hired easily by the employers from the other regions and countries via online services like Catalant or Upwork [<https://gocatalant.com/expert-marketplace/> ; <https://www.upwork.com/>]. Such working flexibility has become crucial during the COVID-19 pandemic, when the employees capable of working in the remote mode efficiently have gained the competitive advantage as well as their employers.

In Russia of the 1990s – 2000s, the prepared site for the project was a key factor of its launch, but now the business idea has become the main one. A modern Russian entrepreneur, as well as his/her foreign colleague, selects the most suitable sales market for the business idea, and this means the choice of entire project environment (business environment). For many industries, the volume of the sales market clearly votes for establishing a project in the EU/USA/China, because of the higher purchasing power of their population (so called effective demand) and the constant growth of this power, which we cannot notice in the Russian Federation.

Tax environment has become less important from this point of view, and the convenience of doing business in a particular country or region has been the next in line after the market size. This convenience includes not only the simplicity and cost of registering a legal entity, but also easy relations with regulatory authorities, the level of corruption and business ethics, the legal system, the level of protection of the entrepreneur's rights, the inviolability of private property, the quality of labor resources, the depth and frequency of financial reporting. Having made a decision on these matters, a businessman starts to assess the tax environment of the future project. Free online services can be a great help in this process, for example, the online service of PricewaterhouseCoopers [<https://taxsummaries.pwc.com/>], which will show you the main taxation parameters of 152

countries and territories of the world.

2. What business environment of a country consists of.

Let us consider the business environment of a country, sometimes called “the investment climate”, but, in our opinion, it is not the same. The investment climate measures the convenience of putting money into the country and withdrawing it, while the business environment considers all the factors affecting a businessman who decided to live in this country and to run a business here.

My business experience proves that the business environment of a country or region starts from its government attitude towards business. Are the corporations' interests the priority for the executive power or they are the last to think of, do the legislative authorities conduct consultations with business before imposing the legal acts that affect it, finally, do the authorities offer an adequate compensation to the businesses suffering from lockdown during the COVID-19 pandemic? If we compare Russia, especially St. Petersburg [see for details RosBusinessConsulting article] to European countries and to the USA, the comparison will not be in favor of Russia.

I'd rather give the second place in the business environment components to the legal system of the country and to the other instruments of business protection. It is known that Russia has codified law which is considered less protective than common law of Great Britain or the USA, but the main drawback is not in codification. Russian businesses and individuals suffer badly from the slowness of the legal system and its dependence on the executive authorities [<https://www.rbc.ru/society/07/12/2020/5fce7b499a794715bbfe6fd4>].

The next thing to consider is the business ethics and the level of corruption connected with it. It starts from the average delay of performance of obligations under any agreement and ends up with the slowness of receipt of documents from the state authorities which opens up scope for bribes and kickbacks.

Then we should think about financial

reporting, which is very bulky in Russia. The comparison of the Russian Accounting Standards with the International Financial Reporting Standards (IFRS) and the Generally Accepted Accounting Principles (US GAAP) is out of our scope, but nonetheless we have to admit that filing the reports 4 times a year instead of 1 time (like abroad) and having different reporting for accounting and for tax purposes do not add convenience to Russian reporting environment.

Quality and cost of workforce is quite a doubtful competitive advantage of Russia. Our own 12-year experience of running a project in the material production industry shows that the main staff problem in Russia is to find enough workers who are willing to work diligently without drinking too much alcohol. As for the professionals in digital industries, the Russian ones require higher salaries than their peers from China or India, being often less qualified.

And the last but not the least thing to consider within the business environment is the availability of loans for business and the level of interest rates. It might look strange but in Russia it is much easier to get a bank loan for an individual than for a business. Banks do not like startups and generally do not grant loans to enterprises established less than 3 years ago and/or having losses for the last 3 years. Even though Russian Central Bank key rate is now the lowest in its history (4.25 % per annum), the rates of bank loans for the business start from 11 % [see for details:

https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/credits/invest?tab=terms].

3. Project and client type affecting the choice of tax regime.

After the choice of business environment was made, the project founder should assess the tax environment of the chosen country. The suitability of a particular tax environment for your project depends first of all on the type of the project: whether you sell goods or services, produce them yourself or mediate on the trade. If you mediate, will you have the full-size turnover or just an

intermediary commission? This question is essential in terms of determination of business model, the scope of responsibility and the business size, that means its eligibility for special tax regimes.

The clients' segmentation also matters a lot. The type of the main customers – individuals or companies, final consumers or intermediaries, the currency they operate, the tax regimes they apply (this is very important in countries with VAT like Russia), and where they located and registered – all these questions will affect your choice of tax environment.

Finally, the internal structure of your project will affect the choice of the country and region. For sure, not every business can afford to hire self-employed persons working in remote mode. There can be restrictions in labor legislation of the country of business and the country of employee. The money transfers to the employees and their tax treatment are often tricky.

4. Comparison of competitiveness indicators of different jurisdictions

Let's have a look at the comparison prepared by ATON Investment Company, one of the leading investment companies in Russia, for its clients. Table 1 shows the ranking of countries by their competitiveness in terms of simplicity of doing business. We should bear in mind, that this rating reflects a private opinion of ATON analysts based on the convenience of operations with securities, trusts and inheritance in these countries. But in the popular Russian business portals like www.rbc.ru, we can find other opinions, in particular, Sergey Belousov – the CEO of Acronis (Russian information technology company) proved the advantages of organizing an innovative, high-tech business in Singapore [<https://www.rbc.ru/opinions/economics/24/01/2018/5a683ea39a79471c972d30a6?from=center> 17]. We should also notice that taxation is the last parameter of this comparison, the weight of this indicator is the lowest, and also the first 5 lines in the rating are occupied by the obviously not offshore

countries[Offshore countries are considered to use so-called harmful tax practices to reduce the tax burden of a company compared to its country of origin by more than 2 times. Also,

offshore countries are those that do not disclose information about the companies' beneficiaries to the authorities of the native countries of such beneficiaries.].

Конкурентные преимущества популярных юрисдикций

Таблица 1

The competitive advantages of popular jurisdictions

Table 1

Rating	Country	Competitive weighted rating	Business environment	Opportunities	Stability	Tax rating
1	Switzerland	2.5	1	1	3	3
2	Singapore	2.7	4	4	1	1
3	Hong Kong	3.7	5	6	2	2
4	Great Britain	3.8	3	2	5	5
5	USA	5.0	2	3	6	7
6	Bahrein	5.2	7	5	7	4
7	Luxembourg	5.7	6	8	4	6
8	United Arab Emirates	7.2	8	7	9	8
9	Panama and Caribbean countries	7.4	9	9	8	9

Source: Investment Company ATON

As we can see from this table, the United States are number 5 in the overall rating, but they are number 2 in terms of business environment and number 3 in terms of opportunities. According to the special research project of the Expert Russian Journal dedicated to startups with Russian origin abroad, the US is the absolute leader both in quantity of new enterprises founded by Russians and in amount of investment raised by them [K. Chukavina, D. Tolmachev, I. Perechneva, E. Volganova. Let us make the startups the base of a new economy. Journal "Expert", Moscow, Russia, #42 of 2020, p.72-73].

As we have discussed above, the US business environment is much more business-friendly in comparison to Russian. But the tax rating 7 from ATON analysis means the United States is the country with a relatively high level of corporate taxation, while Russian officials have been boasting recently that Russia is a low-tax jurisdiction.

In order to check this statement, let us

perform our own analysis putting the accent on the tax burden (on the main corporation taxes) and tax administration. The comparison of USA and Russia tax environment is very interesting because the US corporate tax level has changed tremendously in 2017-2020 and the US shares market reacted to this rapidly with the unprecedented growth.

5. The corporate taxation system comparison: Russia versus USA.

5.1. Corporate income tax (CIT)

We should start our comparison with the Corporate Income Tax (CIT) which is 21 % in the US on the federal level and 1-12% on the states level (some states do not impose state CIT at all). State and municipal income taxes imposed on businesses are deductible expenses for federal income tax purposes.

President Donald Trump signed Public Law (P.L.) No. 115-97 on 22 December 2017, stipulating the tax reform that lowered corporation tax rates, changed the US international tax rules, and provided the most

significant revision of the US tax regime in more than 30 years. P.L. 115-97 lowered permanently the US Federal Corporate Income Tax (CIT) rate from 35% to a flat 21%. The new CIT rate is effective for tax years beginning after 31 December 2017.

In the Russian Federation, all corporations who have chosen the so called Main Taxation System (that means they are also VAT-payers) have the flat CIT rate of 20%. During the 2017-2024 period, the CIT is allocated in the following proportion: 3% of CIT revenues is going to the federal budget, whereas 17% is taken by the budgets of the relevant regions (so called subjects of the federation). The rate of taxes payable to regional budgets (17% out of 20%) may be reduced by regional laws for some categories of taxpayers. The reduced regional rates set up before 3 September 2018 will apply until the date of their expiry but not later than 1 January 2023.

We should also compare some of the special tax regimes applied by the small businesses in both countries. In the US, if a corporation has 100 or fewer eligible shareholders, all of them are physical persons, and meet certain other requirements, it may elect to be taxed as the so-called S corporation. S corporations are taxed almost like partnerships (i. e. all tax items like income, deductions flow through to the owners of the entity). Thus, S corporations generally are not subject to the US Federal Income Tax.

In Russia, if a legal entity or sole entrepreneur has less than 100 employees, an annual turnover less than 150 mln. RUR (currently it equals 2 mln. USD), a residual value of fixed assets less than 150 mln. RUR and no more than 25 % of its shareholders are corporations, it often applies to the so-called Simplified Tax System (USN or “УСН” in Russian). It replaces CIT, VAT and a part of property tax by the unified tax which can be either 15 % of the difference between income and costs or 6 % of income. The choice between these two options is up to the taxpayer.

Summing up, we can say that the CIT burden in the US is slightly harder than in Russia despite the President Trump’s reforms, but the American Tax Administration makes the US CIT regime more preferable. As it is shown in Table 2 below, US corporations have the right to choose their fiscal year end, i. e. it is not necessarily 31 December, and that affects the date of the final tax payment and the instalments payment dates, which are 4 equal payments throughout the year, on the 15th day of the 4th, 6th, 9th, and 12th months of the corporation tax year. It is very convenient for new corporations to use a short tax year for their first tax period, and also to use a short tax year when changing tax years.

In Russia, the fiscal year ends on the 31 December for everyone, the estimated payments sometimes are made monthly, not quarterly (depending on the size of tax base), the quarters and months are stuck strictly to the calendar year and there’s no opportunity to choose a shorter tax year for the first tax period or to change tax years.

5.2. Value-Added Tax (VAT) and sales taxes

Now let’s compare the main indirect taxes, namely the Value-Added Tax (VAT) and sales taxes. In the USA there are no provisions for a sales tax or VAT at the federal level; however, sales and use taxes are the major revenue source for the 45 states and the District of Columbia. Sales and use tax rates vary from state to state and generally range from 2.9% to 7.25% at the state level. Most states also permit local cities and counties to impose an additional percentage on top of the state-level tax and to use the related revenues.

Sales tax is applied to the retail sale of tangible personal property and certain digital products and a number of services (like hotel accommodation or restaurant meals). You can see it in the payment receipt from the retail sale of the taxable item. The retailer usually collects the sales tax from the purchaser and remits these amounts to the state.

In Russia, there is no sales tax although the possibility of the municipal authorities to

impose it is being discussed from time to time. Instead, Russia has the Value-Added Tax of 20%, totally payable to the federal budget. Russian taxpayers use an input-output VAT system, whereby a VAT payer generally accounts for VAT on a full sales price of the deal and recovers input VAT incurred on inventory costs and other related business expenses.

The standard VAT rate of 20% applies to the value of goods, work, services and property rights supplied in Russia. The lower rate of 10% is applicable to certain basic foodstuffs, children's clothing, medicines and medical products, printed publications, etc. The same VAT rates apply to imports of goods into Russia.

Exports of goods, international transportation and other services related to the export of goods from Russia and certain other supplies are zero-rated and give the right of input VAT recovery. For application of the 0% VAT rate and recovery of relevant input VAT amounts a company has to prepare a great number of documents and file it with the tax inspectorate within short time limits.

There are VAT-exempt goods and services such as basic banking and insurance, financial companies' services (depositories, brokers), educational services provided by certified universities, sales of some essential medical equipment, passenger transportation and some other socially important services.

The provision of VAT-exempt deliveries does not entail the right to refund the input VAT related to them. Instead, the costs associated with non-refundable input VAT can be deducted for CIT purposes.

Summing up the indirect taxes comparison we should note that Russia has an unfavorable VAT/sales tax regime, especially for the corporations whose main costs are payrolls, because the employee costs have no VAT inside them and thus it cannot be netted off with the output VAT.

5.3. Payroll taxes (social insurance contributions)

Finally, let us discuss the social/medical/pension/unemployment payments based on the wages, generally called payroll taxes (even though the Russian Tax Code attributes these payments not to taxes, but to contributions into non-governmental funds).

In the US, most employers are subject to the Federal Unemployment Tax (FUTA) of **6%** on the first USD 7,000 of wages paid to employees meeting certain criteria, with potential reduction of up to **5.4%** for state unemployment taxes. For 2020, employers are also subject to the Social Security Tax of **6.2%** on the first USD 137,700 of wages paid to employees and the Medicare tax of **1.45%** on all wages (collectively called FICA taxes).

The main difference between Russian and American systems of payroll taxes is that in the US the employee is taxed by the same amount of payroll taxes as his/her employer. The employers are the tax agents, so they have to withhold the same amount of FICA taxes from employee wages, the Federal Income Tax at graduated rates and the additional Medicare tax of 0.9% on wages in excess of USD 200,000. In addition, some states of the US impose the State Income Tax, the State Unemployment Tax, the Workers' Compensation Insurance Tax, and other state-level benefit requirements at varying rates which are also withheld by employers.

In Russia, the similar payroll taxes are called social contributions and the employer bears full responsibility for them. The employee pays nothing but the Federal Income Tax of 13 % (additional 15 % for the amounts exceeding 5 mln. RUR since 1 January 2021) from his/her wages. This income tax is withheld from the wages and paid to the budget by the employer as a tax agent.

So, the social contributions paid by Russian employers in 2020 are as follows:

- The Social Insurance Fund: only the first RUR 912,000 of salary is taxed (at a rate of 2.9%).

- The Pension Fund: the first RUR 1,292,000 is taxed at 22%, and the excess is taxed at 10%.

- The Medical Insurance Fund: 5.1% of the total salary.

In order to support the small businesses suffered from COVID-19 pandemic lockdown, social contributions for small and medium enterprises in Russia have been reduced almost to 15% starting from 1 April 2020 and going forward.

Summing up the payroll taxes analysis we should notice that its burden for Russian enterprises is more than twice harder than for American ones, if we compare, for example, contributions from annual salary of 40,000 USD (about 3 mln. RUR) which is considered quite high in Russia, but very low in the USA. Paying the payroll taxes both for the business and for the employees makes many Russian enterprises to use harmful tax practices, for example, to pay salaries in “black” cash.

Таблица 2

Сравнение основных корпоративных налогов в России и США

Table 2

The comparison of main corporation taxes in Russia and the USA

Type of tax/main features	Russian Federation Last reviewed on 22 Sep 2020	United States of America Last reviewed 31 Jul 2020
Corporate income tax (CIT) Rates	20 %	21 % (federal CIT) 0-12 % (state CIT) treated as deductible expense for federal
Filing declaration due	28 March	15 April
Final payment date	28 March	By the 15th day of the 12th month of the tax year
Estimated payment due dates	Monthly or quarterly instalment	4 equal estimated payments throughout the year, on the
		15th day of the 4 th , 6 th , 9 th , and 12 th months of the tax year
Value added tax (VAT)	20% on the sales price of goods, works and services 10% for some kinds of food, medicine, children clothes 0% for banking, insurance, financial, educational, passenger transport services	Not applicable
Sales taxes	Not applicable	No tax on federal level 2.9 – 7.25 % of sales price of goods, works and services on the 45 states and municipal level [Alaska, Delaware, Montana, New Hampshire and Oregon do not impose a state sales tax]

Payroll taxes	Social Insurance 2.9% of the 1 st RUR 912,000 of salary. Pension fund tax: 22% of the 1 st RUR 1,292,000 of salary and 10 % of the excess. Medical Insurance tax: 5.1% on all wages [Social contribution benefits (pension fund tax reduction to 14% and 7,6%, medical insurance tax reduction to 4% and 0.1%) will be available for IT and technology companies from the 1 January 2021 provided certain criteria are met.]	Federal unemployment tax (FUTA) of 6% on the 1 st USD 7,000 of wages. Social security tax of 6.2% on the 1 st USD 137,700 of wages. Medicare tax of 1.45% on all wages
----------------------	--	--

Created by Peter S. Chumakov on the data of <https://taxsummaries.pwc.com/>

Conclusion

The aim of this article was not to give a comprehensive overview of the Russian and US corporation tax systems, but rather to provide an entrepreneur with a quick guide on the main issues he or she should consider when choosing a country for international business. The United States was chosen for comparison with Russia, because the US is the top country for Russian startups in terms of quantity and the amount of investment raised by them.

Leaving the matters of the founder's personal taxation, working permits and visas out of our scope, we have concentrated on the convenience of business environment and tax environment for a corporation. Within tax environment we have analyzed the major taxes paid by the corporations in both countries: Corporate Income Tax (CIT), value-added tax (VAT), sales taxes and payroll taxes.

From the point of view of business environment, determined by us as a combination of relations with regulatory authorities, the level of corruption, business ethics, the legal system, the quality of work force, the depth and frequency of financial reporting – the USA has clearly outrivalled Russia. In terms of corporate taxation Russia has some advantages over the US, such as a lower CIT rate and special tax regimes like the Simplified Tax System. But the way of CIT

administration, the huge VAT in comparison to US sales taxes, and especially payroll taxes burden, which is more than twice harder in Russia, makes the Russian Federation much less competitive in terms of starting and running a business.

Список литературы

1. Джулия Каган, 2020. Что такое налоговая гавань? [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.investopedia.com/terms/t/taxhaven.asp> (дата обращения 15.12.2020).
2. Новости дня в России и мире – РБК. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.rbc.ru/opinions/economics/24/01/2018/5a683ea39a79471c972d30a6?from=center_17. (дата обращения 15.12.2020).
3. Налоговые сводки По Всему Миру. Social contribution benefits (pension fund tax reduction to 14% and 7,6%, medical insurance tax reduction to 4% and 0.1%) will be available for IT and technology companies from the 1 January 2021 provided certain criteria are met. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://taxsummaries.pwc.com/> (дата обращения 15.12.2020).
4. Официальный сайт Сбербанка web-site. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/credits/invest?tab=terms (дата обращения 15.12.2020).
5. Чумаков П.С., 2019. Недостаточная защита прав землепользователей в России // Международный журнал гражданского и торгового

права М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019.- №2: 36-45. ISSN 2449-2541, [Электронный ресурс] Режим доступа:
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39174883> (дата обращения 15.12.2020).

6. Чукавина К., Толмачев Д., Перечнева И., Волганова Е., 2020. Сделаем стартапы основой новой экономики// Эксперт №42, Москва, 2020: 72-73.

7. "Alaska, Delaware, Montana, New Hampshire and Oregon do not impose a state sales tax",
<https://www.kiplinger.com/slideshow/taxes/t054-s001-states-that-don-t-have-state-sales-tax/index.html> accessed 15.12.2020

8. <https://gocatalant.com/expert-marketplace/>, <https://www.upwork.com/> accessed 15.12.2020

9. <https://taxsummaries.pwc.com/> accessed 15.12.2020

10. <https://www.rbc.ru/society/07/12/2020/5fce7b499a794715bbfe6fd4> accessed 15.12.2020

Resources

1. <https://gocatalant.com/expert-marketplace/>, <https://www.upwork.com/> accessed 15.12.2020

2. <https://taxsummaries.pwc.com/> accessed 15.12.2020

3.
<https://www.rbc.ru/society/07/12/2020/5fce7b499a794715bbfe6fd4> accessed 15.12.2020

4. Chumakov P.S (2019). "Insufficient protection of land users' rights in Russia", *International journal of civil and trade law*, 2, pp. 36-45: ISSN 2449-2541, [Online] available at <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39174883> (accessed 15.12.2020).

5. Sber official web-site:
https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/credits/invest?tab=terms accessed 15.12.2020

6.

https://www.rbc.ru/opinions/economics/24/01/2018/5a683ea39a79471c972d30a6?from=center_17 accessed 15.12.2020

7. "A tax haven is generally an offshore country that offers foreign individuals and businesses little or no tax liability in a politically and economically static environment. Tax havens also share limited or no financial information with foreign tax authorities",
<https://www.investopedia.com/terms/t/taxhaven.asp> accessed 15.12.2020

8. Chukavina K., Tolmachev D., Perechneva I., Volganova E., "Let us make the startups the base of a new economy" (2020), *Journal "Expert"*, Moscow, Russia, 42, pp. 72-73.

9. "Alaska, Delaware, Montana, New Hampshire and Oregon do not impose a state sales tax",
<https://www.kiplinger.com/slideshow/taxes/t054-s001-states-that-don-t-have-state-sales-tax/index.html> accessed 15.12.2020

10. Social contribution benefits (pension fund tax reduction to 14% and 7,6%, medical insurance tax reduction to 4% and 0.1%) will be available for IT and technology companies from the 1 January 2021 provided certain criteria are met.
<https://taxsummaries.pwc.com/> accessed 15.12.2020

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Чумаков П.С., кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и цен Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, (Москва, Россия)

Chumakov P. S., candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Finance and Prices, Plekhanov Russian University of Economics, (Moscow, Russia)

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА WORLD ECONOMY

УДК 336.748.12:331.562(470)

DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-2

Андрюхин А. Ю.

**Оценка взаимосвязей безработицы и инфляции
в российской экономике**

Кемеровский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»,
Россия, 650991, г. Кемерово, пр. Кузнецкий, 39

e-mail: sandryuhin@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется взаимосвязь между безработицей и инфляцией в экономике России в долгосрочном и краткосрочном периодах. При анализе годовых данных за 2007-2019 гг. показано отсутствие корреляции, указывающее, что взаимосвязь в долгосрочном периоде не имеет места. В краткосрочном периоде при использовании месячных показателей инфляции и безработицы за 2016-2020 гг. в течение отдельных лет (2016, 2019 гг.) обнаруживается положительная корреляция данных показателей, что объясняется по преимуществу сезонным фактором (дефляция, повышение спроса на рабочую силу в отдельных отраслях в летне-осенний период). Обратных связей, соответствующих кривой Филлипса, не наблюдается. В первые три квартала 2020 г. коэффициент корреляции стал отрицательным, однако его значение ниже критического уровня. Следовательно, взаимосвязи безработицы с инфляцией в российской экономике проявляются достаточно редко.

Ключевые слова: инфляция; индекс потребительских цен; безработица; кривая Филлипса; корреляция; экономика России.

Информация для цитирования: Андрюхин А. Ю. Оценка взаимосвязей безработицы и инфляции в российской экономике // Научный результат. Экономические исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 13-24. DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-2

Aleksandr J. Andrjulin

**Assessment of the relationship between unemployment
and inflation in the Russian economy**

Kemerovo Institute, Branch of Plekhanov Russian University of Economics,
39 Kuznetsky Ave., Kemerovo, 650991, Russia
e-mail: sandryuhin@mail.ru

Abstract

The purpose of the study is to determine the relationship between inflation and unemployment in the Russian economy. The long-term period (annual data for 2007-2019) and the short-term period (monthly data for 2016-2019) are analyzed. The methods of correlation and regression

analysis, analysis of variation series were used. As a result of the study, it was found that in the long run, there are no direct or inverse links between inflation and unemployment. The ratio of inflation to unemployment did not fit the Phillips curve. In the short term, in some years, there is a positive correlation between inflation and unemployment, while they simultaneously decrease. In 2016, 2019, to a lesser extent in 2017, this was due to deflation in July-September and a seasonal growth in labor demand. If seasonal deflation does not occur, there is no correlation between inflation and unemployment even in the short run. Consequently, the impact of unemployment on inflation in Russia is weak and volatile. In the first 9 months of 2020, inflation and unemployment trends are getting closer to each other, but the relationship is not statistically significant. This is due to job cuts amid the novel coronavirus pandemic, while inflation remains stable.

Key words: inflation; consumer price index; unemployment; Phillips curve; correlation; Russian economy

Information for citation: Andrjuhin A.J. “Assessment of the relationship between unemployment and inflation in the Russian economy”, *Research Result. Economic Research*, 6(4), 13–24, DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-2

Введение

Инфляция и безработица – наиболее очевидные макропроблемы национальной экономики. Тенденции, факторы, особенности инфляционных процессов и безработицы, а также взаимосвязи между ними являются предметом активного интереса мировой экономической науки [Akalpler, 2017; Chu et al., 2020; Sa'idu, Muhammad, 2015]. Внимание к проблемам безработицы и инфляции актуализировали в последнее время пандемия нового коронавируса, связанные с ней ограничительные меры, повлекшие потерю значительного количества рабочих мест [Estrada, 2020]. Один из главных исследовательских вопросов в данной области – существование связей между безработицей и инфляцией. Наиболее известной в экономической теории моделью, связывающей инфляцию и безработицу, остается кривая Филлипса, построенная на данных по экономике Англии в 1861-1957 гг. Эта модель изначально постулировала: чем выше безработица, тем ниже инфляция и наоборот [Ситтаро, Сюпова, 2017]. Объяснение данной закономерности состоит в том, что по мере роста безработицы снижается заработная плата, соответственно, рост спроса, цен и инфляции замедляется. Следует учитывать, что

данная модель находится в русле кейнсианской экономической концепции, созданной уже почти век назад, и ее соответствие современной экономике не гарантировано. Добавим, что кривая Филлипса связывает рост цен только с инфляцией спроса и игнорирует инфляцию издержек, а также эффект переноса.

Идея обратной зависимости инфляции и безработицы ставится под сомнение более поздними научными разработками («критика Лукаса») и опытом различных стран. В 1970-е гг. возник феномен стагфляции – одновременного роста инфляции и безработицы. Один из лидеров неоклассики М. Фридмен показал, что связь между инфляцией и безработицей в США с 1970-х гг. практически отсутствует, корреляция близка к нулю [Трунин и др., 2017; Andrada, 2017]. Таким образом, наличие либо отсутствие взаимосвязей между данными показателями является спорным вопросом. Логично предположить, что для зрелых рыночных и переходных экономик влияние безработицы на инфляцию может быть разным, кроме того, эти процессы способны изменяться во времени.

Авторы, изучающие взаимосвязь инфляции и безработицы в России, приходят к противоречивым выводам. Б.Н. Гафаров

[2011], рассматривая данные за 1999-2010 гг., показал, что с 2002-2003 гг. в России постепенно начала формироваться обратная зависимость безработицы и индекса потребительских цен (ИПЦ). Например, падение безработицы в 2007 г. ускорило инфляцию. Несколько позже Х.М. Кордеро [2012] указал, что инфляция в 2006-2011 гг. была связана как с безработицей, так и с приростом валового внутреннего продукта (ВВП). Однако исследование А.В. Соколовой [2014] доказывает, что на динамику инфляции в 1999-2013 гг. влияли инфляционные ожидания, в меньшей степени ВВП (валовой выпуск), но не ситуация на рынке труда.

Стагфляция описана Н.П. Горидько, Р.М. Нижегородцевым [2015] на материалах российских регионов Севера и Арктики (Камчатский край, Магаданская область, Мурманская область, Республика Карелия) в 2001-2013 гг. Следовательно, имели место однонаправленные тренды инфляции и безработицы, противоречащие кривой Филлипса и соответствующие «критике Лукаса». По данным В.В. Ильяшенко [2016], в 1994-2014 гг. в России наблюдались все возможные комбинации: прямая связь инфляции и безработицы, обратная, отсутствие связи. Согласно И.В. Шевченко и М.С. Коробейниковой [2017], соотношение инфляции и безработицы отвечало кривой Филлипса лишь эпизодически, резкое снижение инфляции увеличивало безработицу в отдельные периоды, в других ситуациях взаимосвязи не наблюдалось. Близка к этому выводу точка зрения М.К. Мавлютова и Ю.Н. Орлова [2017], согласно которой в кризисные периоды наблюдается стагфляция, в другие периоды инфляция и безработица не связаны.

Во многих исследованиях отрицается взаимосвязь безработицы и инфляции. Согласно Д.А. Егорову [2017], в 1999-2015 гг. инфляция объяснялась тремя факторами – инфляционные ожидания, курс рубля, предельные издержки труда (дополнительные расходы на наем персонала при росте производства), а безработица в чистом виде не

оказывала на нее влияния. Близкий вывод сформулирован О.А. Кузнецовой, М.С. Зуевой, А.А. Ярыгиной [2017]: в российской экономике инфляция и безработица не связаны между собой, поскольку инфляция растет в кризисные периоды, к которым фирмы адаптируются, снижая заработную плату, а не численность персонала. По данным А.В. Зубарева [2018], в 2000-2014 гг. дефлятор ВВП и ИПЦ никак не были связаны с безработицей и разрывом выпуска. Основой причиной инфляции был эффект переноса в цены валютных курсов, который не зависит от занятости и безработицы. В свою очередь, дефлятор ВВП за вычетом экспорта коррелирует с разрывом выпуска, но не с индикаторами рынка труда. Существенным фактором инфляции служат также инфляционные ожидания [Раннева, 2019; Цховребов, 2019].

Не наблюдается корреляции инфляции и безработицы также на региональном уровне [Аверина, Горшкова, Синельникова-Мурылева, 2018]. По результатам изучения 80 регионов за 2000-2015 гг. было продемонстрировано, что показатель безработицы по методологии Международной организации труда (МОТ) не имеет той связи с индексом потребительских цен, которую предписывает кривая Филлипса (с инфляцией коррелирует разрыв выпуска – отклонение фактического валового регионального продукта (ВРП) от ожидаемого). Основными факторами региональной дифференциации инфляции в России являются инфляционные ожидания, доля импорта региона в ВРП и совокупный спрос, но не состояние рынка труда [Синельников-Мурылев, Перевышин, Трунин, 2020].

Следовательно, как показывают литературные данные, в ряде ситуаций в российской экономике отмечена стагфляция, т.е. одновременный рост безработицы и инфляции, в других работах доказывается независимость инфляции и безработицы. Во многих случаях рассматривается не собственно взаимосвязь инфляции и безработицы, а современные подходы к прогнозированию инфляции, учитывающие разрывы выпуска, инфляционные ожида-

ния. Отметим также, что многие исследования рассматривали годовые данные, что, вообще говоря, не отвечает смыслу кривой Филлипса, действующей в краткосрочном периоде. Годовые данные имеют в данном случае, по большому счету иллюстративный характер. Можно предположить, что причинно-следственные связи и закономерности, ставшие основой для построения в свое время кривой Филлипса, весьма редко и «неуверенно» возникают в российской экономике. Поэтому необходим дополнительный анализ, позволяющий доказать наличие либо отсутствие причинно-следственных связей инфляции и безработицы в экономике России, а также определить их характер.

Цель исследования – выявить наличие или отсутствие взаимосвязей инфляции и безработицы в экономике России.

Материалы и методы исследования. Объектом исследования является национальная экономика России, в рамках которой развиваются инфляционные процессы, и функционирует рынок труда. В исследовании рассматриваются показатели инфляции (ИПЦ) и безработицы по методологии МОТ, в годовом и месячном разрезе за 2016-2019 гг. и 9 месяцев 2020 г. на уровне страны в целом. Информационным источником послужили статистические

сборники, официально публикуемые Федеральной службой государственной статистики РФ. Для выявления наличия и характера взаимосвязей безработицы и инфляции использовались классические инструменты статистического анализа: расчет коэффициентов корреляции Пирсона, построение уравнений регрессии, анализ автокорреляции, анализ вариационных рядов на основе среднеквадратического отклонения и коэффициента вариации. Для оценки статистической значимости полученных уравнений регрессии применялись *t*-критерий Стьюдента и *F*-критерий Фишера.

Основная часть

Сначала рассмотрим взаимосвязь инфляции и безработицы в долгосрочной периоде на основе годовых данных от 2007 г. как последнего «предкризисного» года до 2019 г. (табл. 1, рисунок). Из представленных данных видно, что ничего похожего на кривую Филлипса в долгосрочном периоде не наблюдалось. Например, максимальная безработица в 2009-2010 гг. сопровождалась умеренной инфляцией. При близких уровнях безработицы – около 6%, инфляция могла варьироваться от 4-6% до 8-12%. Монотонное снижение безработицы в 2016-2019 гг. не повлекло увеличения инфляции.

Таблица 1
 Годовые показатели ИПЦ и безработицы по методологии МОТ в России, 2007-2019 гг., процентов

Table 1
 Annual Consumer Price Index and unemployment according to the ILO methodology in Russia, 2007-2019, %

	Инфляция	Безработица
2007	11,9	6,0
2008	13,3	6,2
2009	8,8	8,3
2010	8,8	7,3
2011	6,1	6,5
2012	6,6	5,5
2013	6,5	5,5
2014	11,4	5,2
2015	12,9	5,6
2016	5,4	5,5
2017	2,5	5,2
2018	4,3	4,8
2019	3,0	4,6

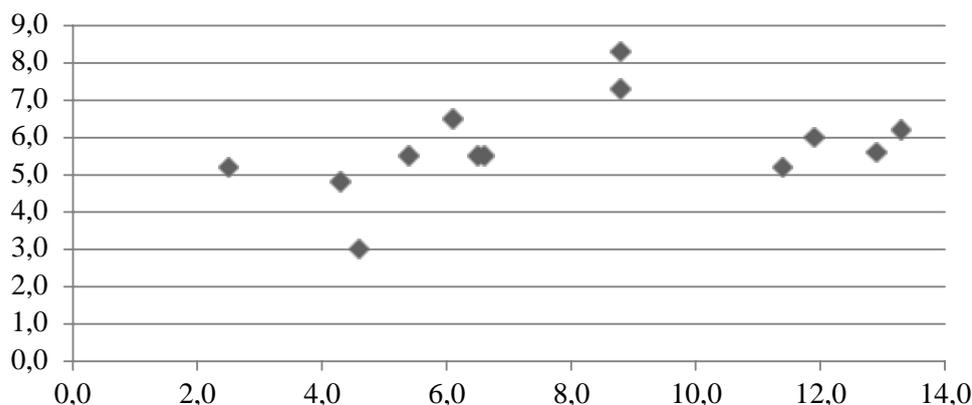

Рис. Соотношение инфляции (горизонтальная ось) и безработицы (вертикальная ось) в России в 2007-2019 гг., процентов

Fig. Ratio of inflation (horizontal axis) and unemployment (vertical axis) in Russia in 2007-2019, %

Таблица 2

Коэффициенты корреляции инфляции и безработицы в России по месячным данным, 2016-2020 гг.

Table 2

Correlation coefficients of inflation and unemployment in Russia according to monthly data, 2016-2020

	В целом за период	2016	2017	2018	2019	9 месяцев 2020 г.
Коэффициент корреляции	0,154	0,596	0,513	0,142	0,826	-0,500
Число степеней свободы	55	10	10	10	10	7
Критическое значение при $\alpha = 0,05$	0,262	0,576	0,576	0,576	0,576	0,666
Наличие зависимости	Нет	Есть	Слабая	Нет	Есть	Нет

Коэффициент корреляции между показателями таблицы 1 составляет 0,371 (при 10 степенях свободы критическое значение на уровне значимости $\alpha = 0,05$ равно 0,576). Если бы действовала закономерность, присущая кривой Филлипса, коэффициент корреляции должен был бы иметь большее по модулю отрицательное значение. На существование стагфляции мог бы указывать положительный коэффициент корреляции, также больший, чем 0,576. Следовательно, в долгосрочной перспективе показатели инфляции и безработицы в российской экономике независимы.

Из данных таблицы 2 видно, что за все 57 месяцев наблюдений корреляция инфляции и безработицы отсутствует. Из данных таблицы 2 видно, что за все 57 месяцев наблюдений корреляция инфляции и безработицы отсутствует.

Это вполне согласуется с известными в экономической теории закономерностями.

Поэтому целесообразно остановиться на ежемесячных данных, отражающих изменения безработицы и инфляции в краткосрочном периоде с января 2016 г. по сентябрь 2020 г. по месяцам (в общей сложности 57 месяцев). Коэффициенты корреляции приведены в таблице 2. Из данных таблицы 2 видно, что за все 57 месяцев наблюдений корреляция инфляции и безработицы отсутствует.

В то же время в 2016 и 2019 гг. можно говорить о наличии статистически значимой связи. Близок к

критическому значению также коэффициент корреляции за 2017 г. Лишь в 2018 г. он был очень низким, т.е. тренды инфляции и безработицы развивались по изолированным сценариям. Также выделяются из общей картины первые три квартала 2020 г., когда рынок труда испытал внешние шоки, связанные с пандемией нового коронавируса, ухудшением конъюнктуры сырьевых рынков. Представляется, что этот период требует отдельного анализа, пока же остановимся на изучении ситуации в 2016-2019 гг.

Следует подчеркнуть, что все коэффициенты корреляции до 2020 г. были положительными, что соответствует ситуации стагфляции. Ничего похожего на существование кривой Филлипса в этот период не наблюдалось. Иными словами, нашей стране в 2016-2019 гг. не приходилось платить за снижение безработицы ростом инфляции и наоборот. Поэтому целесообразно провести дополнительное моделирование взаимосвязей безработицы и инфляции в 2016-2019 гг. Линейное и другие уравнения связи между инфляцией и безработицей по данным за все 48 месяцев этого пе-

риода были статистически незначимы (очень велика ошибка аппроксимации), кроме того, присутствовала автокорреляция, искусственно завышающая значимость модели. Несколько лучше описывает ситуацию полином второго порядка (1):

$$Y = -0,09x^2 + 0,65x + 4,87, \quad (1)$$

где y – индекс потребительских цен, x – безработица по методологии МОТ.

Уравнение (1) может косвенно указывать на то, что до определенного уровня безработицы может наблюдаться стагфляция, а при падении аргумента ниже точки экстремума функции до уровня 3,6%, может проявляться обратная связь между переменными. Однако уравнение (1) также имеет относительно низкую точность и не может надежно описать причинно-следственные связи. Такая ситуация диктует необходимость анализа за более короткие периоды. Для этого были построены уравнения парной регрессии по данным за 2016-2019 гг. (таблица 3).

Таблица 3

Уравнения регрессии, отражающие связь между безработицей и инфляцией в России за 2016-2019 гг.

Table 3

Regression equations reflecting the relationship between unemployment and inflation in Russia in 2016, 2017, 2018, 2019

	2016	2017	2018	2019
Тип уравнения	Линейное	Линейное	Линейное	Линейное
Форма уравнения	$y = 0,733x + 5,204$	$y = 0,367x + 5,124$	$y = 0,135x + 4,753$	$y = 1,45x - 6,42$
Ошибка аппроксимации, процентов	3,15	2,93	3,19	33,9
Коэффициент детерминации, процентов	35,5	26,6	2,0	68,2
Статистическая значимость коэффициента регрессии a (по t -критерию Стьюдента)	Значим	Не значим	Не значим	Значим
Значимость модели регрессии (по критерию Фишера)	Значима	Не значима	Не значима	Значима

Данные таблицы 3 показывают, что в 2016 г. и в 2019 г. существовала прямая линейная зависимость между инфляцией и безработицей. Так, в 2016 г. фактор безра-

ботицы обуславливал до 35% дисперсии инфляции при общей высокой надежности линейного уравнения связи – прирост показателя безработицы на 1% приводил к

повышению инфляции на 0,73%. Содержательные данные за 2016 г. указывают на то, что в первом квартале более высокий уровень безработицы сопровождался относительно более высокой инфляцией, с мая инфляция в основном снижалась, как и безработица.

Сходная картина имела место также в 2017 г. и 2019 г., когда в зимний период наблюдались наиболее высокие значения инфляции и безработицы, во втором и третьем кварталах обычно происходило их снижение. Иными словами, сезонная дефляция летом-осенью в эти годы сопровождалась некоторым сокращением безработицы. В 2018 г. снижение безработицы во втором-третьем кварталах происходило на фоне более высокой инфляции, сезонная дефляция была слабой, что и обусловило отсутствие связи рассматриваемых показателей. В первом квартале 2019 г. наблюдался максимальный за год уровень безработицы, значительная часть прироста инфляции также пришлась на зимние месяцы. Со второго квартала происходило сокращение безработицы до 4,3% в октябре, одновременно с апреля замедлилась инфляция, а в отдельные месяцы наблюдалась дефляция. В октябре одновременно возобновились рост цен, и увеличилась на 0,1% безработица.

Таким образом, в экономике России в 2016-2019 гг. не наблюдалось постоянных жестких связей между инфляцией и безработицей (ни прямых, ни обратных), но присутствовали элементы stagфляции. В 2016 г., в 2019 г. и в меньшей степени в 2017 г. наблюдалась прямая связь между инфляцией и безработицей, т.е. их параллельный рост или снижение. По преимуществу это явление было обусловлено сезонным фактором, а не прямым влиянием рынка труда на ИПЦ (зимой инфляция и безработица обычно были максимальными, летом-осенью снижались до годового минимума). Объяснение данной ситуации состоит в том, что инфляция и безработица обычно испытывают на себе влияние одних и тех же сезонных факторов.

Как известно, в конце лета и осенью обычно наблюдается сезонная дефляция вследствие удешевления сельскохозяйственной продукции. Безработица также обычно является максимальной в первом квартале, затем постепенно снижается, к концу года вновь возрастает. Как правило, летом-осенью максимален спрос рынка труда на сезонных рабочих, образуются новые временные рабочие места в тех видах деятельности, которыми занимаются по преимуществу в теплое время года. В частности, больше персонала нанимают летом и осенью предприятия сельского хозяйства и строительства, а также частично общественного питания, индустрии развлечений. Следовательно, снижение инфляции и безработицы в России происходит под воздействием одних и тех же факторов. При исключении сезонных компонентов инфляция и безработица оказываются независимыми друг от друга. Если по причинам, связанным с урожайностью и другими внешними воздействиями на уровень цен, не происходит сезонной дефляции, никакой связи инфляции и безработицы не просматривается (как это было, в частности, в 2018 г.).

Эти закономерности вполне согласуются с фундаментальными теоретическими положениями о специфике российского рынка труда. Традиционные для зрелых рыночных экономик каналы связи инфляции и безработицы (фирмы изменяют спрос на рабочую силу в соответствии с экономической обстановкой, увольняют работников в периоды спада и расширяют наем, откликаясь на благоприятную конъюнктуру, повышают тем самым инфляционное давление через совокупный спрос) в России практически не работают. Как неоднократно отмечалось в литературе, сокращение издержек на рабочую силу происходит не через увольнения (как это должно быть по преимуществу в классической рыночной экономике), а через снижение оплаты труда, перевод в режим неполного рабочего дня, другие приемы, не вызывающие формального увеличения пока-

зателя безработицы [Акулов, 2018]. Кроме того, в России дефицит достойного труда, сохраняется значительное число рабочих мест с низкой заработной платой, поэтому увеличение занятости слабо влияет на потребительский спрос.

Теоретически привести к экономическому росту, повышению потребности в рабочей силе, потребительского спроса, и стимулировать данный вид инфляции могла бы активная денежно-кредитная политика кейнсианского типа (призывающая жертвовать ценовой стабильностью ради экономического роста). Однако, как уже отмечалось в литературе, судя по всему, при существенном ускорении инфляции спроса и частично издержек за счет такой «финансовой репрессии» значительного снижения безработицы достигнуто не будет, тем более что в России она до сих пор не столь велика по мировым меркам [Власов, Синяков, 2020; Becker, Ivashina, 2017;

Hoffman, 2019].

Что касается влияния ограничительных мер, связанных с предотвращением распространения новой коронавирусной инфекции, внешних экономических шоков на положение дел с безработицей и инфляцией в России за первые три квартала 2020 г., то, как видно из данных таблицы 3, в этот период впервые значение коэффициента корреляции между рассматриваемыми показателями стало отрицательным (около $-0,500$), хотя оно находится ниже критического значения при 7 степенях свободы (около $0,666$). Теоретически можно предположить, что ситуация в национальной экономике «развернулась» от стагфляции к отрицательной зависимости между инфляцией и безработицей, соответствующей логике кривой Филлипса. Однако более детальный анализ позволяет отвергнуть такой вывод (табл. 4).

Таблица 4

Месячные данные по инфляции и безработице в России за первые три квартала 2020 г.

Table 4

Monthly data on inflation and unemployment in Russia for the first three quarters of 2020

Месяц	ИПЦ, процентов	Безработица по методологии МОТ, процентов	Базовый индекс потребительских цен, процентов
Январь	100,40	4,7	100,20
Февраль	100,33	4,6	100,10
Март	100,55	4,7	100,50
Апрель	100,83	5,8	100,50
Май	100,27	6,1	100,30
Июнь	100,22	6,2	100,30
Июль	100,35	6,3	100,30
Август	99,96	6,4	100,30
Сентябрь	99,93	6,5	100,30

Во-первых, особенностью 2020 г. стало то, что традиционная летне-осенняя дефляция не сопровождалась снижением безработицы, поскольку расширение найма, связанное с сезонностью деятельности ряда отраслей, не компенсировало прирост безработицы, обусловленный действием ограничительных, «карантинных» мер. На фоне снижения ИПЦ в августе-сентябре уровень безработицы в России достиг локального максимума за весь анализируе-

мый период. Но, как представляется, нет оснований утверждать, что именно рост безработицы обусловил дефляцию из-за существенного сокращения доходов населения. Величина дефляции в целом не превышает средних за 2010-е гг. значений, что не позволяет говорить о формировании устойчивых каналов связи рынка труда и инфляции (как прямых, так и обратных). Если инфляционные процессы в 2020 г. развивались по более или менее стандарт-

ному сценарию (исключая апрель, когда наблюдался ажиотажный спрос и рост цен на ряд категорий товаров), то динамика безработицы объяснялась по преимуществу административным воздействием на экономику и рынок труда.

Во-вторых, если включить в анализ базовый индекс потребительских цен (БИПЦ), исключая сезонные факторы, то коэффициент корреляции инфляции и безработицы приближается к нулю (0,172). Это подтверждает сформулированный ранее вывод о слабом или вообще отсутствующем влиянии безработицы на ИПЦ и БИПЦ. Рыночная власть ритейлеров и других продавцов потребительских товаров достаточно велика, чтобы не реагировать на падение спроса существенным снижением цен. Кроме того, масштабы распространения безработицы в отечественной экономике остаются ниже аналогичных показателей стран Европейского союза, а ключевым фактором совокупных доходов и спроса выступают не абсолютный уровень занятости, а скорее динамика оплаты труда (поскольку, как отмечалось выше, на кризисные явления российский рынок труда реагирует скорее сокращением заработных плат, чем увольнениями).

Можно добавить, что на фоне значительной вариации безработицы показатели ИПЦ и особенно БИПЦ значительно стабильнее. Так, распределение показателя безработицы характеризуется среднеквадратическим отклонением 0,750 и дисперсией – 0,600. Аналогичные показатели для ИПЦ составляют 0,261 и 0,068 соответственно, для БИПЦ – 0,014 и 0,084. Коэффициент вариации ИПЦ находится на уровне 0,26%, БИПЦ – 0,12%, а для показателя безработицы составляет уже 13,23%. Следовательно, индексы инфляции в экономике России в 2020 г. были весьма стабильны, а безработица изменялась под воздействием внешних шоков, практически не влияя на инфляционные процессы.

Заключение

В долгосрочном периоде (2007-2019 гг.) при анализе годовых данных никаких

взаимосвязей инфляции и безработицы – ни прямых, ни обратных, в России не обнаруживается. Это подтверждает мнение, что подобные связи в долгосрочном периоде не проявляются. При анализе месячных показателей инфляции и безработицы за 2016-2020 гг. в отдельных случаях наблюдается прямая взаимосвязь данных показателей, описываемая линейным уравнением связи, хотя если хронологические рамки расчетов охватывают весь этот период, взаимосвязь практически исчезает. Рост безработицы в 2016 г. и 2019 г. сопровождался ростом инфляции на 0,5-0,7% и наоборот. Иными словами, имела место стагфляция, а не обратная зависимость инфляции и безработицы, постулируемая кривой Филлипса.

Основная причина такой связи – параллельное снижение инфляции и безработицы в летне-осенний период под влиянием сезонных факторов. В зимний период, как инфляция, так и безработица всегда выше. Если вследствие природно-климатических факторов, относительно плохих урожаев не происходит летне-осенней дефляции, то связь инфляции и безработицы в краткосрочном периоде исчезает. В течение первых трех кварталов 2020 г. динамика инфляции и безработицы приобрела нетипичный характер, когда коэффициент корреляции достиг $-0,500$. Однако это не указывает на формирование закономерностей, отражаемых кривой Филлипса. Основной причиной роста безработицы является воздействие ограничительных, «карантинных» мер, на фоне которых инфляция развивалась по иным законам и практически не испытывала воздействия от рынков труда. При введении в анализ БИПЦ, очищенного от сезонного фактора, корреляция исчезает. Следовательно, в экономике России в отдельные годы удастся добиваться одновременного снижения безработицы и инфляции, но в целом значимые причинно-следственные связи данных показателей отсутствуют.

Список литературы

1. Аверина Д.С., Горшкова Т.Г., Синель-

никова-Мурылева Е.В., 2018. Построение кривой Филлипа на региональных данных // Экономический журнал ВШЭ, Т. 22, №4.- 2018: 609-630.

2. Акулов А.О., 2018. Посткризисные тенденции компенсационной политики крупных корпораций в региональном разрезе // Российская экономика: взгляд в будущее. Материалы IV международной научно-практической конференции. Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, 2018: 22-32.

3. Власов С.А., Синяков А.А., 2020. Эффективность государственных инвестиций и выводы для денежно-кредитной политики в России // Вопросы экономики, №9.- 2020: 22-39.

4. Гафаров Б.Н., 2019. Кривая Филлипа и становление рынка труда в России // Экономический журнал ВШЭ. 2019. Т. 15, №2: 155-176.

5. Горидько Н.П., Нижегородцев Р.М., 2015. Регрессионное моделирование связи между инфляцией и безработицей для регионов Севера и Арктики // Друкеровский вестник, №4.- 2015: 37-58.

6. Егоров Д.А., 2017. Актуальна ли кривая Филлипа с издержками на труд для российской экономики? // Аудит и финансовый анализ, №2.- 2017: 73-82.

7. Зубарев А.В., 2018. Об оценке кривой Филлипа для российской экономики // Экономический журнал ВШЭ. 2018. Т. 22, №1: 40-58.

8. Ильяшенко В.В., 2016. Взаимосвязь инфляции и безработицы: теоретические аспекты и особенности проявления в экономике России // Известия Уральского государственного экономического университета, №2. – 2016: 5-11.

9. Кордеро Х.М., 2012. Контроль инфляции на основе кривой Филлипа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика, №4. – 2012: 33-42.

10. Кузнецова О.А., Зуева М.С., Ярыгина А.А., 2017. Выявление регрессионной зависимости для основных макроэкономических показателей в кризисные периоды Российской Федерации // Прикладная математика и вопросы управления, №1.- 2017: 70-80.

11. Мавлютов М.К., Орлов Ю.Н., 2017. Методы оценки NAIRU и кривая Филлипа для России в 2002–2016 гг. // Труды международной научной конференции СРТ1617, Протвино,

АНО «Институт физико-технической информатики», 2017: 267-270.

12. Раннева Н.А., 2019. К вопросу об инфляционных ожиданиях: современные подходы // Вопросы экономики. – №2, 2019: 54-80.

13. Синельников-Мурылев С.Г., Первышин Ю.Н. Трунин П.В., 2020. Различия темпов роста потребительских цен в российских регионах. Эмпирический анализ // Экономика региона. Т 16, №2.- 2020: 479-493.

14. Ситтаро Р.В., Сюпова М.С., 2017. Основные модификации кривой Филлипа // Ученые заметки ТОГУ, Т. 8, №3. -2017: 255-260.

15. Соколова А.В., 2014. Инфляционные ожидания и кривая Филлипа: оценка на российских данных // Деньги и кредит, №11.- 2014: 61-67.

16. Трунин П.В., Божечкова А.В., Горюнов Е.Л., Петрова Д.А., 2017. Анализ подходов к учету информационных эффектов денежно-кредитной политики. М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2017: 105.

17. Цховребов М.П., 2019. Формирование денежно-кредитной политики в условиях «сглаживания» краткосрочной кривой Филлипа // Менеджмент и бизнес-администрирование, №4.- 2019: 47-54.

18. Шевченко И.В., Коробейникова М.С., 2017. Влияние макроэкономических показателей кривой Филлипа на экономический рост: регулирование, меры, пределы, возможности на современном этапе // Региональная экономика: теория и практика, Т15, №10. -2017: 1868-1893.

19. Akalpler E., 2017. Impact of unemployment, wages and inflation on the increase of trade and growth // Journal of Comparative Asian Development. 2017. Т. 16, №2 : 135-160.

20. Andrada A., 2017. Understanding Robert Lucas (1967-1981): his influence and influences // *Economia*. Т. 18, №2.- 2017: 212-228.

21. Becker B., Ivashina V., 2017. Financial repression in the European sovereign debt crisis // *Review of Finance*, Vol 22, no 1.- 2017: 831-835.

22. Chu A.C., Cozzi G., Fan H., Furukawa Y., 2020. Inflation, unemployment, and economic growth in a schumpeterian economy // *The Scandinavian Journal of Economics*. Vol. 122, no 3. - 2020: 1268-1281.

23. Hoffmann A., 2019. Beware of financial repression: lessons from history // *Intereconomics*. Vol. 54.- 2019: 259-266.

24. Ruiz Estrada M. From Unemployment to Unemployment Worldwide: Post-COVID-19. URL: <https://ssrn.com/abstract=3612663> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3612663> (дата обращения 05.10.2020).

25. Sa'idu B.M., Muhammad A.A. Do unemployment and inflation substantially affect economic growth? // *Journal of Economics and Development Studies*. 2015. Vol. 3, no 2. P. 132–139.

References

1. Averina, D.S., Gorshkova, T.G. and Sinelnikova-Muryleva E.V. (2018), "Plotting a Phillips curve on regional data", *Economic journal of the Higher School of Economics*, 22 (4), 609–630. (In Russian)

2. Akulov, A.O. (2018), "Post-crisis trends in the compensation policy of large corporations in the regional context", *Rossijskaja jekonomika: vzgljad v budushhee. Materialy IV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Tambov, Russia, 22–32. (In Russian)

3. Vlasov, S.A. and Sinyakov, A.A. (2020), "Public investment efficiency and conclusions for monetary policy in Russia", *Issues of Economics*, 9, 22–39.

4. Gafarov, B.N. (2011), "The Phillips Curve and the formation of the labor market in Russia", *Economic journal of the Higher School of Economics*, 15 (2), 155–176. (In Russian)

5. Goridko, N.P. and Nizhegorodtsev, R.M. (2015), "Regression modeling of the relationship between inflation and unemployment for the northern and arctic regions", *Drucker's Bulletin*, 4, 37–58. (In Russian)

6. Egorov, D.A. (2017), "Is the Phillips curve with labor costs relevant for the Russian economy?" *Audit and Financial Analysis*, 2, 73–82. (In Russian)

7. Zubarev, A.V. (2018), "On the assessment of the Phillips curve for the Russian economy" *Economic journal of the Higher School of Economics*, 22 (1), 40–58. (In Russian)

8. Ilyashenko, V.V. (2016), "The relationship between inflation and unemployment: theoretical aspects and features of manifestation in the Russian economy", *Bulletin of the Ural State University of Economics*, 2, 5–11. (In Russian)

9. Cordero, H.M. (2012), "Control of infla-

tion based on the Phillips curve", *Bulletin of St. Petersburg University. Economics*, 4, 33–42. (In Russian)

10. Kuznetsova, O.A., Zueva, M.S. and Yarygina, A.A. (2017), "Revealing the regression dependence for the main macroeconomic indicators during the crisis periods of the Russian Federation", *Applied Mathematics and Control Issues*, 1, 70–80. (In Russian)

11. Mavlyutov, M.K. and Orlov, Yu.N. (2017), "NAIRU estimation methods and the Phillips curve for Russia in 2002–2016", *Trudy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii SRT1617*. Protvino, Russia, 267–270. (In Russian)

12. Ranneva, N.A. (2019), "On inflation expectations: modern approaches". *Issues of Economics*, 2, 54–80. (In Russian)

13. Sinelnikov-Murylev, S.G., Perevyshin, Yu.N. and Trunin, P.V. (2020), "Differences in consumer price growth rates in Russian regions. Empirical analysis", *Economy of the Region*, 16 (2), 479–493. (In Russian)

14. Sittaro, R.V. and Syupova, M.S. (2017), "Major modifications of the Phillips curve", *Scientific Notes PNU*, 8 (3), 255–260.

15. Sokolova, A.V. (2014), "Inflationary expectations and the Phillips curve: an assessment based on Russian data", *Money and credit*, 11, 61–67. (In Russian)

16. Trunin, P.V., Bozhechkova, A.V., Goryunov, E.L. and Petrova, D.A. (2017), *Analysis of approaches to accounting for informational effects of monetary policy*, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia. (In Russian)

17. Tskhovrebov, M.P. (2019), "Formation of monetary policy in the context of "smoothing" the short-term Phillips curve", *Management and Business Administration*, 4, 47–54. (In Russian)

18. Shevchenko, I.V. and Korobeynikova, M.S. (2017), "The impact of macroeconomic indicators of the Phillips curve on economic growth: regulation, measures, limits, opportunities at the present stage", *Regional Economics: Theory and Practice*, 15 (10), 1868–1893. (In Russian)

19. Akalpler, E. (2017), "Impact of unemployment, wages and inflation on the increase of trade and growth", *Journal of Comparative Asian Development*, 16 (2), 135-160.

20. Andrada, A. (2017), "Understanding Robert Lucas (1967-1981): his influence and influences", *Economia*, 18 (2), 212–228.

21. Becker, B. and Ivashina, V. (2017), “Financial repression in the European sovereign debt crisis”, *Review of Finance*, 22 (1), 831–835.

22. Chu, A.C., Cozzi, G., Fan, H. and Furukawa, Y. (2020), “Inflation, unemployment, and economic growth in a Schumpeterian economy”, *The Scandinavian Journal of Economics*, 122 (3), 1268–1281.

23. Hoffmann, A. (2019), “Beware of financial repression: lessons from history”, *Intereconomics*, 54 (93), 259–266.

24. Ruiz Estrada, M. (2020), *From Unemployment to Unemployment Worldwide: Post-COVID-19* [Online], available at: <https://ssrn.com/abstract=3612663> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3612663> (Accessed 5 October 2020).

25. Sa’idu, B.M. and Muhammad, A.A. (2015), “Do unemployment and inflation substantially affect economic growth?”, *Journal of Economics and Development Studies*, 3 (2), 132–139.

Информация о конфликте интересов:

авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Андрюхин А.Ю., кандидат экономических наук, преподаватель (по совместительству) кафедры экономической безопасности, учета и аудита Экономического факультета Кемеровского института (филиала) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», г. Кемерово, Россия

Andryukhin A.Yu., Candidate of Economic Sciences, Lecturer (part-time), Department of Economic Security, Accounting and Audit, Faculty of Economics, Kemerovo Institute, Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Kemerovo, Russia

УДК 338.004: 681.32

DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-3

Машевская О. В.

**Государственное регулирование при становлении
цифровой экономики в Республике Беларусь**

Белорусский государственный университет
г. Минск, проспект Независимости 4,
220030 Республика Беларусь

e-mail: omachevskay@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются аспекты государственного регулирования экономики в период цифровой трансформации. Роль государства, как регулятора, улучшающего условия для производительности и сокращающего таким образом издержки, существенна. Использование новых технологий под патронажем государства в социально значимых областях не только улучшит экономические показатели, но и будет стимулировать качество и продолжительность жизни населения, повысит уровень медицинского обслуживания, и в целом будет стимулировать развитие научно-технического прогресса.

Для исследования использовались методы агрегирования, моделирования и количественного анализа. Изучение прикладных и теоретических исследований отечественных и зарубежных научных трудов позволило выявить ряд проблем и направлений взаимодействия государства с субъектами хозяйствования при становлении цифровой экономики.

Основным выводом проведенной работы является положение о том, что изменения и трансформационные процессы в экономике невозможны без регулирования и надлежащего контроля со стороны правительства, а для этого необходимо одновременно обеспечивать цифровизацию общества, бизнеса и государства.

Ключевые слова: государственное регулирование, управление, цифровая экономика, электронное правительство, цифровое здравоохранение

Информация для цитирования: Машевская О.В. Государственное регулирование при становлении цифровой экономики в республике Беларусь// Научный результат. Экономические исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 25-32. DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-3

Oksana V.
Mashevskaya

**State Regulation at Formation of the Digital Economy
in the Republic of Belarus**

Belarusian State University
Minsk, 4 Nezavisimosti Ave.,
220030 Republic of Belarus

e-mail: omachevskay@gmail.com

Abstract

The article considers some aspects of state regulation of the economy in the period of digital transformation. The role of the state as a regulator, which improves the conditions for productivity and thus reduces costs, is significant. The use of new technologies under the patronage of the state in socially significant areas will not only improve economic indicators, but will also stimulate the quality and life expectancy of the population, will increase the level of medical care, and in general will stimulate the development of scientific and technological progress.

The following methods were used in the study: of aggregation, modeling and quantitative analysis. The study of applied and theoretical research of domestic and foreign scientific works revealed a number of problems and areas of interaction between the state and business entities in the formation of the digital economy.

The main conclusion of the work is that changes and transformation processes in the economy are impossible without regulation and proper control by the government, and for this it is necessary to simultaneously ensure the digitalization of society, business and the state.

Key words: State Regulation, Management, Digital Economy, Electronic Government, Digital Health Care

Information for citation: Mashevskaya O.V. “State regulation in the formation of the digital economy in the Republic of Belarus”, *Research Result. Economic Research*, 6(4), 25-32, DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-3

Введение

Мы становимся свидетелями формирования нового типа экономики, экономики, ориентированной на цифру. Ряд экономистов считают уместным называть ее цифровой экономикой, под которой мы будем понимать системную совокупность экономических отношений, основанных на деятельности по созданию, распространению, обмену и использованию цифровых технологий (в т.ч. сквозных), и связанных с ними цифровых продуктов и услуг в различных сферах экономики. На макроуровне становление цифровой экономики – приоритетный вектор социально-экономического развития Беларуси.

Основная часть

Государственное регулирование экономики в условиях цифровизации переходит в другую плоскость. Так, взаимодействие государства и граждан становится возможным посредством электронной платформы. Данный подход реализуется при условии, что в современном мире ряд

документов и коммуникаций переносится на цифровые носители, узаконивается использование электронной подписи. Это и многое другое в цифровом формате становится возможным при работе электронного правительства, к созданию которого приступили в республике еще в 2003 году, когда была утверждена государственная программа информатизации «Электронная Беларусь».

Основная цель создания электронного правительства – клиенто-ориентированность и омникальность, максимизация полезности деятельности власти для граждан и бизнеса, и «цифровизация по умолчанию» или digital by default. Для сведения, по оценке правительства УК переход к «цифровизации по умолчанию» ежегодно экономит правительству 1,8 млрд. фунтов.

Сегодня в рамках единого организационного и ИК пространства в Беларуси создана и развивается система качественного предоставления государственных электронных услуг бизнесу и гражданам страны, а также расширяются границы

трансграничного юридически значимого электронного взаимодействия республики с субъектами хозяйствования, в том числе

и за пределами Беларуси (рисунок 1) [Электронное правительство, 2020].

Рис. 1. Система оказания государственных электронных услуг [Электронное правительство, 2020]

Fig. 1. The system for providing state electronic services [E-government, 2020]

Деятельность электронного правительства базируется на электронном управлении, оцениваемого как минимум тремя качественными показателями:

1) открытостью правительства (здесь выделяется 4 направления: а) свобода доступа граждан страны к государственной информации; б) свободное использование госданных разработчикам и сотрудникам некоммерческих организаций; в) открытый диалог и возможность граждан влиять на государственные структуры; г) открытость государственных расходов);

2) уровнем развития электронной демократии (который формируется исходя из: уровня развития телекоммуникационной инфраструктуры и доступности Internet для широкого круга пользователей; пополнения ресурсной базы сети информацией социально-политического характера; развития человеческого капитала, определяющего реальный спрос на ресурсы для политического участия) [Антанович Н.А., 2005]. По результатам исследования Demoscopy Index -2019 Республика Беларусь заняла 149 место из 160 стран, что указывает на необходимость развивать в стране электронную демократию.

3) вовлеченностью граждан. Планируется, что к концу текущего 2020 г документооборот между юридическими лицами в республике будет осуществляться на 75 % в электронном виде; в 2024 году планируется автоматизировать 346 административных процедур, из которых 149 – процедуры для граждан [Нестеров А., 2020]. В республике уже функционирует система межведомственного документооборота государственных органов Беларуси, которая позволила значительно сократить бумажное обращение документов.

Основой работы цифрового правительства стала ОАИС – общегосударственная автоматизированная информационная система, которая позволила обмениваться статистической оперативной информацией, данными из разных систем для оказания, на основе представленных данных, электронных услуг.

Очень важное значение для электронного управления приобретают большие данные и способы их обработки. Сейчас планируется переход к госуправлению по средствам облачных технологий на этапах планирования государственной политики, при формулировании целей, при принятии решений, мониторинга реализа-

ции предложенной политики и оценки результатов. Совершенствование анализа обоснованности государственной политики и формирования ее целей будет происходить за счет вовлечения в анализ массивов структурированных и частично структурированных статистических и информационных данных [Что такое цифровая экономика, 2019].

Сегодня все фундаментальные исследования проходят под патронажем государства. Так, например, расходы на НИОКР планировались в текущем году на уровне 82,7 млн. рублей и были выделены из централизованного бюджетного инновационного фонда, из которых 45 млн. рублей будут освоены Академией наук; 8 млн. рублей выделяют на научные исследования в области здравоохранения; 1,5 млн. рублей – на образование; 3 млн. рублей выделено Министерству обороны и 3 млн. рублей – Государственному комитету по стандартизации.

В целом в бюджете на 2020 г были запланированы общие расходы инноваци-

онного фонда в размере 165 млн. рублей; на финансирование научной, научно-технической и инновационной деятельности планировалось выделить из бюджета 330 млн. рублей. Таким образом, финансирование научной деятельности в текущем году планировали увеличить на 16 % (284 млн. рублей было выделено в 2019 г.) (рис. 2). [Расходы на научные исследования в Беларуси выросли на 16%, 2016]. Цифры радуют своей положительной динамикой, но такое положение недостаточно для достижения постоянного роста в экономике, особенно при цифровизации. Недофинансирование науки в Беларуси происходит в результате малого удельного веса доли расходов госсектора, включая сектор высшего образования на НИОКР. С сожалением стоит отметить, что анализ данных по «венчурному финансированию» показывает, что данная статья расходов государственного венчурного Белфонда уже несколько лет подряд остается незаполненной.

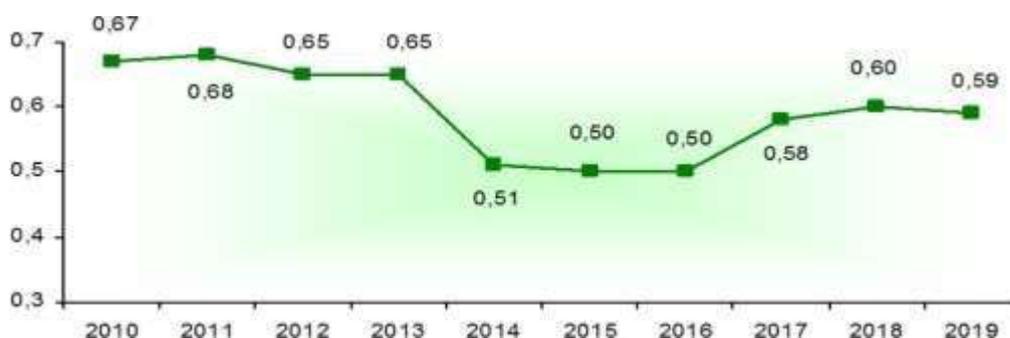

Рис. 2. Внутренние затраты на научные исследования и разработки (в % к ВВП)
Fig. 2. Domestic expenditures on research and development (as % of GDP)

Если в ближайшем будущем государство не будет планировать увеличивать расходы на НИОКР, не будет стимулировать и повышать роль науки и научных работников в экономике, говорить о конкурентоспособности национальной экономики не придется, а прогнозируемые показатели становления цифровой экономики, так и останутся только в проектах и постановлениях Правительства.

Еще одним направлением в государственном регулировании при становлении цифровой экономики является цифровое здравоохранение. В республике разработан Концепция развития электронного здравоохранения до 2022 года, где отмечено, что в стране в ближайшем будущем будет создана централизованная информационная система здравоохранения, целью которой является, введение и формирова-

ние единого информационного архива пациентов и оперативного предоставления медицинских данных, а также внедрение системы информационной поддержки клинических решений.

Решение текущих проблем в здравоохранении в современных условиях должно быть направлено на повышение конкуренции, повышение эффективности и качества оказания медицинских услуг и страховых услуг за счет применения методов стимулирования, мотивации и управления, поскольку средств из бюджета на здравоохранение выделяется не так уж много. Например, в 2019 г из бюджета на здравоохранение было израсходовано по

статье «медицинская помощь населению» – 4,98 млрд. рублей; 122 млн. рублей было израсходовано на «государственный санитарный надзор»; 638 млн. рублей составили расходы по статье «другие вопросы в области здравоохранения», куда входит закупка медоборудования и лекарств, содержание санаториев, патологоанатомических бюро, проведение конференций и съездов и другие мероприятия в области здравоохранения. С сожалением стоит отметить, что только 20 млн. рублей были выделены на прикладные исследования в данной области, что очень мало по сравнению даже со странами – соседями Беларуси (рисунок 3) [Калинина Н. «Теперь понятно»..., 2020].

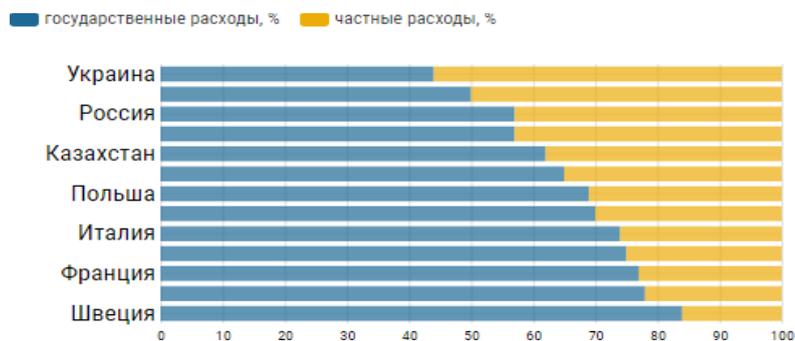

Рис. 3 – Соотношение государственных и частных расходов в общем объеме расходов на здравоохранение, %

Fig. 3. The ratio of public and private expenditures in total expenditures on health care, %

В текущем году на финансирование отрасли «Здравоохранение» предусмотрено только 1274,1 млн. рублей, из которых 122,65 млн. рублей будут реализованы в рамках проекта «Модернизация системы здравоохранения Республики Беларусь», финансирование которого взял Международный банк реконструкции и развития [Бюджет Республики Беларусь для граждан, 2020].

Не стоит забывать, что во всем мире, и в Беларуси, в частности, происходит старение нации, и, как следствие, увеличиваются объемы и стоимость предоставляемых медицинских услуг, что в свою очередь, приводит к увеличению средств, вы-

деляемых из бюджета на данные цели. Использование цифрового здравоохранения позволит сократить стоимость каждого дополнительного года продолжительности жизни, например, в США один дополнительный год жизни равен 272 долл., а в России – 362 долл., по Беларуси, к сожалению, данные показатели не рассчитывались [Ковалев М.М., 2018].

Мы считаем, что электронное здравоохранение позволит обеспечить новый способ использования таких ресурсов, как информация, деньги и лекарства и позволит сформировать новую среду для распространения информации (необходимой пациенту), сотрудничества и взаимодей-

ствия между учреждениями здравоохранения, непосредственно медицинскими сотрудниками и обществом, в т.ч. будут меняться подходы к модели взаимодействия «врач-пациент», где пациент станет активным участником процесса сохранения своего здоровья.

Беларусь, основываясь на данных ВОЗ, при формировании электронного здравоохранения, будет следовать трем направлениям:

1. Доведение медицинской информации для медработников и потребителей медицинских услуг по средствам ресурсов Internet и системы телекоммуникаций;

2. Применение ИТК и электронной коммерции для повышения качества и расширения перечня предоставляемых услуг;

3. Применение электронной коммерции и технологий цифрового бизнеса для управления системой здравоохранения.

Объединение ИКТ, электронной коммерции и технологий электронного

бизнеса с здравоохранением и медициной в целом должно сформировать четыре коммуникационных моделях: цифровая информационная система клиник и больниц; неклинические системы вторичного пользования; телемедицина; интегрированная информационная сеть [Беляцкая Т.Н., 2019] на базе цифровой платформы Министерства здравоохранения, имеющей открытые интерфейсы межмашинного взаимодействия.

В стране введена система «Электронный рецепт» (таблица), суть которой в следующем. В поликлинике пациенту выдается пластиковая карта, привязанная к амбулаторной карте, и, если врач выписывает лекарства, зафиксировав данный факт в электронной карте пациента, то одновременно данный рецепт дублируется на пластиковой карте. При сканировании «пластика» в аптеке провизор видит назначение в электронном формате.

Таблица

Динамика выписанных и отоваренных электронных рецептов по стране

Table

Dynamics of issued and purchased electronic prescriptions by country

Год	Выписано элек-ных рецептов	В т.ч. льгот-ных	Отпущено электрон-ных рецептов через АИС ЭР	В т.ч. льготных	Уд вес отпущенных элек-ных рецептов от выписанных, %	Уд.вес отпущенных льготных элек-ных рецептов от выписанных льготных, %
2018	6464630	4300981	1444849	1353965	22	31
2019	10106978	6783682	3005696	2771243	30	41
01.01.2020 -30.11.2020	9772729	6571178	3134612	2646319	32	40

Источник: [Количество подключенных учреждений здравоохранения..., 2020]

С сожалением стоит отметить, что бизнес не спешит подключать свои аптеки к данной системе, что заставляет врачей все еще использовать бумажные бланки рецептов. Поэтому на микроуровне перспективным направлением взаимодействия государства и бизнеса должно стать государственно-частное партнёрство для развития цифровой экономики. Инструмента-

ми реализации в данном направлении будут являться: оптимизация налогообложения за счет применения «умных контрактов» с персонифицированным подходом в расчетах налоговой нагрузки; идентификация и наделение субъективностью интеллектуальных агентов; льготирование при финансировании бизнеса; содействие в апробации и внедрении инновационных

разработок; выделение грантов для талантливых молодых ученых и предпринимателей, и др.

Заключение

В заключении отметим, что, несмотря на все трудности становления цифровой экономики в Беларуси, государство стимулирует данное становление и вкладывает ресурсы в ее развитие, однако надо ускорить процесс осознания необходимости цифровой трансформации как на макроуровне, так и на микроуровне. Промедление может привести к тому, что будут сформированы мировые цифровые рынки, а прорывные цифровые технологии будут работать на зарубежную экономику, и нам придется платить за право пользоваться чужими цифровыми благами. Государство в условиях цифровой экономики должно стать удобной и органичной частью нашей повседневности, а государственное регулирование должно способствовать созданию новых государственных информационных систем, созданию общественных благ, приносящих дивиденды в республиканский бюджет и имеющих значимый социальный эффект. Реализация концепций электронного (цифрового) правительства, электронного здравоохранения и др. требует дополнительных инвестиций, в связи с чем необходим поиск новых механизмов оптимизации и сокращения затрат через институцию государственно-частного партнерства.

Список литературы

1. Антанович Н.А., 2005. Электронное правительство как технология перехода от государственного администрирования к эффективному государственному менеджменту / Н.А. Антанович // Наука и инновации. – 2005. – № 1: 15-24.
2. Беляцкая Т.Н., 2019. Готовность населения к экономическому поведению в условиях электронной экономики: проблемы электронного здравоохранения / Т.Н. Беляцкая, О.М. Маклакова // Цифровая трансформация. – 2019. – №2(7): 13-28.
3. Бюджет Республики Беларусь для граждан, 2020. / Министерство финансов Республики Беларусь. – Минск, 2020: 50.
4. Внутренние затраты на научные исследования и разработки. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/nauka-i-innovatsii/> (Дата доступа: 14.09.2020)
5. Калинина Н. «Теперь понятно»... [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://news.tut.by/economics/682103.html> – (Дата доступа: 15.09.2020).
6. Ковалев М.М., 2018. Цифровая экономика – шанс для Беларуси: монография / М.М. Ковалев, Г.Г. Головенчик. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018:327.
7. Количество подключенных учреждений здравоохранения к АИС ЭР. Республиканский научно – практический центр медицинских технологий, информатизации, управления и экономики здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belcmt.by/ru/sanitation/ais-elektronnyj-recept/statistika-er>. (Дата доступа: 01.12.2020).
8. Нестеров А., 2020 Эксперты – об электронном правительстве и цифровизации [Электронный ресурс] / Александр Нестеров / СБ Беларусь сегодня. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/ot-bukvy-k-tsifre.html>. – (Дата доступа: 10.09.2020).
9. Расходы на научные исследования в Беларуси выросли на 16%, 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thinktanks.by/publication/2020/02/24/rashody-na-nauchnye-issledova> – Сайт белорусских исследований. – (Дата доступа: 12.09.2020).
10. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: докл. к XX апрельской междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9-12 апреля 2019 г. / науч. ред. Л. М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019: 82.
11. Электронное правительство, 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nces.by/e-government/> – (Дата доступа: 10.09.2020)

References

1. Antanovich N. A., (2005). E-government as a technology of transition from public administration to effective public management / N. A. Antanovich // Science and innovation. – 2005. – № 1: 15-24.
2. Budget of the Republic of Belarus for citizens / Ministry of Finance of the Republic of Belarus. – Minsk, 2020: 50.
3. Belyatskaya T. N., (2019). Readiness of the population for economic behavior in the economy: the problems of e-health / T. N. Belyatskaya, O. M. Maklakova // Digital transformation. – 2019. – №2 (7): 13-28.
4. Electronic government [Electronic resource]. – Access mode: <https://nces.by/e-government/> – (Accessed 10 September 2020)
5. Expenses for scientific research in Belarus have increased by 16% [Electronic resource]. – Access mode: <https://thinktanks.by/publication/2020/02/24/rashody-na-nauchnye-issledovaniya-website-of-Belarusian-research>. – (Accessed 12 September 2020).
6. Internal research and development costs. National statistical Committee of the Republic of Belarus [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/nauka-i-innovatsii/> – (Accessed 14 September 2020)
7. Kalinina N. "Now everything is clear"... [Electronic resource] – access Mode: <https://news.tut.by/economics/682103.html> – (Accessed 15 September 2020).
8. Kovalev M. M., (2018). Digital economy – a chance for Belarus: monograph / M. M. Kovalev, G. G. Golovenchik. – Minsk: BSU Publishing Center, 2018: 327.
9. Nesterov A., (2020). Experts about e-government and digitalization [Electronic resource] / Alexander Nesterov / SB Belarus today. – Access mode: <https://www.sb.by/articles/otbukvy-k-tsifre.html>. – (Accessed 10 September 2020).
10. What is the digital economy? Trends, competencies, measurement: Reports to the XX April international scientific conference on the problems of economic and social development, Moscow, April 9-12, 2019 / scientific ed. research. Higher school of Economics Univ. – Moscow: Publishing House of Higher School of Economics, 2019: 82.
11. The number of connected institutions of public health services to AIS ER. Republican scientific and practical center for medical technologies, Informatization, management and Economics of healthcare [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.belcmt.by/ru/sanitation/ais-elektronnyj-recept/statistika-er>. (Accessed 1 December 2020).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Машевская О.В., кандидат экономических наук, доцент кафедры банковской экономики Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь)

Mashevskaya O.V., PhD in Economics, Associate Professor, Department of Bank Economy, Belarusian State University, (Minsk, Republic of Belarus)

ОТРАСЛЕВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
BRANCH AND REGIONAL ECONOMY

УДК : 332.14

DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-4

**Владыка М.В.,
Чистникова И.В.,
Ермаченко Ф.М.**

**Межрегиональная интеграция в пространстве
макрорегиона как фактор развития национальной
экономики**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия

e-mail: vladyka@bsu.edu.ru, chistnikova@bsu.edu.ru,
yermachenkof@mail.ru

Аннотация

Статья выполнена на актуальную тему обоснования роли макрорегиональной системы в развитии экономики государства. Макрорегион представлен как форма межрегиональной интеграции, усиливающая экономический рост в стране за счет синергетического эффекта от взаимодействия территориальных производственно-хозяйственных комплексов. Рассматривается категория потенциала межтерриториального взаимодействия. Исследованы характер возникновения, виды и положительной реакции синергетического эффекта межрегиональной интеграции. Выявлены условия эффективного взаимодействия социально-экономических систем регионов в рамках макрорегиона.

Ключевые слова: макрорегион, межрегиональное сотрудничество, интеграционное взаимодействие, межрегиональная интеграция, синергия.

Информация для цитирования: Владыка М.В., Чистникова И.В., Ермаченко Ф.М. Межрегиональная интеграция в пространстве макрорегиона как фактор развития национальной экономики // Научный результат. Экономические исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 33-43. DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-4

**Marina V. Vladyka,
Irina V. Chistnikova,
Philip M. Ermachenko**

**Interregional integration in the space of the macroregion
as a factor of the development of the national economy**

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

e-mail: vladyka@bsu.edu.ru, chistnikova@bsu.edu.ru,
yermachenkof@mail.ru

Abstract

The article deals with the actual topic of substantiating the role of the macro-regional system in the development of the state's economy. The macroregion is presented as a form of interregional integration that enhances economic growth in the country due to the synergistic effect from the interaction of territorial production and economic complexes. The category of potential for inter-territorial interaction is considered. The conditions for the emergence, types and positive reactions of the synergistic effect of inter-regional integration have been investigated. The conditions for effective interaction of the socio-economic systems of the regions within the macroregion are revealed.

Key words: macroregion, interregional cooperation, integration interaction, interregional integration, synergy

Information for citation: Vladyka M.V., Chistnikova I.V., Ermachenko P.M. "Interregional integration in the space of the macroregion as a factor of the development of the national economy", *Research Result. Economic Research*, 6(4), 33-43, DOI:10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-4

Introduction

Введение

На современном этапе развития государственных экономических систем важнейшей задачей является выявление новых факторов роста.

Имеющиеся в национальных экономиках ресурсы достаточно хорошо изучены, требуется улучшение их качества и повышение эффективности применения. Но наиболее перспективным направлением представляется выявление новых факторов развития производственно-хозяйственной системы для обеспечения экономического роста в масштабе макроэкономики.

По мнению многих ученых и практиков прорывным ресурсом развития экономики страны может стать пространственное развитие на основе улучшения интеграционного межрегионального взаимодействия. Создание макрорегионов в рамках национальной экономики дает почву для расширения такой интеграции.

Сотрудничество и взаимодействие представителей разных регионов дает синергетический эффект. Поэтому макрорегион становится механизмом воздействия на повышение эффективности функционирования территориальных производственно-хозяйственных систем [Солошенко Р.В., 2014].

Объединение ресурсов и возможностей нескольких соседних регионов дают возможность реализовывать невероятные проекты для каждого из них.

Динамика интеграционных процессов между соседними субъектами РФ существенно ниже, чем в зарубежных странах [Леонов С.Н., Барабаш Е.С., 2015]. Несмотря на значительные объемы экономического потенциала в регионах нашей страны аспекты анализа эффектов его совместного использования в государственных и бизнес проектах не нашли достаточного развития в теории и на практике.

Цель работы состоит в исследовании макрорегиональной системы страны как формы организации межрегиональной интеграции. При этом особого внимания заслуживают аспекты влияния макрорегиона на развитие национальной экономики, а именно:

- выявление последствий и эффектов от формирования макрорегионов в стране;
- описание основы возникновения межрегиональной интеграции в рамках макрорегиона в форме кооперации, взаимодействия и сотрудничества;
- рассмотрение видов синергизма территорий на уровне макрорегиона и их особенностей.

Материалами исследования послу-

жили несколько типов источников. В первую очередь были применены законодательные акты и нормативно-правовые документы, а также научные работы экономистов в области макрорегионального экономического районирования.

На основе обзора и систематизации научно-практических теорий ученых представлено содержание категориального аппарата межрегиональной интеграции в пространстве макрорегиона.

Методом экстраполяции выявлены условия возникновения синергетического эффекта, его виды и положительные реакции.

Базовые научные методы, такие как синтез, индукция, дедукция, аналогия, применены для выявления перспективных форм межрегиональной интеграции в стране.

Основная часть

Состояние национальной экономики обуславливается экономическими достижениями в регионах. Направления политики пространственного развития нацелены на активизацию возможностей и преимуществ территорий для социально-экономического развития страны [Восканов М.Э., 2014, Жигалов М.И., 2015].

Высокий потенциал повышения эффективности территориальных социально-экономических систем лежит в сфере межрегионального взаимодействия в рамках макрорегионов.

По мнению Дьяченко Е.Г., макрорегионы страны – это результативный механизм расширения горизонтального сотрудничества территориальных систем и укрепления связей между ними [Дьяченко Е.Г., 2012].

Гонтарь Н.В. отмечает, что горизонтальная интеграция экономических субъектов в рамках макрорегиона является полифакторным процессом [Гонтарь Н.В., 2018].

Растворцева С.Н., Лебедев А.О. считают необходимы рассматривать межрегиональную интеграцию в макрорегионе на

основе процессного и содержательного подходов, то есть как последовательность этапов взаимопроникновения территориальных экономик «через формат тесного сотрудничества, укрепления всесторонних экономических связей, обмен опытом и технологиями и снятия барьеров, которые характеризуются переходом на качественно новый и более сложный уровень существования экономики каждой отдельно взятой экономической единицы» [Растворцева С.Н., Лебедев А.О., 2016].

Гонтарь Н.В. связывает функционирование макрорегионов в стране с феноменом на основе сетевой парадигмы, то есть «межрегиональная интеграция предполагает понимание взаимодействия как непрерывного процесса расширения торговых и производственных зон, формирования критически важных связей между регионами» [Гонтарь Н.В., 2018].

Смолеев С.В. отмечает, что для прорывного экономического роста в регионе необходимо использование внутренних немобильных ресурсов и привлечение мобильных ресурсов других территорий [Смолеев С.В., 2013].

Вклад макрорегионов в развитие национальной экономики основывается на теории кумулятивного роста. Согласно которой экономические преимущества регионов могут быть преумножены с помощью специализации и эффекта масштаба [Смолеев С.В., 2013].

Формирование макрорегионов способствует активизации данного потенциала «для формирования и реализации экономических отношений, направленных на обеспечение качественного производства материальных благ, воспроизводство факторов производства и повышение качества жизни общества» [Смирнов В.В., 2016].

Потенциал межтерриториального взаимодействия – это категория, характеризующая возможности территориальных социально-экономических систем в хозяйственной, производственной, финансовой и других сферах, возникающие в случае их интеграции.

По мнению Леонова С.Н., Барабаш Е.С., потенциал межтерриториального взаимодействия в первую очередь зависит от таких параметров как: состояние транспортной инфраструктуры, плотность населения, уровень социально-экономического развития, измеряемый величиной социально-экономических потенциалов регионов [Леонов С.Н., Барабаш Е.С., 2015].

Результат создания макрорегионов состоит в синергии потенциалов, структур и свойств прилегающих территорий. Многие ученые подтверждали важность синергии региональных экономик в макрорегионе, так как синергетическая результативность территориального взаимодействия будет выше суммы результатов деятельности регионов по отдельности [Евстигнеева

Л.П., Евстигнеев Р.Н., 2012, Schiff M., Winters L.A., 2002]. А макрорегиональная система в свою очередь приобретает особую структуру с уникальными свойствами.

Эффект синергии возникает не только от благоприятного сочетания ресурсов, но и от согласованного поведения, производственно-хозяйственных связей и отношений [Абдокова Л.З., 2016, Костров А.Н., 2010].

Представляется необходимым выделить несколько видов синергизма на уровне макрорегиона:

- финансово-инвестиционный синергизм;
- синергизм в промышленной сфере;
- синергизм в сельском хозяйстве;
- синергизм в торговле;
- синергизм социальной инфраструктуры.

Интерес представляет исследование характера возникновения синергетического эффекта от сотрудничества регионов в рамках макрорегиональной системы.

Положительная синергетическая реакция интеграции региональных социально-экономических систем будет проявляться в:

- экономии ресурсов;
- рациональном комбинировании ресурсов;

- возникновении новых условий для производственно-хозяйственной деятельности на основе взаимодополняемости;

- повышении капитализации территорий;

- развитии новых технологий и получении эффекта от перетока инноваций [Лыгина Н.И., 2008];

- повышении эффективности использования конкурентных преимуществ регионов [Веселов А.И., 2011];

- эффекте приращения денежного потока за счет сложения денежных потоков компаний, входящих в кластеры;

- эффекте совместного использования инфраструктурных объектов [Хасанов Р.Х., 2009];

- преодолении разнородности в территориальном развитии [Саралидзе А.М., 2013];

- улучшении функционирования инфраструктуры межрегионального сотрудничества;

- развитию социальных результатов хозяйственной деятельности [Саралидзе А.М., 2013];

- тиражировании лучшего опыта формирования комфортной среды обитания населения;

- закреплении населения, обеспечении экономики достаточным количеством высококачественных трудовых ресурсов;

- переводе территориальных социально-экономических систем в качественно новое состояние.

Совместно с синергетическим эффектом в макрорегионе проявляется эффект взаимодополняемости региональных экономик как возникновение новых возможностей рыночного саморегулирования и экономии бюджетных средств на поддержку слабых территорий [Биганова М.А., 2012, Panke D., 2020].

Для оценки возможного синергетического эффекта от межрегионального взаимодействия рассмотрим показатели эффективности использования основных фондов Центрально-черноземного макрорегиона (табл. 1). Среднее значение коэффициента

эффективности использования основных фондов в Центрально-Черноземном макрорегионе и его индивидуальные значения по отдельным регионам характеризуют результативность территориальной экономики в условиях отсутствия взаимодействия между регионами. Общий коэффициент

эффективности использования основных фондов в Центрально-Черноземном макрорегионе отражает возможный уровень результативности территориальной экономики при межрегиональном взаимодействии в форме совместного использования производственных мощностей.

Таблица 1

Динамика показателей эффективности использования основных фондов
 Центрально-черноземного макрорегиона в 2014-2018 гг.

Table 1

Dynamics of indicators of efficiency of use of fixed assets
 of the Central Chernozem macro-region in 2014-2018

Показатель	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год
Стоимость основных фондов Центрально-Черноземного макрорегиона, всего, млн. руб.					
в том числе:	4756660	5202983	5717750	6334602	6766578
Белгородской области	1152400	1289717	1400837	1501847	1564553
Воронежской области	1233526	1401937	1534644	1841669	2017212
Курской области	664050	705845	805024	878321	938417
Липецкой области	997633	1066160	1178985	1268311	1354811
Тамбовской области	709051	739324	798260	844454	891585
ВРП Центрально-Черноземного макрорегиона, всего, млн. руб.					
в том числе:	2319753	2602556	2690154	2836589	3150151
Белгородской области	619677,7	693379,4	729083,8	785254,1	865979,0
Воронежской области	717667,2	805969,6	817283,0	865222,7	943595,6
Курской области	298287,3	336999,4	362393,8	387577,2	428441,3
Липецкой области	398464,5	448994,3	483653,3	497981,0	580504,0
Тамбовской области	285656,5	317213,7	297740,2	300553,7	331631,2
Коэффициент эффективности использования основных фондов в Центрально-Черноземном макрорегионе, всего, руб.					
в том числе:	0,49	0,50	0,47	0,45	0,47
в Белгородской области	0,54	0,54	0,52	0,52	0,55
в Воронежской области	0,58	0,57	0,53	0,47	0,47
в Курской области	0,45	0,48	0,45	0,44	0,46
в Липецкой области	0,40	0,42	0,41	0,39	0,43
в Тамбовской области	0,40	0,43	0,37	0,36	0,37
Среднее значение коэффициента эффективности использования основных фондов в Центрально-Черноземном макрорегионе, руб.	0,47	0,49	0,46	0,44	0,46

Источник: По данным сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели 2019», Росстат, <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.

Из данных таблицы 1 видно, что значения общего коэффициента эффективности использования основных фондов в Центрально-Черноземном макрорегионе в 2014-2018 годах превышали индивидуальные показатели большинства регионов (Курской, Липецкой и Тамбовской областей) и среднее значение данного параметра по макрорегиону в целом. Это свидетельствует о том, что межрегиональное сотрудничество в форме совместного ис-

пользования производственных мощностей и основных фондов позволит достичь более высокой эффективности экономики макрорегиона, что положительно повлияет на национальную экономику в целом.

Так же для обоснования синергизма при взаимодействии регионов рассмотрим уровни показателей эффективности использования трудовых ресурсов Центрально-черноземного макрорегиона (табл. 2).

Таблица 2

Динамика показателей эффективности использования трудовых ресурсов
 Центрально-черноземного макрорегиона в 2014-2018 гг.

Table 2

Dynamics of indicators of efficiency of use of labor resources of the Central Chernozem macro-region in 2014-2018

Показатель	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год
Среднегодовая численность занятых в Центрально-Черноземном макрорегионе, всего, тыс. чел.					
в том числе:	3513,3	3431,8	3429,8	3427,8	3405,7
в Белгородской области	764,5	754,0	756,8	757,9	752,6
в Воронежской области	1117,8	1092,5	1094,8	1102,1	1110,2
в Курской области	529,5	520,3	520,6	519,6	510,8
в Липецкой области	599,3	565,2	565,5	565,8	566,1
в Тамбовской области	502,2	499,8	492,1	482,4	466,0
ВРП Центрально-Черноземного макрорегиона, всего, млн. руб.					
в том числе:	2319753	2602556	2690154	2836589	3150151
Белгородской области	619677,7	693379,4	729083,8	785254,1	865979,0
Воронежской области	717667,2	805969,6	817283,0	865222,7	943595,6
Курской области	298287,3	336999,4	362393,8	387577,2	428441,3
Липецкой области	398464,5	448994,3	483653,3	497981,0	580504,0
Тамбовской области	285656,5	317213,7	297740,2	300553,7	331631,2
Коэффициент эффективности использования трудовых ресурсов в Центрально-Черноземном макрорегионе, всего, тыс. руб.					
в том числе:	660,28	758,36	784,35	827,52	924,96
в Белгородской области	810,57	919,60	963,38	1036,09	1150,65
в Воронежской области	642,04	737,73	746,51	785,07	849,93
в Курской области	563,34	647,70	696,11	745,91	838,77
в Липецкой области	664,88	794,40	855,27	880,14	1025,44
в Тамбовской области	568,81	634,68	605,04	623,04	711,65
Среднее значение коэффициента эффективности использования трудовых ресурсов в Центрально-Черноземном макрорегионе, тыс. руб.	649,93	746,82	773,26	814,05	915,29

Источник: По данным сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели 2019», Росстат, <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.

Из данных таблицы 2 видно, что значения общего коэффициента эффективности использования трудовых ресурсов в Центрально-Черноземном макрорегионе в 2014-2018 годах превышали индивидуальные показатели большинства регионов (Воронежской, Курской и Тамбовской областей) и среднее значение данного параметра по макрорегиону в целом. Общий коэффициент эффективности использования трудовых ресурсов позволяет оценить уровень использования трудовых ресурсов

в условиях обеспечения их мобильности в границах макрорегиона. Таким образом, в Центрально-Черноземном макрорегионе наибольшей результативности экономики можно было достичь при свободном перемещении трудовых ресурсов между регионами.

Для оценки дополнительных финансовых возможностей регионов от экономического сотрудничества рассмотрим доли инвестиций в ВРП Центрально-черноземного макрорегиона (таблица 3).

Таблица 3

Динамика показателей инвестиционной деятельности в Центрально-черноземном макрорегионе в 2014-2018 гг.

Table 3

Dynamics of investment activity indicators in the Central Chernozem macro-region in 2014-2018

Показатель	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год
Объем инвестиций в основной капитал в Центрально-Черноземном макрорегионе, всего, тыс. чел.					
в том числе:	650810	719394	741367	780720	755683
в Белгородской области	120658	147214	143792	142693	134161
в Воронежской области	240272	264660	270992	283652	279213
в Курской области	73695	73745	93659	100895	119892
в Липецкой области	105588	116134	127891	142407	128533
в Тамбовской области	110597	117641	105033	111073	93884
ВРП Центрально-Черноземного макрорегиона, всего, млн. руб.					
в том числе:	2319753	2602556	2690154	2836589	3150151
Белгородской области	619677,7	693379,4	729083,8	785254,1	865979,0
Воронежской области	717667,2	805969,6	817283,0	865222,7	943595,6
Курской области	298287,3	336999,4	362393,8	387577,2	428441,3
Липецкой области	398464,5	448994,3	483653,3	497981,0	580504,0
Тамбовской области	285656,5	317213,7	297740,2	300553,7	331631,2
Отношение инвестиций в основной капитал к ВРП в Центрально-Черноземном макрорегионе, всего, %					
в том числе:	28,06	27,64	27,56	27,52	23,99
в Белгородской области	19,47	21,23	19,72	18,17	15,49
в Воронежской области	33,48	32,84	33,16	32,78	29,59
в Курской области	24,71	21,88	25,84	26,03	27,98
в Липецкой области	26,50	25,87	26,44	28,60	22,14
в Тамбовской области	38,72	37,09	35,28	36,96	28,31

Источник: По данным сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели 2019», Росстат, <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.

Как видно из таблицы 3, общее значение доли инвестиций в основной капитал к ВРП в Центрально-Черноземном макрорегионе в 2014-2018 гг. было выше индивидуальных значений данного показателя Белгородской, Курской и Липецкой областей. Данный факт означает, что межрегиональное инвестиционное сотрудничество может расширить доступ территориальных социально-экономических систем к финансовым ресурсам и послужить фактором экономического развития.

Базой для межрегиональной интеграции должны стать:

- добровольное сотрудничество бизнес-структур;
- расширение перемещения и географии пользования инфраструктурой населения;
- координация взаимодействия и создание условий для него со стороны представителей власти.

По степени интегрированность различают сотрудничество регионов в формах ассоциации или агломерации.

Взаимодействие в формах создания ассоциаций, союзов, альянсов носит горизонтальный характер, при котором предприятия-участники хозяйственно не зависимы и распоряжаются собственными активами.

Возникновение агломераций связано с централизацией финансовых ресурсов, концентрацией производственного комплекса посредством слияния компаний [Богданова О.П., 2009, Галюта О.П., Привалов О.А., 2015].

К перспективным формам сотрудничества регионов можно отнести: формирование и развитие совместных научно-производственных лабораторий; кооперативное пользование оборудованием, производственными помещениями и складами; обмен передовым опытом и тиражирование достижений.

Упрочение связности и повышение взаимодействия субъектов территориальных систем способно привести к:

- ускорению экономического и социального развития в стране;
- повышению связности и стабилизации национальной экономической системы;
- побуждению развития инновационных и высокотехнологичных производств [Арутюнов Ю.А., 2013, Терехова С.А., 2010, Börzel T.A., Risse T., 2019].

Количественная оценка роли макрорегиона в национальной экономике может быть получена методами:

- денежного измерения прироста суммы добавленной стоимости регионов, входящих в состав макрорегиона;
- расчета размера экономии государственных средств на поддержку слабых регионов;
- измерения прироста экономического потенциала макрорегиона;
- измерения улучшения региональной сбалансированности.

Обобщая рассмотренные преимущества и эффекты от функционирования макрорегиона как формы интеграции территорий, можно сказать, что он остается фактором развития национальной экономики.

Механизм межрегионального взаимодействия базируется на следующих основных формах сотрудничества:

- налаживание стабильного потока обмена товарами;
- участие организаций, индивидуальных предпринимателей в межрегиональных выставках-ярмарках;
- комплексное инвестиционное финансирование;
- развитие производственных связей, кооперация и кластеризация;
- совместная инновационная деятельность;
- сотрудничество в сферах энергетики, транспорта, связи и т. д.
- межсекторное взаимодействие на основе проектного подхода;
- сетевое экономическое взаимодействие;

- интенсификация сотрудничества с региональными объединениями;
- целевые публикации и адресные рассылки информационных материалов о регионах.

Заключение

Идея создания макрорегионов в России связана с попыткой получения нового вида ресурсов – синергетического эффекта от взаимодействия и сотрудничества территорий.

Роль макрорегиона выражается в возникновении синергетического эффекта от взаимодействия территорий в его рамках, который способствует связанности и взаимодополняемости их социально-экономических систем.

Чем выше эффективность межрегиональной интеграции, тем больше значение макрорегиона для развития национальной экономики.

Синергия позволяет достичь в макрорегионе экономический результат, который превысит сумму результатов, входящих в него регионов.

Синергетический эффект от интеграции регионов будет выше, если на уровне макрорегиона будет проводиться системная работа по усилению сотрудничества территориальных экономик в формах совместного пользования ресурсами и производственными мощностями, взаимного товарообмена, налаживания устойчивых инвестиционных и инновационных связей.

Макрорегионы, основанные на системных межрегиональных связях будут способствовать инновационным преобразованиям и способны стать источником прогресса в национальной экономике.

По-настоящему действенным фактором развития национальной экономики межрегиональная интеграция может стать при условиях:

- одновременной координации, разработке направлений и механизмов развития сотрудничества субъектов разных ре-

гионов со стороны властей на уровне макрорегиона и территорий в его составе;

- создания единого экономического пространства макрорегиона.

При этом основными формами межрегионального сотрудничества могут стать разного вида ассоциации, агломерации, кластеры, взаимодействие региональных властей.

Список литературы

1. Абдокова, Л.З., 2016. Синергетический эффект как результат эффективного управления // *Фундаментальные исследования*. 2016. № 10-3: 581-584.
2. Арутюнов, Ю.А., 2013. Организационно-управленческие проблемы информационного обеспечения инновационной деятельности. // *Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова*. 2013. №7.
3. Биганова, М.А., 2012. Межрегиональная интеграция как фактор развития мезоэкономического пространства. // *TERRA ECONOMICUS*. 2012. Т.10. №4. Ч.10. С. 199.
4. Богданова, О.П., 2009. Геополитическая необходимость межрегиональной интеграции в России. // *Проблемы современной экономики*. № 2 (30). 2009: 288-291.
5. Веселов, А.И., 2011. Оценка синергетического эффекта от объединения предприятий. *Экономический анализ: теория и практика*. 2011. № 9: 51-54.
6. Восканов, М.Э., 2014. Выявление причин трансформации и обоснование факторов и векторов развития региональных социально-экономических систем // *Современная экономика: проблемы и решения*. 2014. № 10 (58): 178-188.
7. Галюта, О.П., Привалов, О.А., 2015. Вопросы анализа и синтеза форм межрегиональной интеграции // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2015. № 4 (42): 106-109.
8. Гонтарь, Н.В., 2018. Межрегиональная интеграция в России: институты и государственно-административное регулирование. *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 3: Экономика. Экология. 2018. № 20 (3): 14-24.
9. Дьяченко, Е.Г., 2012. Факторы развития и управления экономическими структурами макрорегиона. *Управление экономически-*

ми системами: электронный научный журнал. 2012. № 12 (48): 111.

10. Евстигнеева, Л.П., Евстигнеев, Р.Н., 2012. Становление экономической синергетики. // *Общественные науки и современность*. 2012. № 1: 122-133.

11. Жигалов, М.И., 2015. Межрегиональная интеграция как фактор экономического роста. // *Интеграционные модели приграничного и межрегионального сотрудничества: сборник статей*. 2015: 192-198.

12. Костров, А.Н. 2010. Новые подходы в понимании интеграционных преобразований. // *Ярославский педагогический вестник*. 2010. № 1 (4). С. 116-118.

13. Леонов С.Н., Барабаш Е.С., 2015. Межмуниципальное взаимодействие: потенциал и механизм реализации. // *Международный журнал экспериментального образования*. 2015. № 1-1: 81-83.

14. Лыгина, Н.И., 2008. Основные направления развития межрегиональной интеграции и ассоциации экономического взаимодействия. // *Регион: системы, экономика, управление*. 2008. № 1 (1): 124-129.

15. Растворцева, С.Н., Лебедев, А.О., 2016. Развитие методов оценки факторов и форм межрегиональной экономической интеграции: Монография. М.: Изд-во «ЭконИнформ», 2016: 213.

16. Саралидзе, А.М. 2013. Межрегиональная экономическая интеграция как фактор развития инновационной экономики. // *Статистика и экономика*. 2013. № 6: 101-105.

17. Смирнов, В.В., 2016. Теоретические подходы к использованию потенциала межрегионального сотрудничества. *Региональная экономика: теория и практика*. 2016. № 3 (426): 53-72.

18. Смолев, С.В., 2013. Сбалансированное и комплексное развитие региона. Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 8 (054): 92-96.

19. Солошенко, Р.В., 2014. Систематизация синергетических эффектов в экономике. // *Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии*. 2014. № 1: 15-18.

20. Терехова, С.А., 2010. Межрегиональная интеграция в системе управления социально-экономическим развитием // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2010. № 28 (209). Экономика. Вып. 30. С. 57

21. Хасанов, Р.Х. 2009. Синергетический эффект кластера. // *Проблемы современной экономики*. 2009. № 3 (31).

22. Börzel, T.A., Risse, T., 2019. Grand theories of integration and the challenges of comparative regionalism // *Journal of European Public Policy*. 2019. Т. 26. №. 8: 1231-1252.

23. Panke, D. 2020. Regional cooperation through the lenses of states: Why do states nurture regional integration? // *The Review of International Organizations*. 2020. Т. 15. №. 2: 475-504.

24. Schiff, M., Winters, L.A., 2002. Regional cooperation, and the role of international organizations and regional integration. *The World Bank*. 2002.

Resources

1. Abdokova, L.Z., (2016). Synergistic effect as a result of effective management // *Fundamental research*. – 2016. – No. 10-3. Pp. 581-584. (in Russian)

2. Arutyunov, Yu.A., (2013). Organizational and managerial problems of information support for innovation. // *Bulletin of the PRUE G.V. Plekhanov*. 2013. No. 7. (in Russian)

3. Biganova, M.A., (2012). Interregional integration as a factor in the development of mesoeconomic space. // *TERRA ECONOMICUS*. 2012. Т.10. No. 4. Part 10. Pp 199. (in Russian)

4. Bogdanova, O.P., (2009). The Geopolitical Necessity for Interregional Integration in Russia. // *Problems of the modern economy*. No. 2 (30). 2009. Pp. 288-291. (in Russian)

5. Veselov, A.I., (2011). Assessment of synergies from business combinations. *Economic analysis: theory and practice*. 2011. No. 9. Pp. 51-54. (in Russian)

6. Voskanov, M.E., (2014). Revealing the causes of transformation and substantiation of factors and vectors of development of regional socio-economic systems // *Modern economy: problems and solutions*. 2014. No. 10 (58). Pp. 178-188. (in Russian)

7. Galyuta, O.P., Privalov, O.A., (2015). Issues of analysis and synthesis of forms of interregional integration. // *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2015. No. 4 (42). Pp. 106-109. (in Russian)

8. Gontar, N.V., 2018. Interregional Integration in Russia: Institutions and State Administrative Regulation. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology*. 2018. No. 20 (3). Pp. 14-24. (in Russian)

9. Dyachenko, E.G., (2012). Factors of Development and Management of Economic Structures of the Macroregion. Management of economic systems: electronic scientific journal. 2012. No. 12 (48). Pp. 111. (in Russian)
10. Evstigneeva, L.P., Evstigneev, R.N., (2012). Formation of Economic Synergetics. // Social sciences and modernity. 2012. No. 1. Pp. 122-133. (in Russian)
11. Zhigalov, M.I., (2015). Interregional Integration as a Factor of Economic Growth. // Integration models of cross-border and interregional cooperation: collection of articles. 2015. Pp. 192-198. (in Russian)
12. Kostrov, A.N., (2010). New approaches in understanding integration transformations. // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2010. No. 1 (4). Pp. 116-118. (in Russian)
13. Leonov S.N., Barabash E.S., (2015). Intermunicipal Cooperation: Potential and Implementation Mechanism. // International Journal of Experimental Education. 2015. No. 1-1. Pp. 81-83. (in Russian)
14. Lygina, N.I., (2008). Main directions of development of interregional integration and association of economic interaction. // Region: systems, economics, management. 2008. No. 1 (1). Pp. 124-129. (in Russian)
15. Rastvortseva, S.N., Lebedev, A.O., (2016). Development of methods for assessing factors and forms of interregional economic integration: Monograph. M.: Publishing house "EcoInform", 2016. 213 p. (in Russian)
16. Saralidze, A.M., (2013). Interregional economic integration as a factor in the development of an innovative economy. // Statistics and Economics. 2013. No. 6. Pp. 101-105. (in Russian)
17. Smirnov, V.V., (2016). Theoretical Approaches to Using the Potential of Interregional Cooperation. Regional economics: theory and practice. 2016. No. 3 (426). Pp. 53-72. (in Russian)
18. Smoleev, S.V., (2013). Balanced and Integrated Development of the Region. Socio-economic phenomena and processes. 2013. No. 8 (054). Pp. 92-96. (in Russian)
19. Soloshenko, R.V., (2014). Systematization of synergistic effects in the economy. // Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. 2014. No. 1. Pp. 15-18. (in Russian)
20. Terekhova, S.A., (2010). Interregional integration in the management system of social and economic development // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2010. No. 28 (209). Economy. Issue 30. Pp. 57. (in Russian)
21. Khasanov, R.Kh., (2009). Synergistic effect of the cluster. // Problems of the modern economy. 2009. No. 3 (31). (in Russian)
22. Börzel, T.A., Risse, T., (2019). Grand theories of integration and the challenges of comparative regionalism // Journal of European Public Policy. 2019. T. 26. №. 8. Pp. 1231-1252.
23. Panke, D., (2020). Regional cooperation through the lenses of states: Why do states nurture regional integration? // The Review of International Organizations. 2020. T. 15. №. 2. Pp. 475-504.
24. Schiff, M., Winters, L.A., (2002). Regional cooperation, and the role of international organizations and regional integration. The World Bank. 2002.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Владыка М.В., профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и моделирования производственных процессов НИУ «БелГУ», (Белгород, Россия)

Marina V. Vladyka, Professor, Doctor of Economics, Professor, Department of Economics and Modeling of Production Processes, BelSU, (Belgorod, Russia)

Чистникова И.В., доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и моделирования производственных процессов НИУ «БелГУ», (Белгород, Россия)

Irina V. Chistnikova, Associate Professor, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Economics and Modeling of Production Processes, National Research University "BelGU", (Belgorod, Russia)

Ермаченко Ф.М., аспирант Института экономики и управления НИУ «БелГУ», (Белгород, Россия)

Philip M. Ermachenko, postgraduate student of the Institute of Economics and Management, NIU BelSU, (Belgorod, Russia)

УДК 332.1

DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-5

Молчан А.С.,
Коркишко И.В.

Адаптивность оценки эффективности деятельности
местной власти

¹ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»,
Московская, 2, Краснодар, 350072, Россия

²ФГКВОУ ВО «Краснодарское высшее военное орденов Жукова и Октябрьской Революции
Краснознаменное училище имени генерала армии С.М. Штеменко», Красина, 4, Краснодар,
350063, Россия

e-mail: molchan.alexey@gmail.com, inna.korkishko.68@mail.ru

Аннотация

В статье представлена часть научных исследований, одной из задач которых является определение роли оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления в реализации региональной социально-экономической политики, которая устанавливает основные единые направления «развития страны в пространственном (региональном) аспекте».

Для исследования использовались методы моделирования, системного подхода, экспертного анализа. Анализ теоретических научных трудов позволил выявить ряд проблем в регулировании развития муниципальных территорий.

Одним из решений проблемы между увеличением единых требований к качеству управления муниципальным образованием и ростом диспропорций в развитии муниципальных социально-экономических систем, а также существующим различием условий для деятельности органов власти авторы видят в использовании механизма адаптации системы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления.

Целевые установки политики предлагается адаптировать к условиям развития муниципальных территорий через систему оценивания деятельности муниципальной власти. В результате исследования выдвинуты предложения по усовершенствованию системы оценивания муниципальных органов власти.

Основным выводом проведенной работы является положение: для обеспечения выполнения единых требований к развитию муниципальных социально-экономических систем, содержащихся в целевых индикаторах оценки эффективности деятельности муниципальной власти, необходимо повысить качество оценивания за счет усиления его функции адаптации и применения экспертного анализа отраслевых руководителей.

Ключевые слова: социально-экономическая политика; оценка эффективности деятельности; адаптационный механизм; муниципальные органы власти.

Информация для цитирования: Молчан А.С., Коркишко И.В. Адаптивность оценки эффективности деятельности местной власти // Научный результат. Экономические исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 44-53. DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-5

¹Alexey S. Molchan,
²Inna V. Korkishko

**Adaptability of evaluating the effectiveness
of local government activities**

¹Kuban State Technological University
Krasnodar, 350072, Russia

²Krasnodar Higher Military School,
4 Krasin, Krasnodar, 350063, Russia

e-mail: molchan.alexey@gmail.com, inna.korkishko.68@mail.ru

Abstract

The article presents a part of scientific research, one of the tasks of which is to determine the role of assessing the effectiveness of local government bodies in the implementation of regional socio-economic policy, which establishes the main unified directions of "development of the country in the spatial (regional) aspect".

Methods of modeling, systems approach and expert analysis are used in the research. The analysis of theoretical scientific works revealed a number of problems in the regulation of the development of municipal territories.

One of the solutions to the problem between the increase in uniform requirements for the quality of municipal administration and the growth of disparities in the development of municipal socio-economic systems, as well as the existing difference in conditions for the activities of authorities, the authors see in the use of the adaptation mechanism of the system for assessing the effectiveness of local government.

It is proposed to adapt the target settings of the policy to the municipal territories development conditions through a system of assessing municipal authorities' activities. As a result of the research, a number of proposals have been put forward for improving the municipal authority's assessment system.

The main conclusion of the work is the following: to ensure the fulfillment of uniform requirements for the development of municipal socio-economic systems contained in the target indicators for assessing the municipal authorities activities effectiveness, it is necessary to improve the quality of assessment by strengthening its adaptation function and the use of expert analysis of industry leaders.

Key words: socio-economic policy; effectiveness assessment; adaptation mechanism; municipal authorities

Information for citation: Molchan A.S., Korkishko I.V. "Adaptability of evaluating the effectiveness of local government activities", *Research Result. Economic Research*, 6(4), 44-53, DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-5

Введение

Региональная социально-экономическая политика играет важную роль в сохранении целостности государства и повышении темпов его развития. Одним из направлений политики является ликвидация диспропорций в развитии территорий (регионов, муниципальных образований).

Сложность решения этой задачи, в первую очередь, связана с административно-территориальным делением страны. В состав субъектов Российской Федерации входит более 2300 муниципальных образований (далее – МО) второго ранга в разном количественном соотношении городских округов и муниципальных районов. Каж-

дое МО отличают особенности в развитии социально-экономических систем.

Региональная социально-экономическая политика (далее – СЭП) реализуется

на трех уровнях власти: федеральном, региональном, муниципальном [Журавлева, И. А., 2017] (рисунок 1).

Рис. 1. Уровни разработки региональной социально-экономической политики (составлено автором по материалам [6])

Fig.1. Levels of development of regional socio-economic policy (Source: compiled by the author based on materials [6])

Субъекты РФ и муниципалитеты разрабатывают свои стратегические документы развития, но основные направления и целевые установки в них согласовываются в соответствии с вертикалью власти. Таким образом обеспечивается единство требований к развитию регионов и МО в их составе. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления (далее – ОМСУ) является частью региональной СЭП и выполняет контрольную функцию достижения основных целевых показателей, отраженных в стратегических государственных документах. При этом, оценка эффективности деятельности му-

ниципальных органов власти в рамках региона при определенных условиях становится фактором воздействия на формирование прогноза развития и разработки сценариев развития МО. Важность качественного стратегического планирования, инструментом которого является и оценка эффективности деятельности ОМСУ является доказательством актуальности проведенных исследований.

Целью проведенного исследования является установление места системы оценки эффективности деятельности ОМСУ в СЭП региона и поиск резервов про-

ведения процедуры оценивания для повышения его качества.

Базой исследования стали законодательные и нормативно-правовые акты, регулирующие оценку эффективности деятельности местной власти, теоретические научные труды отечественных и зарубежных исследователей, официальные сайты администраций муниципальных и региональных органов власти. После ратификации Россией Европейской Хартии местного самоуправления (1998 г.) [Европейская хартия местного самоуправления от 15 октября 1985] начало внедрению системы оценивания эффективности управления положили Федеральный закон №230 от 2007 г. [Федеральный Закон от 18.10.2007] и Указом Президента РФ №607 от 2008 г. [Указ Президента Российской Федерации от 28.04.2008]. Единство требований было обеспечено порядком утверждения критериев оценки эффективности деятельности ОМСУ и последующим принятием ряда государственных документов, регулирующих процедурные шаги оценивания на региональном уровне. Анализ нормативных

актов дал возможность построить существующую модель оценки эффективности ОМСУ [Коркишко И.В., 2020].

Экспертный анализ применялся для определения роли системы оценивания деятельности ОМСУ. Это предоставило возможность выявить причины недостатков, указанных экспертами в системе оценивания. Анализ опроса специалистов муниципальных органов власти показал следующие недостатки существующей системы оценивания эффективности деятельности ОМСУ, представленные в таблице 1.

Так как результаты оценки эффективности деятельности ОМСУ используются только для выявления лидеров и аутсайдеров среди МО с последующим награждением лучших в виде выделения гранта, то анализ задач системы оценивания и экстраполяция методики оценивания эффективности деятельности государственных исполнительных органов власти позволили выдвинуть предложение по отраслевому уточнению критериев с применением экспертного анализа [Келлер, С. и Прайс, К., 2014].

Таблица 1

Результаты опроса о качестве существующей системы оценки эффективности деятельности ОМСУ

Table 1

The results of a survey on the quality of the existing system for assessing the effectiveness of local self-government bodies

№	Недостатки	Доля опрошенных
1	Недостаточная связь критериев оценки и вопросов местного значения	83%
2	Слабое применение результатов оценки	79%
3	Отсутствие учета условий развития МО	81%
4	Низкая прозрачность подсчета комплексных показателей	72%
5	Отсутствие реальной возможности учета профессионального мнения отраслевых специалистов по комплексу показателей при верификации данных (в методике учет мнения экспертов предусмотрен только по отдельным показателям)	68%
6	Отсутствие учета мнения исполнителей – муниципальных органов исполнительной власти, реализующих целевые установки региональной СЭП, обеспечивающих достижение показателей	94%

Предложение об усилении отраслевого подхода при формировании критериального аппарата и верификации данных основывалось на работах таких отечественных ученых, как Васильев А.А. [Васильев А. А., 2000], Ваганова О.В. [Титов А. Б., Ваганова О.В., 2015], Головчин [Журавлева И. А., 2017], Малова И.В. [Малова И. В., 2017], а предложение об использовании адаптивного механизма базируется на трудах Стрябковой Е.А. [Малышев В.А. и Стрябкова, Е. А., 2018 убрать], Стариковой М.С. [Старикова М.С., 2015], Матохин В.В. [Матохина В. В.], Савченко Е.Е. [Савченко Е.Е., 2013].

Анализ существующей процедуры оценивания и моделирование усовершенствованного ее прототипа позволил выявить проблемы и найти ресурс повыше-

ния качества оценок [Коркишко И. В., 2020].

Основная часть

В результате применения системного подхода к нормативному обеспечению процедуры оценивания были изучены задачи оценки эффективности деятельности (рисунок 2).

Анализ результатов опроса и задач системы оценивания позволил сформулировать рабочую гипотезу, что, несмотря на установленное единство требований к показателям эффективности деятельности ОМСУ в рамках региональной социально-экономической политики, удовлетворенность качеством оценивания будет расти при использовании механизма адаптации критериального аппарата на отраслевом уровне.

Рис. 2. Задачи оценки эффективности деятельности ОМСУ
(Источник: составлено автором по материалам [Федеральный Закон от 18.10.2007], [Указ Президента Российской Федерации от 28.04.2008])
Fig.2. Tasks of assessing the effectiveness of local government bodies
(Source: compiled by the author based on materials [2], [3])

Под эффективностью муниципального управления подразумевают виды, обозначенные на рисунке 3.

Только адаптация целевых установок региональной СЭП к местным условиям их реализации может обеспечить решение задач развития, поставленных перед муниципальным управлением [Мальшев В.А. и Стрябкова, Е.А., 2018], [Омельченко Е.В., 2016]. Предлагается использовать ресурс отраслевых муниципальных руководителей в качестве экспертов на этапе форми-

рования критериального аппарата во время начала реализации процедуры оценивания на региональном уровне.

Для этого принцип отраслевой иерархии, используемый на этапе сбора и верификации данных по федеральным критериям, применяется для оценки эффективности деятельности муниципальных органов исполнительной власти в рамках муниципальных отраслевых подразделений и закрепленных за ними показателей.

Социальная эффективность	Экономическая эффективность	Организационная эффективность	Эффективность отраслевого муниципального подразделения
1. Качество услуг муниципальной подсистемы и взаимосвязь с другими подсистемами муниципалитета	1. Результативность по экономическим показателям по отношению к объемным или общим показателям развития	1. Рациональность организационной структуры администрации и органа управления	1. Достижение целей управления развитием и функционированием муниципальной отраслевой системой – конечные результаты по отношению к существующим условиям управления
2. Законность решений и действий муниципальных органов и должностных лиц	2. Результативность по экономическим показателям по отношению к объемным или общим показателям развития	2. Сбалансированность (полномочий) прав и ответственности	2. Эффективность каждого элемента системы
3. Открытость, релевантность, правдивость управленческой информации	3. Эффективность реализации муниципальных программ и проектов	3. Ресурсообеспеченность; потенциал бюджета аппарата управления, основных фондов, инфраструктуры	3. Полезность результата для потребителей услуг и их удовлетворенность ими
4. Демократичность и устойчивость взаимодействия муниципальных органов и граждан	4. Экономичность	4. Организация процесса управления в соответствии с функциями	

Рис. 3. Эффективность муниципального управления социально-экономической системой (авторский научный результат)

Fig. 3. The effectiveness of municipal management of the socio-economic system (author's research result)

Таким образом, руководители муниципальных отраслевых подразделений при формировании критериев оценки на региональном уровне выполняют несколько задач:

- 1) адаптации критериального аппарата к местным условиям управления;
- 2) самодиагностики достижения необходимых целевых показателей;
- 3) выработки предложений по усовершенствованию процедуры оценивания и критериального аппарата;
- 4) учета мнения жителей и, в первую очередь, исполнителей о методах достижения необходимого качества жизни населения;
- 5) вовлечение граждан региона к процессам реализации социально-экономической политики в рамках административно-территориального деления;
- 6) увеличение открытости информации о результативности деятельности муниципальных органов власти;
- 7) повышение устойчивости функционирования и достоверности результатов системы оценивания.

Согласно закону У.Р. Эшби [Ashby, W. R., 1957] «разнообразие возможных состояний системы является необходимым условием для адекватной реакции на изменения» [Омельченко Е.В., 2016.]. Механизм адаптации к местным условиям позволяет при соблюдении единства требований установленных на государственном уровне индикаторов найти различные решения их достижения, максимально используя имеющиеся муниципальные ресурсы [Файоль А., 1924]. Гибкое подстраивание системы оценивания под изменения социально-экономической ситуации и различия условий муниципального развития осуществляется за счет реагирования исполнителей-экспертов на новые требования.

Оценка эффективности деятельности ОМСУ является формирующейся и постоянно изменяющейся системой, которая

представляется как некоторая «совокупность... взаимосвязанных частей, каждая из которых вносит свой вклад в характеристики целого» [Литвак Б.Г., 2008]. На региональные отраслевые органы исполнительной власти, как части системы оценки эффективности деятельности возлагается важная миссия организации процедуры оценивания и получения достоверной информации о состоянии муниципальной социально-экономической системы и эффективности деятельности органов ими управляющих. Оценка эффективности деятельности муниципальных органов власти на отраслевом уровне позволяет определить их состояние и выделить перспективные непромышленные отрасли региона, что является дополнительной методикой к методическому подходу определения таких перспективных отраслей только в производственной сфере, описанной Титовым А.Б. и Вагановой О.В. [Титов А. Б., Ваганова О.В., 2015].

Повышение достоверности результатов влечет иные возможности их применения для регулирования развития муниципальных территорий в составе региональной социально-экономической системы и региона в целом.

Таким образом, внесение изменений в этап формирования критериев на основе принципа адаптации к условиям, в конечном счете, влияет на применимость результатов оценки эффективности деятельности ОМСУ на качество управления, на этап прогнозирования (планирования) (рисунок 4).

Значит, инструмент контроля деятельности органов местного самоуправления становится инструментом формирования социально-экономической политики. Следовательно, социально-экономическая политика, основывающаяся на мнение исполнителей и учете условий развития МО, по-видимому, вызовет большее одобрение населения территории.

Рис. 4. Процесс воздействия ситуационного экспертного анализа руководителей отраслевых муниципальных подразделений (авторский научный результат)
Fig. 4. The process of influencing the situational expert analysis of heads of sectoral municipal units (author's research result)

Логическая последовательность выводов по реализации предложения внесения изменений с применением механизма адаптации приводит к подтверждению рабочей гипотезы.

Заключение

Главным экономическим эффектом усовершенствованной модели является повышение достоверности результатов оценивания, позволяющих при планировании социально-экономических мероприятий развития МО и региона производить более точное распределение имеющихся ресурсов, а следовательно, нивелировать проблему диспропорции. Это одна из важнейших задач пространственного развития региональной экономики.

Исследование вопроса адаптации механизма оценки эффективности деятельности ОМСУ является актуальным в свете решения проблем муниципального управ-

ления. Адресность обеспечения ресурсами при реализации региональных стратегических документов, учет потребностей населения и условий развития МО основывается на системных принципах отраслевой иерархии, адаптивности систем, открытости и прозрачности информации о результатах деятельности ОМСУ.

Список литературы

1. Европейская хартия местного самоуправления от 15 октября 1985 г. // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 8.03.2020 г.).
2. Федеральный Закон от 18.10.2007 №230-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи совершенствованием разграничения полномочий» / Российская газета – Федеральный выпуск №0(4500) от 24 октября 2007 г. URL: <https://rg.ru/2007/10/24/polnomochiya-doc.html>, (дата обращения 02.12.2020).

3. Указ Президента Российской Федерации от 28.04.2008 г. №607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов». // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/27276>, (дата обращения 9.09.2019 г.).
4. Васильев А.А., 2000. Муниципальное управление: Конспект лекций. // Н. Новгород: Издатель: Гладкова О.В., 2000: 160.
5. Головчин М.А., 2012. Образование: региональные проблемы качества управления: монография / М.А. Головчин, Г.В. Леонидова и А.А. Шабунова // Вологда: ИСЭРТ РАН. 2012: 172.
6. Журавлева И. А., 2017. Материалы для самостоятельной работы студентов по дисциплине: «Основные направления региональной политики». / ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет». 2017: 50.
7. Келлер, С. и Прайс, К., 2014. Больше, чем эффективность: Как самые успешные компании сохраняют лидерство на рынке. М: Альпина Паблишер, 2014.
8. Коркишко И.В., 2020. Моделирование процедуры оценивания эффективности деятельности органов местного самоуправления // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. №3 (113): 65-74.
9. Литвак Б.Г., 2008. Разработка управленческого решения: учебник / М.: Издательство «Дело» АНХ, 2008: 440.
10. Малова И.В., 2017. Мониторинг отрасли, как основа управления региональной социально – экономической системой / Управление социально-экономическими системами: теория, методология, практика: монография / Г.Ю. Гуляева // Пенза: МЦНС – «Наука и Просвещение». 2017: 160 с.
11. Малышев В.А. и Стрябкова, Е. А., 2018. Особенности социально-экономического развития приграничных регионов. / Пространственное развитие территорий. Сборник научных трудов Международной конференции ноябрь 2018 / Отв. ред. Е.А. Стрябкова, И.В. Чистникова // Изд-во: ООО Эпицентр (Белгород). 2018.
12. Матюхина В.В. Адаптивность экономической системы. / URL: http://physchem.chimfak.rsu.ru/Source/PCC/Termodyn_4.htm, дата обращения 05.12.2020 г.
13. Омельченко Е.В., 2016. Эффективность экономической системы: демографическая проекция // Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Экономический исследования». Т.2, №2(7). // БелГУ. 2016: 26-31.
14. Савченко Е.Е., 2013. Выявление системообразующей инфраструктуры региона на основе критериев «инфраструктурная адаптивность» / Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований // М.: 2013. №10 (ч.3): 453-456.
15. Старикова М.С., 2015. Оценка степени адаптивности отраслей российской экономики. / Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. №15. 2015: 265-268.
16. Титов А.Б., Ваганова О.В., 2015. Методический подход к определению перспективных отраслей региона в условиях турбулентности экономики // Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Экономический исследования». Т.1, №3. // БелГУ. 2015: 56-63.
17. Файоль А., 1924. Общее и промышленное управление. Л.; М., 1924.
18. Ashby, W. R. (1957). An Introduction to Cybernetics. Second impression. London: Chapman & Hall Ltd, 1957. Vol. I.

References

1. Ashby W.R., (1957). An Introduction to Cybernetics. Second impression. London: Chapman & Hall Ltd, 1957. Vol. I
2. Decree of the President of the Russian Federation of April 28, 2008 No. 607 "On assessing the effectiveness of the activities of local self-government bodies in urban districts and municipal districts." // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/27276>, (Accessed 09 September 2019). (In Russian)
3. European Charter of Local Self-Government of October 15, 1985 // URL: <http://www.consultant.ru/> (Accessed 03 August 2019).
4. Fayol, A., (1924). General and industrial management. L.; M., 1924. (In Russian)
5. Federal Law of October 18, 2007 No. 230-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with Improving the Delimitation of Powers" / Rossiyskaya Gazeta – Federal Issue No. 0 (4500) dated October 24, 2007 URL: <https://rg.ru/2007/10/24/polnomochiya-doc.html>, (Accessed 12 December 2019). (In Russian)
6. Golovchin M.A., (2012). Education: regional problems of management quality: monograph / M. A. Golovchin, G. V. Leonidova and A.

A. Shabunova // Vologda: ISERT RAS. 2012. 197 p., P. 42. (In Russian)

7. Keller, S. and Price, K., (2014). More than efficiency: How the most successful companies maintain their market leadership. M: Alpina Publisher, 2014. (In Russian)

8. Korkishko I.V., (2020) Modeling the procedure for assessing the effectiveness of local government bodies // Regional problems of economic transformation. 2020. No. 3 (113). pp. 65-74. (In Russian)

9. Litvak B.G., (2008). Development of management solutions: textbook / M.: Delo Publishing House of ANKh, 2008. 440 p. (In Russian)

10. Malova I.V., (2017). Industry monitoring as a basis for the management of the regional socio-economic system / Management of socio-economic systems: theory, methodology, practice: monograph / Ed. Ed. G.Yu. Gulyaeva. // Penza: ICNS – "Science and Education". 2017. 160 p. (In Russian)

11. Malyshev V. A. and Stryabkova, E. A., (2018). Features of the socio-economic development of border regions. / Spatial development of territories. Collection of scientific papers of the International Conference November 2018. / Ed. Ed. E.A. Stryabkova and I. V. Chistnikova // Publishing house: Epicenter LLC (Belgorod). 2018. (In Russian)

12. Matokhina V.V., (2020). The adaptability of the economic system. / URL: http://physchem.chimfak.rsu.ru/Source/PCC/Termodyn_4.htm, (Accessed 05 December 2019). (In Russian)

13. Omelchenko E.V., (2016). The efficiency of the economic system: population projection // Network Journal "Research Result". Series "Economic Research". Vol.2, No. 2 (7). // BelSU. 2016. pp. 26-31.

14. Savchenko E. E. (2013). Identification of the backbone infrastructure of the region based on the criteria of "infrastructure adaptability" / International Journal of Applied and Fundamental Research // M.: 2013. No. 10 (part 3) pp.453-456. (In Russian)

15. Starikova M.S., (2015). Assessment of the degree of adaptability of sectors of the Russian economy. / Bulletin of BSTU im. V.G. Shukhov. No. 15. 2015. pp. 265-268. (In Russian)

16. Titov A.B. and Vaganova O.V., (2015). Methodical approach to identifying promising sectors of the region in the conditions of economic turbulence // Network Journal "Research Result". Series "Economic Research". Vol.1, No. 3. // BelSU. 2015. pp. 56-63.

17. Vasiliev A. A., (2000). Municipal government: Lecture notes. // N. Novgorod: Publisher: Gladkova O.V., 2000. 160 p. (In Russian)

18. Zhuravleva I. A., (2017). Materials for independent work of students in the discipline: "The main directions of regional policy." / FSBEI HE "Irkutsk State University". 2017. 50 p. (In Russian)

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Молчан А.С., доктор экономических наук, профессор, директор института экономики, управления и бизнеса, заведующий кафедрой экономической безопасности, ФГБОУ ВО Кубанский государственный технологический университет, (Краснодар, Россия)

Molchan A.S., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics, Management and Business, Head of the Department of Economic Security, Kuban State Technological University, (Krasnodar, Russia).

Коркишко И.В., научный сотрудник научно-исследовательского центра, ФГКВБОУ ВО «Краснодарское высшее военное орденов Жукова и Октябрьской Революции Краснознаменное училище имени генерала армии С.М. Штеменко», (Краснодар, Россия)

Korkishko I.V., Research Fellow, Research Center, Krasnodar Higher Military School, (Krasnodar, Russia)

УДК 332.055.2

DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-6

Попов Д. А.

**Эффективность использования региональных активов
в условиях внедрения концепции
«бережливого производства»**

АНО «Белгородский центр развития инноваций и модернизации производственных систем»
ул. Королева, дом 2а, офис 111, Белгород, 308033, Россия

e-mail: pprov.dima@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрены ограничения, препятствующие повышению уровня эффективности использования региональных активов в условиях системного внедрения концепции «бережливого производства» на региональном уровне на примере Белгородской области и определены пути их преодоления.

Целью исследования является исследование проблем, препятствующих росту эффективности использования региональных активов.

Методология. В рамках проведенного автором статьи исследования: был проведен критический анализ особенностей реализации национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» в Белгородской области; обобщен отечественный и зарубежный опыт внедрения технологий бережливого производства.

В ходе выполнения исследования авторами были получены следующие результаты: определены проблемы, препятствующие повышению уровня рационального использования активов территории при внедрении концепции «бережливого производства» в производственные системы хозяйствующих субъектов на региональном уровне; сформулированы практические рекомендации системного внедрения концепции «бережливого производства» на региональном уровне.

Рациональное использование активов территории за счет системного внедрения концепции «бережливого производства» на региональном уровне невозможно без формирования соответствующей «бережливой среды». Определены составляющие «бережливой среды» региона, ключевые факторы и принципы ее формирования.

Ключевые слова: рациональное использование региональных активов; концепция «бережливого производства»; «бережливая среда» региона.

Информация для цитирования: Попов Д.А. Эффективность использования региональных активов в условиях внедрения концепции «бережливого производства» // Научный результат. Экономические исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 54-52. DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-6

Dmitry A. Popov

**Efficiency of using regional assets in the context
of implementing the concept of lean production**

Belgorod Center for Development of Innovations and Modernization of Production Systems,
office 111 Korolev St., 308033, Belgorod, Russia

e-mail: ppov.dima@yandex.ru

Abstract

The article considers the obstacles that prevent increasing the level of efficiency of using regional assets in the context of the system implementation of the concept of lean production at the regional level on the example of the Belgorod region and identifies some ways to overcome them.

The aim of the research is to study the problems that hinder the growth of the efficiency of using regional assets.

Methodology. As part of the research conducted by the author of the article: a critical analysis of the implementation of the national project «Labor Productivity and employment support» in the Belgorod region was carried out; domestic and foreign experience in implementing lean manufacturing technologies was summarized.

In the course of the study, the author obtained the following results: there were identified the problems that prevent improving the level of rational use of the territory's assets when implementing the concept of lean production in the production systems of economic entities at the regional level; there were formulated some practical recommendations for the system implementation of the concept of lean production at the regional level.

Rational use of the territory's assets through the systematic implementation of the concept of lean production at the regional level is impossible without the formation of an appropriate lean environment. The components of the lean environment of the region, key factors and principles of its formation were identified.

Key words: rational use of regional assets; concept of «lean production»; «lean environment» of the region

Information for citation: Popov D.A. “Efficiency of using regional assets in the context of implementing the concept of lean production”, *Research Result. Economic Research*, 6(4), 54–62, DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-6

Введение

Эффективность регионального социально-экономического развития в значительной мере зависит от уровня рационального использования активов территории. При этом проблемы рационального использования активов тесно связаны с протекающими экономическими и социальными процессами, как в отдельно взятых хозяйствующих субъектах, так и в регионе в целом.

В современных условиях задача повышения эффективности деятельности хозяйствующими субъектами зачастую решается путем капитальных вложений, внедрения новых технологий, широкомащтабной модернизации. Однако в сложившейся экономической и геополитической ситуации, в которой находится сейчас наша страна, решение данной задачи весьма затруднено, а зачастую и невозможно.

Зарубежная и отечественная практика показывает, что повышение эффектив-

ности деятельности в условиях ограниченных ресурсов возможна за счет внедрения некапиталоемких технологий развития производственных систем. К таким технологиям относится концепция «бережливого производства».

Внедрение технологий бережливого производства оказывает положительное влияние как на развитие предприятий, так и на эффективность социально-экономического развития региона, на территории которого они функционируют [Попов Д.А., 2019]. Такое влияние обусловлено тем, что внедрение технологий бережливого производства, не требуя крупных капитальных затрат, способствует росту выработки, выручки и, как следствие, производительности труда предприятий.

На основании вышесказанного, можно сделать вывод о том, что системное внедрение технологий бережливого производства в производственные системы хозяйствующих субъектов на региональном уровне позволит повысить уровень рационального использования активов территории.

Основная часть

Ключевым направлением повышения уровня рационального использования активов территории за счет внедрения концепции «бережливого производства» в Белгородской области является реализация национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» утвержденного президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 24 сентября 2018г. № 12) [Правительство России, 2018].

Ключевая цель проекта – обеспечить к 2024 году прирост темпов роста производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики не ниже 5% в год и добиться 20% прироста производительности труда к 2024 году. В течение срока ре-

ализации проекта предполагается вовлечение 10 000 крупных и средних предприятий из 85 регионов страны [Правительство России, 2018].

Следует отметить, что немаловажная роль в реализации национального проекта отводится федеральному центру компетенций (ФЦК), который выступает носителем лучших практик и компетенций по повышению производительности труда на федеральном уровне. ФЦК аккумулирует полученные при реализации проектов знания, анализирует и содействует их тиражированию, проводит обучение сотрудников предприятий-участников методам повышения производительности труда с применением инструментов бережливого производства по всей цепочке создания ценности, а также содействует созданию региональных центров компетенций (РЦК) – операторов тиражирования накопленного опыта в субъектах Российской Федерации.

В рамках анализа особенностей реализации национального проекта следует отметить, что срок внедрения инструментов бережливого производства на предприятии-участнике составляет 6 месяцев, из них первые 3 месяца 80% присутствие экспертов на площадке, остальные 3 месяца всего 20% присутствия [Производительность РФ, 2020]. Соответственно, развитие производственной системы предприятие региона в дальнейшем фактически осуществляет самостоятельно.

В рамках Соглашения о реализации регионального проекта «Адресная поддержка повышения производительности труда на предприятиях» на территории Белгородской области № 2019-L20010-1 от 14 февраля 2019 г. [Департамент экономического развития Белгородской области] в регионе до 2024 года охват предприятий, развивающих производственные системы на принципах бережливого производства, нарастающим итогом должен составлять 179 предприятий, из них региональные центры должны охватить 62, остальные самостоятельно, с привлечением консультантов и экспертов федерального центра

компетенций. При этом, количество обученных сотрудников предприятий-участников инструментам повышения

производительности труда нарастающим итогом должен составить 1,5 тысяч человек (рис. 1).

Рис. 1. Планируемые показатели проекта по количеству предприятий-участников национального проекта и обученных сотрудников инструментам повышения производительности труда Белгородской области, ед. нарастающим итогом

Fig. 1. Planned project indicators by the number of enterprises participating in the national project and employees trained in tools for improving labor productivity in the Belgorod region, units of cumulative total

Такой охват и реализация запланированных мероприятий по трем направлениям национального проекта должен обеспечить рост производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики Белго-

родской области не ниже 5 процентов в год к 2024 году. Планируемая динамика изменения показателя производительности труда по годам в регионе представлена на рисунке 2.

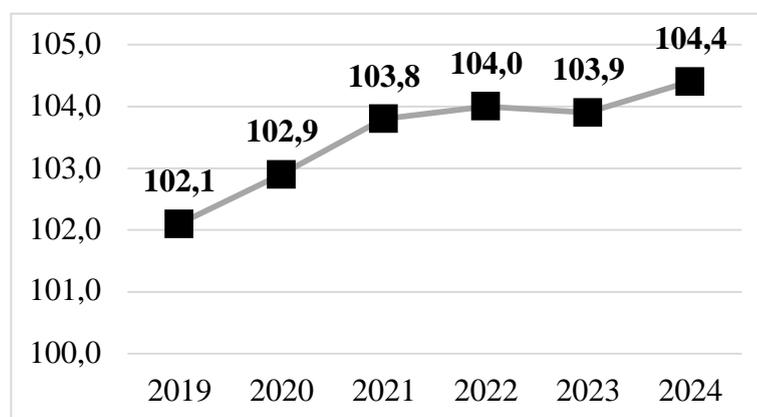

Рис. 2. Планируемая динамика показателя производительности труда в Белгородской области, %

Fig. 2. Planned dynamics of labor productivity in the Belgorod region, %

Как видно из представленных графиков, перед Белгородской областью поставлены достаточно амбициозные цели. В связи с этим, в рамках настоящего иссле-

дования нами был проведен детальный анализ возможности достижения целей национального проекта в регионе и оценки его влияния на использование региональ-

ных активов, определены ключевые положительные стороны и недостатки, определены пути повышения эффективности его реализации на региональном уровне.

Ключевым отличием национального проекта от реализуемых ранее госпрограмм по данному направлению является наличие конкретных целей и задач, выделенных ресурсов и наличие персональной ответственности за его реализацию. Ключевая отличительная черта национального проекта – применение системного подхода к решению злободневных проблемы российской экономики. Аккумулируя в себе передовые управленческие практики, методологию организации социально-трудовых отношений и развитие кадровых ресурсов, национальный проект является одной из значительных за последние годы попыток добиться прорыва в социально-экономическом развитии [Нечаев А.В., 2018]. Безусловно, для повышения производительности необходимо восстановление и развитие кадрового потенциала российской экономики, готового к внедрению изменений и совершенствованию производственных систем.

Трудности формирования трудовых ресурсов обусловлены рядом таких факторов, как: низкая мотивация, неготовность к нововведениям и интенсивному труду, низкое материальное стимулирование, слабая организация трудовой деятельности, дефицит кадров с необходимой профессиональной квалификацией. Экономическая категория «трудовые ресурсы» находится на стыке экономики, социологии, культурологии и психологии, ввиду чего, для повышения производительности труда необходимо формирование высоко-развитой социально-экономической и культурно-психологической среды работников региона [Иванов О.Б., 2019].

Согласно целевым показателям реализации национального проекта в Белгородской области планируется обучение инструментам повышения эффективности труда 1,5 тыс. сотрудников предприятий-участников. На наш взгляд, планируемое

количество недостаточно для создания культуры, которая будет нацеливать работников на непрерывное совершенствование деятельности, и существенного повышения уровня профессиональных компетенций трудовых ресурсов в регионе. При этом силами только лишь экспертов федерального и регионального центров компетенций большее количество сотрудников предприятий-участников обучить невозможно.

В целях обеспечения будущей потребности в квалифицированных кадрах необходимо выстроить работу со средними и высшими учебными заведениями технического профиля и специализированными кафедрами.

Нельзя не согласиться с позицией П.И. Городецкой, которая отмечает необходимость расширения национального проекта, гарантируя работникам возможность непрерывного обучения и карьерного роста, выстраивая социально-психологический, инфраструктурный и сервисный комфорт для работающего человека, повышая образовательную и трудовую культуру, формируя философию непрерывного совершенствования деятельности [Городецкая П.И., 2020.].

В целях повышения рационального использования активов региона, на предприятиях необходимо сформировать эффективную производственную систему, однако, при сроке реализации проекта в шесть месяцев с частичным сопровождением экспертов данная задача невыполнима. Как показывает мировая и отечественная практика, достичь должного уровня развития производственных систем предприятий за указанный период невозможно. За указанный срок может только быть создан поток-образец, на котором будут реализованы отдельные инструменты бережливого производства, но никак не создана система. Ввиду данного обстоятельства необходимо увеличение срока реализации проекта на отдельно взятом хозяйствующем субъекте как минимум в 2 раза.

Реализация проекта предполагает возможность получения предприятиям-участникам льготных кредитов налоговых преференций и грантов по экспортной поддержке. Однако, по итогам 2019 года данными преференциями воспользовались незначительное количество предприятий. Так, например, займ ФРП получили всего 2 предприятия, одобрено кредитование трех хозяйствующим субъектам по всей стране, при планах по выдаче кредита 165 предприятиям до 2024 года [Министерство экономического развития Российской Федерации]. Данный факт объясняется сложностью в получении финансовой поддержки, отсутствием возможности софинансирования субсидии, недостаточным вовлечением и готовностью руководства и собственников развивать производственную систему предприятия, эффективность которой является одним из ключевых факторов при осуществлении финансовой поддержки предприятий-участников.

Важно также преодолеть ведомственную разобщенность на региональном уровне. Для решения данной задачи необходима консолидация и координация взаимодействий различных ведомств региона. При реализации важно уйти от практики частных мер отдельных департаментов и министерств региона и перейти к строго

системному подходу решения поставленной задачи [Иванов О.Б., 2019].

На основании вышесказанного, рациональное использование активов региона за счет системного внедрения концепции «бережливого производства» в производственные системы хозяйствующих субъектов территории на региональном уровне требует формирования соответствующей «бережливой среды».

В широком научном смысле «среда» является совокупностью условий, обеспечивающих жизнедеятельность субъекта. «Среда» предприятий понимается как общность внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние функционирование и развитие [Иванов О.Б., 2019].

Для определения элементов «бережливой среды» региона, как основы внедрения бережливого производства в масштабах региона, мы предлагаем использовать универсальную модель «тройной спирали» [Etzkowitz Н., 2000]. Тройственная спираль отражает взаимодействия трех ключевых составляющих. Согласно рассмотренной модели, целесообразно «бережливую среду» представить в качестве взаимосвязи трех составляющих: институциональная, корпоративная и образовательная среда (рисунок 3).

Рис. 3. Модель формирования «бережливой среды» региона
Fig. 3. The model of formation of lean environment in the region

За счет использования административных механизмов адресной поддержки хозяйствующих субъектов и тиражирования лучших практик, институциональная среда региона должна выступать драйвером внедрения технологий бережливого производства. Поддержка предприятий должна осуществляться по ряду направлений:

1) экспертно-методологическая поддержка;

2) специализированные меры поддержки и смягчение административных барьеров для предприятий, внедряющих технологии бережливого производства;

3) финансовая поддержка.

Информационное обеспечение и популяризация развития

Образовательная среда региона производственных систем предполагает тиражирование лучших практик, размещение информации в открытом доступе по методологии внедрения инструментов бережливого производства, примеров типовых решений по отраслям на web-сайтах или специализированных региональных порталах [Глаголев С.Н., Ваганова О.В., 2013] должна обеспечить: качественную подготовку кадров в области бережливого производства; формирование образовательных площадок для практической отработки навыков внедрения бережливого производства.

Корпоративная среда должна рассматриваться как:

– нацеленность на формирование культуры непрерывного совершенствования и развития своих производственных систем на принципах бережливого производства;

– форма взаимодействия хозяйствующих субъектов региона по обмену опытом развития производственных систем.

На основании представленной модели формирования «бережливой среды» региона можно выделить три базовых принципа:

1. «Бережливая среда» региона рождается в области интерференции его институциональной, образовательной и корпоративной среды.

2. Общая функция представленных элементов: формирование региональной среды, способствующей «бережливому развитию» территории.

3. Каждый элемент выполняет свою строго определенную функцию: институциональная среда поддерживает и популяризирует развитие производственных систем хозяйствующих субъектов, образовательная среда готовит кадры в области бережливого производства, корпоративная среда формирует культуру непрерывного совершенствования производственных систем.

Ключевыми факторами формирования «бережливой среды» являются:

– готовность институциональной среды, выраженная в устремлениях руководства региона к системному внедрению бережливого производства на хозяйствующих субъектах и наличие кадровых ресурсов, способных оказать экспертно-методологическую поддержку в данном направлении;

– методологическая, квалификационная и инфраструктурная готовность образовательной среды к подготовке кадров с наличием качественных компетенций в области бережливого производства;

– готовность корпоративной среды региона к внедрению изменений и непрерывному совершенствованию деятельности.

Основой формирования и развития «бережливой среды» региона будет эффективное взаимодействие представленных элементов «среды», направленное на рациональное использование региональных активов за счет внедрения инструментов бережливого производства в производственные системы хозяйствующих субъектов. При этом внедрение и использование инструментов бережливого производства на региональном уровне, способствующего рациональному использованию региональных активов, должно рассматриваться в качестве стратегического направления социально-экономического развития области.

Заключение

Таким образом, в статье проведен критический анализ реализации национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости», являющегося ключевым направлением повышения уровня рационального использования активов территории за счет внедрения концепции «бережливого производства» в Белгородской области. Выявлены его положительные стороны и недостатки, препятствующие повышению эффективности использования региональных активов. Установлено, что рациональное использование активов региона за счет внедрения технологий бережливого производства невозможно без формирования соответствующей «бережливой среды». Определены составляющие «бережливой среды» региона, ключевые факторы и принципы ее формирования.

Список литературы

1. Городецкая П.И., 2020. Национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости» как инструмент повышения эффективности использования трудовых ресурсов / П. И. Городецкая. – Текст: непосредственный // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – №. 1-2 (91).
2. Глаголев С.Н., Ваганова О.В., 2013. Специфические детерминанты структурирования экономики с учетом фактора интеграции / World Applied Sciences Journal. 2013. 24 (10): 1322-1329. 6/8
3. Департамент экономического развития Белгородской области: официальный сайт. – Соглашение о реализации регионального проекта «Адресная поддержка повышения производительности труда на предприятиях» на территории Белгородской области № 2019-L20010-1 от 14 февраля 2019 г. – URL: <http://derbo.ru/deyatelnost/nacionalnye-proekty/adresnaya-podderzhka-povysheniya-proizvoditelnosti-truda-na-predpriyatiyah/> (дата обращения: 25.11.2020г.). – Текст: электронный.
4. Ефремова А.А., 2015. Факторы и пути повышения производительности труда / А. А. Ефремова, К. Солонинчик. – Текст: непосредственный // Инновационная наука. – 2015. – №6-1: 76-80.
5. Иванов О.Б., 2019. Национальные проекты России: региональное измерение / О. Б. Иванов, Е. М. Бухвальд. – Текст: непосредственный // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2019. – № 1: 37-53.
6. Иванов О.Б., 2019. Социально-педагогические характеристики инновационной среды компании / Н. А. Патутина. – Текст: непосредственный // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». – 2014. – №5 (24): 170.
7. Министерство экономического развития Российской Федерации: официальный сайт. – Доклад министерства экономического развития «Национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости» Март 2020 г. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_proizvoditelnost_truda_i_podderzhka_zanyatosti/ (дата обращения: 05.11.2020г.). – Текст: электронный.
8. Нечаев А.В., 2018. Роль повышения производительности труда в неоиндустриализации России / А. В. Нечаева. – Текст: непосредственный // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 1 (55): 105-112.
9. Попов Д.А., 2019. Оценка текущего уровня использования региональных материальных и нематериальных активов в Белгородской области и предложения по его повышению / Д. А. Попов. – Текст: непосредственный // Современная экономика: проблемы и решения. – 2019. – № 11 (119): 88-99.
10. Правительство России, 2018.: официальный сайт. – Паспорт национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 24 сентября 2018г. № 12). – URL: <http://static.government.ru/media/files/Ki3g5TzKdmVyX2ogBvNTIxH3BQ6YFADA.pdf> (дата обращения: 27.11.2020г.). – Текст: электронный.
11. Производительность РФ, 2020 [Электронный ресурс] Адресная поддержка повышения производительности труда на предприятиях. Режим доступа: – URL: https://xn--b1aedfedwqdbfnzfkf0oe.xn--p1ai/ru/national-project/address_support/ (дата обращения: 25.11.2020). – Текст: электронный.
12. Стратегический менеджмент: теория, методология, практика / С. Н. Глаголев

Ю.А. Дорошенко, П.П. Табурчак и др. / Ю.А. Дорошенко. Белгород: БГТУ, 2013: 166.

13. Etzkowitz H., 2000. The Dynamics of Innovation: from National Systems and «Mode 2» to a Triple Helix of University–Industry–Government Relations [Text] / H. Etzkowitz, L. Leydesdorff // Research Policy. 2000. – Vol. 29. – PP. 2–3.

References

1. Gorodetskaya P.I. (2020). The Labor Productivity and Employment Support National Project as a tool for improving the efficiency of labor resources use / p. I. Gorodetskaya. – Text: direct // International research journal. – 2020. – №. 1-2 (91).

2. Department of economic development of the Belgorod region: official website. – Agreement on the implementation of the regional project «Targeted support for improving labor productivity at enterprises» in the Belgorod region No. 2019-L20010-1 dated February 14, 2019- URL: <http://derbo.ru/deyatelnost/nacionalnye-proekty/adresnaya-podderzhka-povysheniya-proizvoditelnosti-truda-na-predpriyatiyah/> (Accessed 25 November 2020). – Text: electronic.

3. Efremova A.A., (2015). Factors and ways to increase labor productivity / A. A. Efremova, K. Soloninchik. – Text: direct // Innovative science. – 2015. – №6-1. – Pp. 76-80.

4. Ivanov O.B., (2019). National projects of Russia: regional dimension / O. B. Ivanov, E. M. Buchwald. – Text: direct // STAGE: economic theory, analysis, practice. – 2019. – No. 1. – P. 37-53.

5. Ministry of Economic Development of the Russian Federation: official website. – Report of the Ministry of economic development «National project «Labor Productivity and employment support» March 2020-URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_proizvoditelnost_truda_i_podderzhka_zanyatosti/ (Accessed 05 November 2020). – Text: electronic.

6. Nechaev A.V., (2018). The role of increasing labor productivity in the neo-industrialization of Russia / A.V. Nechaeva. – Text: direct // Economic revival of Russia. – 2018. – № 1 (55). – P. 105-112.

7. Patutina N.A., (2014). Socio-pedagogical characteristics of the company's innovative environment / N. A. Patutina. – Text:

direct // Online magazine "science STUDIES". – 2014. – №5 (24). – P. 170.

8. Popov D.A., (2019). Assessment of the current level of the use of regional tangible and intangible assets in the Belgorod region and proposals for its improvement / D. A. Popov. – Text: direct // Modern economy: problems and solutions. – 2019. – № 11 (119). – Pp. 88-99.

9. Government of Russia: official website. – Passport of the Labor Productivity and Employment Support National Project approved by the Presidium of the presidential Council for strategic development and priority projects (Protocol No. 12 of September 24, 2018). – URL: <http://static.government.ru/media/files/Ki3g5TzKdmVyX2ogBvNTIxH3BQ6YFADA.pdf> (Accessed 27 November 2020). – Text: electronic.

10. Performance.rf: [site]. – Targeted support for improving labor productivity in enterprises. – URL: https://xn--b1aedfedwqbdqbnzxf0oe.xn--p1ai/ru/national-project/address_support/ (accessed: 25.11.2020). – Text: electronic.

11. Etzkowitz, H., (2000). The Dynamics of Innovation: from National Systems and «Mode 2» to a Triple Helix of University–Industry–Government Relations [Text] / H. Etzkowitz, L. Leydesdorff // Research Policy. 2000. – Vol. 29. – N. 2–3.

12. Glagolev S.N., Vaganova O.V., (2013). Specific Determinants for Structuring the Economy, Taking into Account the Factor of Integration // World Applied Sciences Journal. 2013. 24 (10). P. 1322–1329. 6/8

13. Strategic management: theory, methodology, practice / S.N. Glagolev, Yu. a. Doroshenko, P. p. Taburchak, etc. / ed. by Y. A. Doroshenko. Belgorod: BSTU Publishing House, 2013. 166 p.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Попов Д.А., старший руководитель проекта, АНО «Белгородский центр развития инноваций и модернизации производственных систем», (Белгород, Россия).

Попов Д.А., Senior Project Manager, Belgorod Center for Innovation Development and Modernization of Production Systems, Belgorod, Russia.

ЭКОНОМИКА, УПРАВЛЕНИЕ И УЧЕТ НА ПРЕДПРИЯТИИ
ECONOMICS, MANAGEMENT AND ACCOUNTING A FIRM

УДК 336.76

DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-7

**Гончаренко Т.В.,
Подгорная К.Н.**

**Индивидуальный инвестиционный счет:
тенденции развития**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия

e-mail: goncharenko@bsu.edu.ru, 1113457@bsu.edu.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу современной практики налогового стимулирования инвестиционной активности частных инвесторов через применение индивидуальных инвестиционных счетов. В данной статье рассмотрены понятие и сущность индивидуальных инвестиционных счетов, их преимущества и недостатки. Рассматривается возможность резидентов Российской Федерации приумножить свой дополнительный доход за счет налогового вычета и порядок его применения при инвестировании денежных средств в различные коммерческие компании через отечественный фондовый рынок. Необходимость налогового стимулирования это часть, заявленной Банком России стратегии бондизации (стимулирования приобретения облигаций) частными инвесторами с целью активизации рынка ценных бумаг в целом. Особое внимание уделено тенденциям развития индивидуальных инвестиционных счетов на финансовом рынке Российской Федерации.

Ключевые слова: индивидуальный инвестиционный счет, ценные бумаги, фондовый рынок, экономика, инвестиционный доход, налоговый вычет.

Информация для цитирования: Гончаренко Т.В., Подгорная К.Н. Индивидуальный инвестиционный счет: тенденции развития // Научный результат. Экономические исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 63-70. DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-7

**Tatyana V. Goncharenko,
Kristina N. Podgornaya**

Individual investment account: development trends

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

e-mail: goncharenko@bsu.edu.ru, 1113457@bsu.edu.ru

Abstract

The article analyzes the current practice of tax incentives for investment activity of private investors through the use of individual investment accounts. This article discusses the concept and essence of individual investment accounts, their advantages and disadvantages. The authors consider possibility of residents of the Russian Federation to increase their additional income through tax deduction and the procedure for its application when investing funds in various commercial companies through the domestic stock market. The need for tax incentives is a part of the Bank of Russia's stated bondization strategy (stimulating the purchase of bonds) private investors in order to activate the securities market as a whole. Particular attention is paid to the development trends of individual investment accounts in the financial market of the Russian Federation.

Key words: individual investment account; securities; stock market; economy; investment income; tax deduction

Information for citation: Goncharenko T.V., Podgornaya K.N. "Individual investment account: development trends", *Research Result. Economic Research*, 6(4), 63-70, DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-7

Введение

Финансовый рынок – важнейший сектор российской экономики. Однако в настоящее время финансовый рынок Российской Федерации не может конкурировать с рынками развитых стран. По данным ежегодного рейтинга стран по опережающим экономическим показателям Всемирного экономического форума Россия занимает 95 место из 140 возможных, что существенно ниже рейтинга стран ЕЭС и стран БРИКС. В таких условиях Банк России признал необходимость принятия эффективных мер, направленных на повышение инвестиционной привлекательности российского внутреннего рынка с целью достижения его стабильности и защиту миноритарных инвесторов.

Наиболее важным аспектом взаимодействия участников финансового рынка и банковского сектора является привлекательность инвестиционных операций. Применение такого инструмента как индивидуальные инвестиционные счета даёт возможность получения дохода не только от спекулятивных операций с ценными бумагами и получения дивидендов по акциям или процентов по облигациям, но и возможность получения налогового вычета. Совокупность всех этих факторов по-

вышает привлекательность операций с ценными бумагами и вовлекает разрозненные финансовые ресурсы частных инвесторов на фондовый рынок. Оценка временных характеристических особенностей российского фондового рынка позволяет видеть динамическую согласованность между объемами средств частных инвесторов и количеством индивидуальных инвестиционных счетов.

Анализ динамики величины ресурсов, привлечённых путём открытия частными инвесторами индивидуальных инвестиционных счетов и их адаптационный потенциал можно определить на основе следующих характеристик:

- тенденция открытия индивидуальных инвестиционных счетов;
- скорость реагирования на изменения рынка;
- изменение потенциала частных инвесторов;
- степень концентрации и специализации;
- уровень согласованности поведения участников рынка.

Методологической основой оценки эффективности применения индивидуальных инвестиционных счетов является системно-функциональный подход, позво-

ляющий провести обобщение и синтез исследуемых процессов.

Основная часть

Большинство стран внедряют комплексные программы, которые предполагают долгосрочное развитие фондового рынка. Чтобы повысить привлекательность рынка ценных бумаг, правительство Российской Федерации ввело новые правила налогообложения для местных налоговых резидентов, чтобы стимулировать местный инвестиционный спрос.

Банковский сектор, доминирующий на финансовом рынке, не может обеспечить необходимый объем кредитования в стране без активного применения инструментов финансового рынка [Гончаренко Т.В., Гончаренко Е.Е., 2019]. Поэтому, с целью привлечения денежных средств для реализации долгосрочных инвестиционных проектов, необходимо повышать эффективность рынка капитала, стимулировать инвестиционную активность населения страны. С 1 января 2015 года в Российской Федерации был введен на финансовый рынок новый инструмент – ИИС (индивидуальные инвестиционные счета). Благодаря его применению инвесторы могут получать налоговые льготы.

В настоящее время уязвимыми сторонами финансового рынка являются недостаточность источников финансирования как со стороны частных и корпоративных инвесторов, так и со стороны государства, низкий уровень корпоративного управления инфраструктурными организациями, высокий уровень злоупотреблений в финансовой сфере. Но главная проблема финансового рынка состоит в том, что население страны проявляет слабую инвестиционную активность и предпочитает хранить свои сбережения в коммерческих банках с минимальными рисками [Гончаренко Т.В., 2015].

Практика внедрения таких индивидуальных инвестиционных счетов уже давно развивается в зарубежных странах. Так, например, в США подобная схема действует с 1974 г., и сейчас в них работает

около 50 млн. инвестиционных счетов. Сегодня американский рынок составляет на общую сумму более 7,2 трлн. долларов [Алифанова Е.Н., Евлахова Ю.С., 2019]. Индивидуальные счета Великобритании существуют около 15 лет. В течение этого времени количество денежных средств граждан составило около 450 миллиардов фунтов стерлингов. Министерство финансов РФ, изучив и оценив положительный опыт зарубежных коллег по развитию финансового рынка, при активной поддержке участников Национальной ассоциации фондового рынка (НАУФОР) разработал законопроект о новом инструменте финансового рынка – индивидуальный инвестиционный счет. Эта инициатива получила законодательное закрепление в законе № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг».

Термин «индивидуальный инвестиционный счет» в ФЗ «О рынке ценных бумаг» определен следующим образом «это счет внутреннего учета, который предназначен для обособленного учета денежных средств, ценных бумаг клиента – физического лица, обязательств по договорам, заключенным за счет указанного клиента, и который открывается и ведется в соответствии с настоящим Федеральным законом и нормативными актами Банка России». [Федеральный закон от 22 апреля 1996 г.] Другими словами, это счёт физического лица (брокерский или доверительного управления), по которому предусмотрены на выбор два вида налоговых льгот, но и есть ряд ограничений. В отличие от брокерского счета индивидуальный инвестиционный счет дает возможность получить налоговые льготы.

В индивидуально инвестиционные счета могут вкладываться такие инструменты рынка как ценные бумаги, включая акции, государственные и корпоративные облигации (включая еврооблигации), ETF, паевые инвестиционные фонды и т.д. Но такой счет физическое лицо может открыть только один в выбранном на своем усмотрении банке (рис. 1).

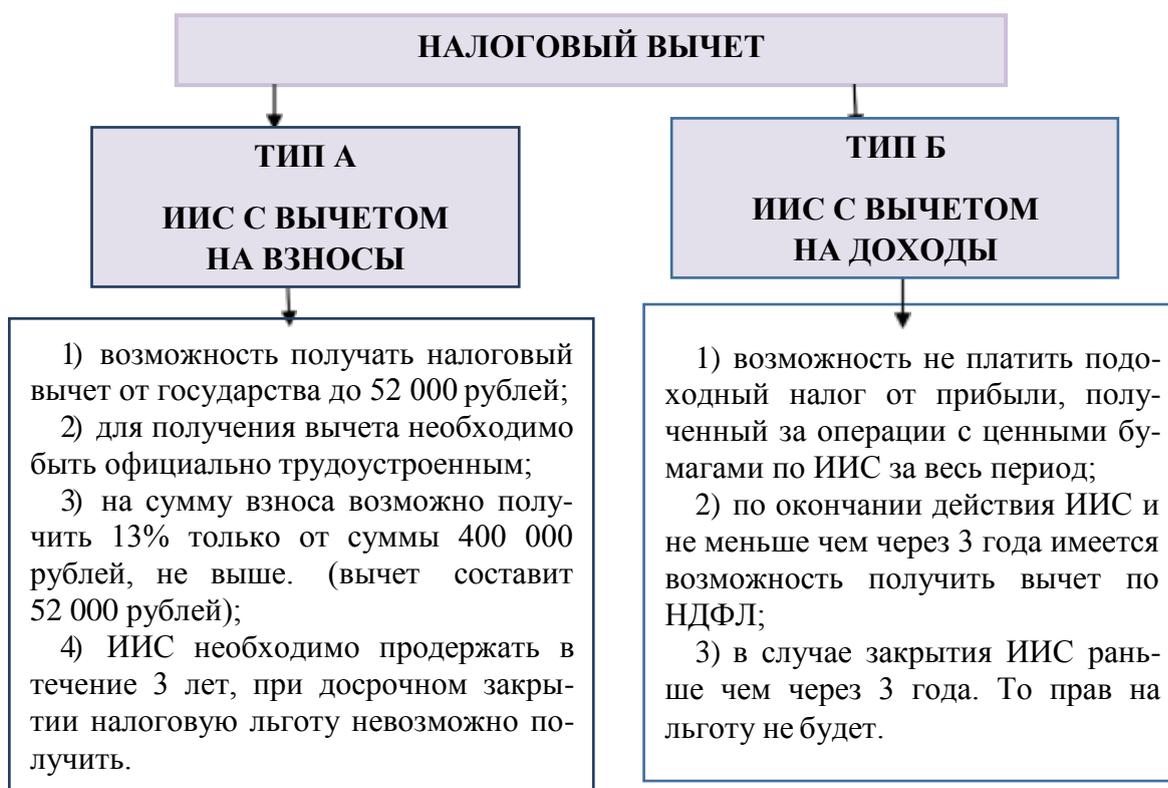

Рис. 1. Типы налогового вычета

Fig. 1. Types of tax deduction

Физическое лицо может выбрать один из двух типов счетов: индивидуальный инвестиционный счет с налоговой скидкой в размере 13% от денежных взносов (счёт А) и ИИС по которому прирост капитала не подлежит налогообложению (счёт Б). Главное условие получения налоговых льгот – наличие счета не менее 3-х лет.

Налоговый вычет – это сумма, на которую налогоплательщик может уменьшить свой налогооблагаемый доход. Для того чтобы получить налоговый вычет с индивидуального инвестиционного счета, нужно выдержать денежные средства минимум три года со дня открытия счета. Получение возврата вычета уже можно получить в первый год открытия индивидуального инвестиционного счета. Но если

закрытие счета произойдет ранее 3 лет, то денежные средства, которые инвестор получил за вычет необходимо вернуть государству обратно. Также есть ограничение по сумме пополнения индивидуального инвестиционного счета, она должна составлять не более 1 млн. рублей в год.

ИИС имеет несколько особенностей: во-первых, инвестировать средства через ИИС можно только в активы российских компаний. Проведение операций с инвестиционных счетов и в рынок Forex запрещен. Во-вторых, гражданин имеет право расторгнуть договор на ведение ИИС с одним брокером или управляющей компанией и подписать новый договор с другим. Схематически получение налогового вычета выглядит так, как представлено на рисунке 2.

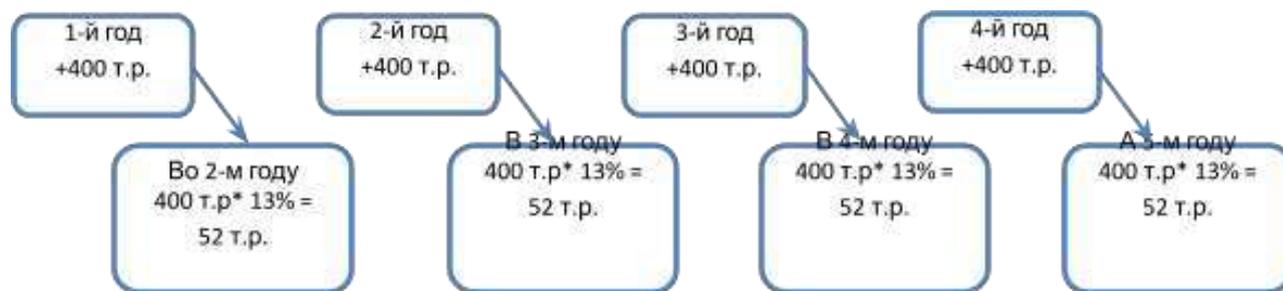

Рис. 2. Получение налогового вычета в течение 3 лет
 Fig. 2. Obtaining a tax deduction for 3 years

Для вкладчиков, инвесторов такой счет является хорошей заменой банковским депозитам. Все больше люди начинают вкладывать свои денежные средства в инвестиции, так как это одна из альтернатив получения дополнительного дохода с минимальными рисками, а открытие индивидуального инвестиционного счета позволяет официально трудоустроенным инвесторам получить 13% налогового вычета и инвестиционный доход. В условиях стабильного снижения процентной ставки по банковским депозитам привлекательность рынок ценных бумаг повышается, а инструменты фондового рынка становятся актуальным [Гончаренко Т.В., Мартынюк В.Ю., Чагарный А.С., 2020]. На сегодняшний день банки все больше и больше привлекают денежные средства будущих и действующих клиентов для возможности инвестирования в акции, облигации банка и других компаний с целью получения высокой доходности и удержания клиентов. Индивидуальный инвестиционный счет имеет свои преимущества и недостатки.

Рассмотрим преимущества и недостатки индивидуальных инвестиционных счетов. Индивидуальный инвестиционный счет дает прекрасную возможность для начинающих инвесторов стать активными участниками финансового рынка. Многие новички наверняка слышали о заманчивых возможностях фондовый рынок. Однако, не имея достаточно денежных средств, они не могли позволить себе стать участниками этого рынка. Теперь минимальная сумма первоначального взноса в ИИС не огра-

ничена, миноритарные акционеры могут наравне с крупными инвесторами участвовать в операциях с ценными бумагами и получать доход. Также есть такая возможность и у российских пенсионеров использовать ИИС (с вычетом типа «Б») как источник дополнительного дохода к пенсии.

Однако у ИИС также есть ряд ограничений: во – первых, розничный инвестор (физическое лицо) вправе открыть только один ИИС; во – вторых, в отличие от банковских вкладов ИИС не застрахован государством; в-третьих, для получения привилегий по типу «Б» ИИС должен существовать не менее трех лет; в – четвертых, ИИС не дает владельцу возможности проводить операции со счетом в случае возникновения непредвиденных жизненных ситуаций. Несомненно, большой минус ИИС в том, что инвестор получит 13 процентный вычет по НДФЛ только на деньги, внесенные в течение года. Если вовремя на второй год деньги не поступают на счет, то не будет налоговый вычет.

Еще одним недостатком такого инновационного проекта считается ограничение максимальной суммы вложения денег на счету. Внесен на рассмотрение законопроект о повышении до 1 миллиона рублей первоначального взноса в ИИС, авторы которого считают, что размер первоначального взноса повысит эффективность управления инвестициями, так как предоставит брокерам и управляющим компаниям отличный возможность вложения средств клиентов в различные финансовые инструменты.

В Российской Федерации все больше набирает обороты развитие и совершенствование банковской сферы в области инвестирования. С каждым годом популярность по открытию брокерских счетов и индивидуальных инвестиционных счетов

растет. На примере нескольких крупных банков можем проследить тенденцию развития открытия ИИС (рис. 3) [Основные направления развития и обеспечения..., 2019].

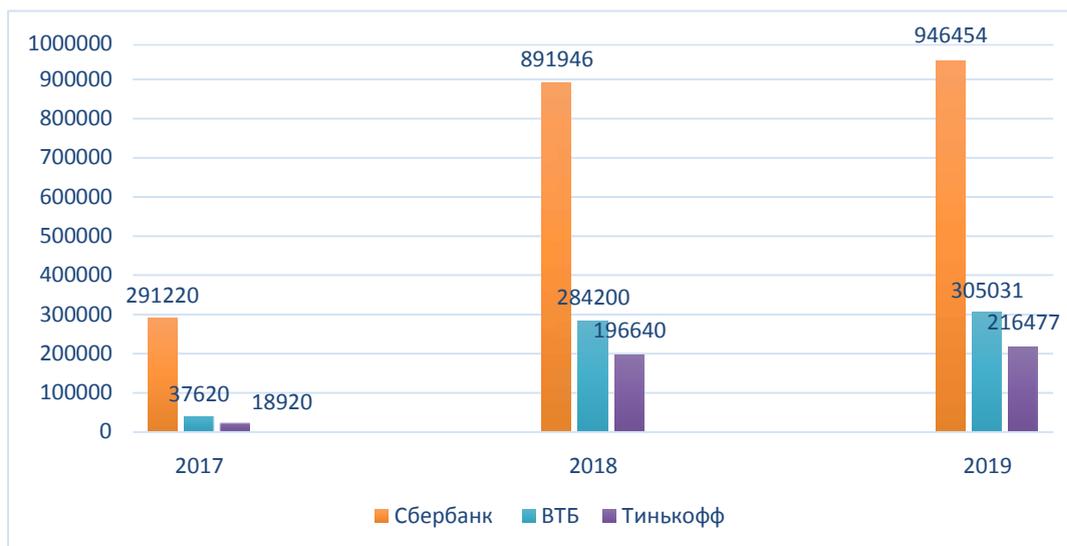

Рис. 3. Тенденция открытия индивидуальных инвестиционных счетов на примере банков Сбербанк, ВТБ и Тинькофф

Fig. 3. The trend of opening individual investment accounts on the example of Sberbank, VTB and Tinkoff

Если рассматривать тенденцию открытия индивидуальных инвестиционных счетов в крупных банках страны. То можем наблюдать, что с каждым годом число открытия превышает в несколько раз. И по сравнению 2017 годом в 2019 году открытие счетов превысило в 5 раз [Индивидуальный инвестиционный счет, 2019].

Количество индивидуальных инвестиционных счетов (ИИС), открытых на Московской бирже, на конец июля 2020 года превысило 2,5 миллиона. С начала года было открыто 887 000 счетов по сравнению с 946 454 счетов, открытых за весь 2019 год. Также было зарегистрировано, что был открыт двухмиллионный ИИС на Московской бирже в марте 2020 года. В январе – июле 2020 года объем торгов ИИС составил 812 млрд. рублей, на акции приходилось 87% общего объема торгов, на облигации – 10% и на ETF – 3% [Аналитический отчет «Индикатор индивиду-

альных инвестиций»]. Данные цифры говорят о масштабном развитии индивидуальных инвестиционных счетов на территории Российской Федерации.

Согласно ежемесячному аналитическому отчету «Индикатор индивидуальных инвестиций», розничные инвесторы в июле торговали российскими акциями на сумму 9,8 млрд. рублей на Московской бирже и 230,3 млрд. рублей с начала года. Июльский отчет показал, что в портфели частных инвесторов входят акции Газпрома (24,5%), Норильского никеля (13,8%), обыкновенных акций Сбербанка (13,6%) и привилегированных акций (8,2%), Лукойла (12,2%), Банка ВТБ (6,8%), Префы Сургутнефтегаза (5,6%), Аэрофлот (5,4%), МТС (5,1%) и Северсталь (4,8%) [Основные направления развития..., 2020]. Для составления отчета биржа использует анонимные агрегированные данные об открытии интересе розничных инвесторов к

наиболее ликвидным акциям, торгуемым на Московской бирже.

Таким образом, оценивая сильные и слабые стороны нового финансового инструмента, а также усилия финансового блока Правительства РФ, направленные на повышение эффективности использования ИИС, мы полагаем, что количество владельцев инвестиционных счетов будет постепенно увеличиваться. Приток инвестиций на фондовый рынок окажет положительное влияние на экономический рост и повышение благосостояния населения. Налоговые вычеты повысят привлекательность индивидуальных инвестиционных счетов и увеличат внутренний инвестиционный спрос. Население осознает экономическую выгоду ИИС: даже если операции с ценными бумагами не принесут ожидаемой прибыли, будет обеспечен доход в виде 13% вложений при выборе вычета типа «А». Расширение линейки продуктов финансового рынка будет мотивировать население к повышению финансовой грамотности. Накопление долгосрочных вложений на фондовом рынке снизит зависимость российской экономики от иностранных инвестиций.

Заключение

Проведённый анализ свидетельствует о том, что особенностью индивидуальных инвестиционных счетов является возможность инвестора самостоятельно формировать стратегию инвестирования. В результате рассмотрения основных тенденций фондового рынка установлено следующее:

1) спрос на индивидуальные инвестиционные счета растёт за счет широкой филиальной сети профессиональных участников рынка ценных бумаг;

2) большинство владельцев индивидуальных инвестиционных счетов ориентируются на доходность с умеренным уровнем риска;

3) ИИС имеют долгосрочный горизонт инвестирования (более 3 лет), благодаря возможности применения налогового вычета;

4) эффективное использование удаленных каналов и привлечения клиентов.

5) расширение деятельности коммерческих банков на фондовом рынке во многом связано с его устойчивым развитием в последние годы, хотя ИИС для физических лиц является еще малознакомым и непривычным явлением.

Проведённый анализ практики применения индивидуальных инвестиционных счетов позволяет сделать вывод о том, что такие традиционные объекты инвестирования, как недвижимость и депозиты, начинают уступать в популярности фондовому рынку. Таким образом, применение даже одного нового инвестиционного инструмента для использования частными инвесторами привело к существенному росту численности внутренних инвесторов на фондовом рынке России. Положительным моментом дальнейшего развития индивидуальных инвестиционных счетов станет внедрение механизмов защиты инвестиций граждан на рынке ценных бумаг, по типу страхования банковских вкладов.

Список литературы

1. Алифанова Е.Н., Евлахова Ю.С., 2019. Системно значимые кредитные организации как зона уязвимости к угрозам финансовой безопасности России / Финансы и кредит. 2019. Т. 25, № 8: 1712-1726.

2. Аналитический отчет «Индикатор индивидуальных инвестиций» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.moex.com/s2184>. (Дата обращения: 04.10.2020).

3. Гончаренко Т.В., 2015. Современная практика операций коммерческих банков с ценными бумагами / Экономика и предпринимательство. 2015. № 2 (55): 998-1002.

4. Гончаренко Т.В., Гончаренко Е.Е., 2019. Современные информационные технологии в практической деятельности коммерческих банков / Сборник трудов конференции. Девятая международная научно-практическая конференции «Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт» – 2019: 30-34.

5. Гончаренко Т.В., Мартынюк В.Ю., Чагарный А.С., 2020. О некоторых вопросах эмиссионной деятельности коммерческих бан-

ков / Научный результат. Экономические исследования. Т. 6. №2. 2020: 52-59.

6. Индивидуальный инвестиционный счет – новация для розничных инвесторов в России. НАУФОР – Индивидуальный инвестиционный счет – новинка для розничных инвесторов в России. Национальная ассоциация участников фондового рынка. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.naufor.ru/tree.iisconf.asp?n=11176>. (Дата обращения: 04.10.2020).

7. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ "О рынке ценных бумаг" http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/ [Электронный ресурс]. (Дата обращения: 04.10.2020).

8. Основные направления развития и обеспечения стабильности функционирования финансового рынка РФ на период 2019 – 2021 гг. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://cbr.ru/content/document/file/71220/main_directions.pdf. (Дата обращения: 04.10.2020).

Resources

1. Alifanova E. N., Evlakhova Yu. S., (2019). Systemically important credit organizations as a zone of vulnerability to threats to Russia's financial security / Finance and credit. 2019. Vol. 25, No. 8: 1712-1726.

2. Analytical report "Indicator of individual investments" [Electronic resource] access mode: <https://www.moex.com/s2184>. (Accessed 4 October 2020).

3. Goncharenko T. V., (2015). Modern practice of operations of commercial banks with securities / Economics and entrepreneurship. 2015. № 2 (55): 998-1002.

4. Goncharenko T. V., Goncharenko E. E., (2019). Modern information technologies in the practice of commercial banks / proceedings of the conference. The ninth international scientific and practical conference "Science and education: domestic and foreign experience" – 2019: 30-34.

5. Goncharenko T. V., Martynyuk V. Yu., Chagarny A. S., (2020). On some issues of issuing activities of commercial banks / Research Result. Economic research, Vol. 6, no. 2, 2020: 52-59.

6. Individual investment account-an innovation for retail investors in Russia. NAUFOR-Individual investment account-a novelty for retail investors in Russia. National Association of stock market participants. [Electronic resource] access Mode:

<http://www.naufor.ru/tree.iisconf.asp?n=11176>. (Accessed 4 October 2020).

7. Federal law No. 39-FZ of April 22, 1996 "On the securities market" http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/ [Electronic resource]. (Accessed 4 October 2020).

8. Main directions of development and stability of the financial market of the Russian Federation for the period 2019-2021. [Electronic resource] access Mode: https://cbr.ru/content/document/file/71220/main_directions.pdf. (Accessed 4 October 2020).

Информация о конфликте интересов:

авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Гончаренко Т.В., доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры инновационной экономики и финансов, Института экономики и управления, НИУ «БелГУ», (г. Белгород, Россия)

Goncharenko T.V., Associate Professor, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Innovative Economy and Finance, Institute of Economics and Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Подгорная К.Н., магистрант Института экономики и управления, НИУ «БелГУ», (г. Белгород, Россия)

Podgornaya K.N., Master's Degree Student, Institute of Economics and Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 658.562

DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-8

Сураева М. О.,
Кучерявенко Д. М.

**Тенденция развития корпоративного управления
на предприятиях в условиях инновационной
трансформации**

Самарский Государственный Экономический университет,
ул. Советской Армии, д.141, г. Самара, 443090, Россия

e-mail: marusyasuraeva@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается система управления персоналом в эпоху активной цифровизации экономики. Цель состояла в исследовании ключевых тенденций в области построения команды и управления персоналом. В ходе исследования была выявлена модель современного подхода, где основную роль играют индивидуальные особенности каждого сотрудника. Они позволят создать «суперкоманду», способную преодолеть все кризисы в бизнесе. Доказана на примерах важность формирования системы управления персоналом, ведь от этого зависит эффективность функционирования всего бизнеса в целом как внутри региона, так и в целом по стране. Рассмотрена система корпоративного управления «Куйбышевского нефтеперерабатывающего завода» и его показатели по Самарскому региону. Показана роль топ – менеджмента в формировании команды, ключевые направления мысли для создания высокоэффективной и квалифицированной команды, что является актуальной и современной темой в условиях постоянных изменений и инновационных внедрений. Показаны принципы построения команды и базисные элементы, способные привести компанию к желаемому результату и росту результативности. Описаны группы сотрудников, присущие российскому бизнесу. Дана модель типового сотрудника поколения Y и инструменты работы с ним, так как они составляют значительную часть команды. Все это позволило выявить главные особенности управления персоналом в России для своевременного создания команды сотрудников с учетом индивидуальных особенностей и цифровых тенденций в мировом пространстве.

Ключевые слова: корпоративная культура; управление персоналом; региональная экономика; цифровизация экономики; инновации.

Информация для цитирования: Сураева М.О., Кучерявенко Д.М. Тенденция развития корпоративного управления на предприятиях в условиях инновационной трансформации // Научный результат. Экономические исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 71-79. DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-8

Maria O. Suraeva
Dmitry M. Kucheryavenko

**The trend of corporate governance development
at enterprises in the context of innovative transformation**

Samara State University of Economics, Soviet Army Str., 141, Samara, 443090, Russia

e-mail: marusyasuraeva@mail.ru

Abstract

The article examines the personnel management system in the era of active digitalization of the economy. The aim was to investigate key trends in team building and human resource management. In the course of the study, a model of a modern approach was identified, where the individual characteristics of each employee play the main role. They will create a “super team” capable of overcoming all business crises. The importance of the formation of a personnel management system has been proven by examples, because the efficiency of the entire business as a whole depends on this, both within the region and in the country as a whole. The system of corporate governance of the Kuibyshev Refinery, and its indicators for the Samara region are considered. The role of top management in team building is shown, the key areas of thought for creating a highly effective and qualified team, which is an urgent and modern topic in the face of constant changes and innovative implementations. The principles of team building and basic elements that can lead the company to the desired result and increase in performance are shown. The groups of employees inherent in Russian business are described. A model of a typical employee of generation Y and tools for working with him are given, since they constitute a significant part of the team. All this made it possible to identify the main features of personnel management in Russia for the timely creation of a team of employees, taking into account individual characteristics and digital trends in the global space.

Key words: corporate culture; personnel Management; regional economy; digitalization of the economy; innovation.

Information for citation: Suraeva M.O., Kucheryavenko D.M. “The trend of corporate governance development at enterprises in the context of innovative transformation”, *Research Result. Economic Research*, 6(4), 71-79, DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-8

Введение

Современные реалии диктуют непростые условия для существования бизнеса, под которые грамотный руководитель гибко подстраивается и старается своевременно внедрить в рабочий процесс. Пандемия сегодня – это коллапс, который проверяет на прочность население и бизнес. Поэтому отдельная роль отводится системе управления персоналом, который составляет главенствующую роль в функционировании компании в целом и является ключевым элементом в общей модели бизнеса.

Грамотно выстроенный бизнес, профессиональная команда с четким пониманием миссии, ценностей и курса бизнеса, налаженная коммуникационная связь между сотрудниками – вот слагаемые успешного бизнеса. Это система, способная функционировать по отлаженному принципу без постоянного контроля. Это единый механизм, направленный на достижение поставленных результатов с четким разграничением обязанностей. А в эпоху цифровизации, где внедряется искусственный интеллект, оптимизационные системы

и программы внутреннего учета деятельности сотрудников, роль коллектива серьезно усиливается. Именно от понимания психологии каждого члена коллектива, от гибкости к изменениям зависят результаты и прибыль компании. В связи, с чем руководители вновь задумались над важностью выстраивания системы управления персоналом и взяли курс на ее модернизацию. Топ-менеджмент понимает, что именно команда способна преодолеть кризис и падения. Система управления персоналом сегодня претерпела изменения, в рамках которых новые рычаги воздействия заняли лидирующие позиции.

Региональная политика диктует основные направления ведения корпоративной деятельности и регламентирует функционирование предприятий, которые становятся ключевым показателем конкурентоспособности того или иного региона, а также показывают степень оснащенности инновационными продуктами. Поэтому роль топ – менеджмента в области управления персоналом велика, ведь от этого зависит общая тенденция роста значимости региона и действующих в рамках него предприятий [Кистанов В.В., 2018].

Цель работы состоит в оценке уровня развития корпоративного управления на передовых предприятиях в условиях цифровизации экономики в регионах, составлении модели построения системы управления персоналом за счет инновационной трансформации.

Для написания статьи были использованы материалы Бабаяна Э.А., Веприковой М.Я., Чулановой О.Л., Савёлова В.А., Кибанова А.Я., Потемкина В.К., Самсоненко Г. Г., Кистанова В.В. Были также рассмотрены действующие предприятия в регионах для оценки их значимости. Для этого были использованы эмпирические и теоретические методы исследования. Был совершен комплексный сбор информации в области корпоративного управления по части управления персоналом, а также региональной экономики. Проведен анализ полученных сведений, сделана класси-

фикация основных аспектов, построена модель за счет библиометрического метода.

Управление персоналом является основой успешного функционирования бизнеса. В основе лежат принципы, методы и характерные черты. Они зависят от направленности и статуса бизнеса, а также от гибкости мышления руководителя. Философия управления персоналом на крупных предприятиях основывается на коллективизме и четкой дисциплине. В то время, как в малом бизнесе существует строгое подчинение руководителю и индивидуализация каждого сотрудника [Кибанов А.Я., 2018].

Основная часть

Система управления персоналом строится по определённому принципу и включает в себя базисные элементы: [Бабаян Э. А., 2018].

- Имидж работодателя (ключевой элемент привлекательности компании для будущих сотрудников и основа для их последующего удержания);
- Поиск и подбор персонала (важный этап создания команды, происходит по принципу поиска потенциала в существующей «бирже талантов» на рынке);
- Обучение и развитие персонала (предполагает перманентное развитие адаптивности персонала и модернизацию корпоративного обучения);
- Кадровое планирование (разрабатывает динамичные модели спроса и предложений для подготовки персонала будущего);
- Компетенции и льготы (включает в себя переосмысление должностей и компенсационных моделей для вознаграждения за вклад в коммерческую ценность);
- Оценка результативности («оцифровка» рабочего пространства для повышения продуктивности работы);
- Аналитика HR данных (интеграция аналитики данных в приоритетные бизнес – решения).

В основе создания управленческой политики лежат корпоративные ценности. Поэтому первым этапом успешного функ-

ционирования любой компании становится формулировка ее ценностей, отвечающих общественному запросу и ожиданиям сотрудников, перенос ценностей в корпоративную культуру и ролевое поведение руководителей. Создается EVP (Employment Value Proposition – ценностное предложение). И в дальнейшем все ценности проходят адаптацию на уровнях менеджмента. На данном этапе описывается модель, определяющая бренд работодателя и затрагивающая привлечение сотрудников в региональном, а затем – в глобальном масштабе.

Существуют определенные принципы управления персоналом, которым следуют менеджеры и руководство компаний, чтобы закрывать плановые показатели [Потемкин В.К., 2019].

– Плановый характер (четкое планирование деятельности и составление индивидуальных показателей для каждого сотрудника);

– Умелое сочетание централизации и децентрализации, создание баланса «руководитель – подчиненный»;

– Научный подход (обоснованность действий научными подходами);

– Ответственность, сочетающаяся с правами и обязанностями;

– Мотивация сотрудников;

– Выстроенная обратная связь;

– Демократизация управления.

По факту это те столпы, на которых держится система управления персоналом. Важным является гибкость. Ведь в эпоху цифровизации экономики успех компании зависит от оперативности внедрения технологий. Это приводит к тому, что появляются кросс – функциональные должности, часть персонала переводят на удаленный формат работы, нередко отменяют компенсации и социальные выплаты. [Самсоненко Г.Г., 2016].

Цифровизация изменила принципы офисной работы, а также трансформировала сознание людей и восприятие ими рабочего процесса. Она сокращает затраты на время и усилия на заполнение бумаг, ведь

создается цифровое пространство, с помощью которого можно дистанционно решать многие вопросы.

Цифровизация внесла коррективы в непосредственном подборе персонала путем использования интеллекта в виде приложений и программ поиска подходящих кандидатов. Компании используют площадки для прогноза вероятностей ухода сотрудников, для поиска автоматизированных помощников для решения вопросов. Многие применяют цифровую площадку, называемую «цифровой след». Его суть состоит в единой базе данных, содержащих портрет сотрудников, их интересы и возможности. Это некий психологический портрет, который способствует управлению персоналом, построенному по индивидуальному принципу.

Персонал – это «актив» для организации, а знание руководителем психологических особенностей людей способствуют грамотному построению культуры коммуникаций. Топ – менеджмент учитывает портрет сотрудников и в соответствии с наблюдениями выстраивает индивидуальную модель «руководитель – подчиненный». На практике, превалирует число сотрудников поколения Y. Для них важным аспектом выступают личные потребности, которые они закрывают за счет желания постоянного обучения и взаимодействия с другими членами команды. Они стремятся получать постоянную обратную связь [Суслов Г.В., 2018]. А также активно используют информационные технологии, если получают удовольствие от работы. Для них развитие стоит также на пьедестале, но они стараются сохранять баланс между личной жизнью и работой. Образ руководителя базируется на принципах наставничества.

В России на протяжении трех лет фокус внимания направлен на корпоративную социальную ответственность. Она ложится в основу тенденций управления персоналом и предполагает отведение особого внимания развитию опыта сотрудников, внедрение организационных измене-

ний с акцентом на человека и его восприятие работы.

Эволюция отечественного бизнеса проходила следующим образом:

– В 2018 году произошло рождение социально ответственного бизнеса.

– В 2019 году начали управление социально ответственным бизнесом.

– В 2020 социально ответственный бизнес стал базисом в рабочих процессах.

Так как более 50% сотрудников относятся к поколению Y, для них важно чувство сопричастности к организации и ко всем изменениям, происходящим в компании. На практике они составляют 79%. Порядка 90% компаний готовы к изменениям, но лишь 55% из них смогут их проводить.

Сегодня модель бизнеса складывается в тесном переплетении информационных технологий и человеческих ресурсов. В основе осуществления бизнес – целей лежит индивидуальность каждого сотрудника и его сопричастность к компании. Каждый потенциал работника направлен на изменения и при этом на устойчивую приверженность принципам и ценностям компании. Перспектива для каждого сотрудника заключается в решимости и при этом граничит с неопределённостью. Отмечается, что большинство компаний привержены позиции «получения преимуществ сегодня, создавая ценности для завтра».

Ключевые тренды в российском бизнесе распределены на три основные группы:

– Цель (сопричастность, well – being как часть работы, работники вне поколений);

– Потенциал (суперкоманды, управление знаниями, «больше, чем переподготовка»);

– Перспектива (компенсационные стратегии, планирование персонала, этика и будущее работы).

Разберем подробнее ключевые тенденции. Важным компонентом сегодня является сопричастность сотрудников к деятельности компании. Более 75% сотрудни-

ков в России считают это чувство основным и отмечают, что оно позволяет влиять на рост производительности. Для 28% населения совпадение миссии, целей и ценностей со своими представлениями является основным при выборе места работы. Для 20% людей на первом месте стоит наличие сообщества и взаимосвязей между сотрудниками внутри компании. Около 30% отмечают важность справедливого отношения самой компании к своему персоналу. Порядка 43% компаний считают «драйвером» в компании корпоративную культуру.

Сегодня well-being является приоритетом во многом из-за убеждения о том, что оно способствует росту результативности. Под этим понятием понимают степень удовлетворенности жизнью, финансовое благополучие, счастье и здоровье работников. Особенно популярны такие виды, как оценка здоровья онлайн, помощь штатного психолога, занятия с ментором, обучения финансовому планированию. Это те факторы, которые способны предотвратить эмоциональное выгорание. А оно наблюдается у 95% населения. Но только 61% компаний в России используют данный принцип в своей деятельности. Он оказывает огромное влияние на финансовые показатели, репутацию компании на рынке, опыт сотрудников и клиентский опыт.

Сегодня организации имеют все возможности для применения маркетинговых подходов и аналитики в сфере проектирования моделей управления персоналом. Они основываются на глубоком понимании индивидуальности каждого сотрудника, ценностях и восприятии, а также учитывают карьерные предпочтения. Данный подход называется «вне поколений» и дает возможность организациям отвечать на потребности и ожидания работников. Все это способствует организации суперкоманд с интеграцией искусственного интеллекта. Более половины компаний используют информационные технологии. Все это проходит при сегментации архетипов

сотрудников, это повышает значимость сотрудников для компании и позволяет повышать их заинтересованность в труде.

АО «Куйбышевский НПЗ» является одним из крупнейших предприятий нефтяной отрасли Самарской области. Завод входит в структуру НК «Роснефть», показывает высокий объем переработки (5,09 млн. тонн) за 2019 год. Выпуск нефтепродуктов составил 4,64 млн. тонн при глубине переработки в 66,12%. Оставаться конкурентоспособным по региону позволяет эффективное руководство компании, действующее на основе прозрачной финансовой отчетности, что является важным элементом корпоративного управления.

Система управления персоналом строится на компетентностном подходе, где упор делается на профессиональные и корпоративные компетенции. Сегодня в компании происходят передовые инновационные внедрения, которые всецело охватывают все сферы ее деятельности. В компании продолжает формироваться благоприятная социальная среда, где в основе лежат программы социальной медицины, активного долголетия и доступного жилья. Все это становится стимулирующей основой в области мотивации персонала.

Цифровизация привела к выстраиванию платформы по единому обучению сотрудников от ООО «ПИУЦ «Сапфир», это полностью оптимизировало иные затраты, сократило издержки в области переориентации персонала и повышении квалификации. Данный центр создан для развития проектов ПАО «НК «Роснефть» с применением широкого портфеля продукции и технологий GeneralElectric, включая разработку базовых технологических решений, локализацию оборудования и обучение специалистов нефтегазовой отрасли. В 2019 году центром было реализовано 54 программы обучения, в которых приняли участие более 1,9 тыс. сотрудников Компании. В 2019 году была продолжена работа по тиражированию методологии на базе двух корпоративных ИТ-платформ, в рамках которых на конец отчетного пери-

ода работает 129 Обществ Группы общей численностью более 197 тыс. человек.

В Компании действует единая система оценки компетенций персонала, которая охватывает все категории персонала: руководителей, специалистов, рабочих – и проводится в трех направлениях:

- при формировании кадрового резерва и экспертных сообществ;
- планировании обучения в рамках развития компетенций;
- приеме на работу и изменении должности.

Молодежная политика направлена на обеспечение постоянного притока в Компанию профессионально подготовленных молодых специалистов. Для реализации этой цели формируется внешний кадровый резерв из числа обучающихся в регионах производственной деятельности «Роснефти». Молодежная политика реализуется с помощью корпоративной системы непрерывного образования «Школа – вуз – предприятие».

Важно отметить, что Компания идет в ногу со временем и в рамках реализации ЦУР № 3 «Хорошее здоровье и благополучие» разрабатывает комплексные цифровые решения в области ПБОТОС, например технологии, которые уже протестированы в Обществах Группы, использующие компьютерное зрение и нейронные сети для фиксирования нахождения людей в опасных зонах, определения наличия средств индивидуальной защиты и информирования об опасных ситуациях.

По итогу 2019 года Компания заплатила в бюджеты всех уровней и внебюджетные фонды 3,6 трлн. руб. налогов, пошлин и страховых взносов, что эквивалентно 18 % доходов федерального бюджета.

Ключевой аспект в области переподготовки персонала в России кроется в развитии врожденных способностей каждого человека и поддержке профессионального совершенствования за счет переподготовки и развития навыков в смежных отраслях. Но существует проблема отсутствия

заинтересованности со сторон персонала, отсутствие инвестиций, а также трудности в определении потребностей и приоритетов развития.

Так как сегодня идет активная работа над социальной ориентацией бизнеса, важная роль отводится HR службам. Компаниям необходимо расширять сферы влияния службы за счет совместного охвата функциональных направлений, а именно персонал, рабочий процесс и суть самой работы. [Савёлов В.А., 2018; Кистанов В.В., 2018]

Заключение

Сегодня в России растет число альтернативных видов занятости населения. Поэтому многие работники могут формально «не принадлежать» к организации, отсюда подрывается принцип сопричастности к той организации, где они работают [Веприкова М.Я., 2017]. Теряется ощущение единства, а на первое место выходит индивидуализм и разобщенность. В этом специалисты винят цифровизацию, так как растет ощущение изоляции. Около 37% сотрудников отмечают одиночество как главный минус цифровизации экономики.

Около 79% компаний, зная о преимуществах Well – being системы, так и не интегрируют ее в основную стратегию и тем самым упускают свои возможности.

Важно отметить, что только 16% компаний используют искусственный интеллект для поддержки работников в их непосредственной деятельности. Несмотря на приверженность бизнеса к постоянному обучению, лишь 17% компаний вкладывают достаточные средства переподготовку сотрудников для целей обеспечения реализации цифровой стратегии. Направленность на создание суперкоманды не отменяет тот факт, что около 52% руководителей считают, что состав персонала за три года не изменится. Есть также другая сторона медали, которая состоит в оптимизации персонала в силу внедрения искусственного интеллекта. Это приводит к сокращению рабочих мест и постепенно растущей безработице.

Также отмечается особая тенденция руководителей к мотивации персонала и выстраиванию системы премирования сотрудников с учетом их особенностей и индивидуальности. Но есть другая сторона, которая состоит в том, что самих руководителей отдельно не поощряют за создание «суперкоманд». Поэтому все строится на энтузиазме топ – менеджмента и лидеров компаний, которые задают ориентиры и своим примером мотивируют команду. [Чуланова О.Л., 2017].

Управление персоналом в России основывается на корпоративной социальной культуре с базисом в виде ценностей компании. Руководитель выступает в роли «локомотива», стремящегося создать суперкоманду, способную давать высокие результаты. [Лосева О.В., Тазихина Т.В., Федотова М.А., 2020] Для этого используются трендовые модели и стратегии, которые основываются на предпочтениях персонала и индивидуальностях каждого члена команды. Формируется экосреда с устойчивым пониманием целей, задач и миссии своей деятельности со стороны персонала. Руководитель в России – это креативный аналитик – коммуникатор со знанием психологических основ составления портрета личности и со способностями гибкого мышления, которое подстраивается под изменения.

Российский бизнес развивается в своем темпе и по собственным законам, которые направлены на эволюцию в сфере кадрового обеспечения за счет кросс-подготовки специалистов. Нередко специалисты работают в смежных областях для лучшего усвоения профессиональных компетенций. Философия управления персоналом в России зависит от размеров предприятия, которые учитываются для выстраивания продуманной стратегии сначала на региональном уровне, чтобы в дальнейшем закрывать плановые показатели по стране, при этом это пронизывает все сферы рабочего процесса, усиливая сопричастность каждого сотрудника в общий рабочий результат.

Список литературы

1. Бабаян Э.А., 2018. Основные подходы кадровой политики предприятий в сфере высоких технологий // Институт экономики им. М. Котаняна Национальной Академии Наук Армения. 2018. № 9: 60-63.
2. Ваганова О.В., 2017. Динамика научного потенциала и изменение технологической структуры Белгородской области / Ваганова О.В. // в сборнике: Социально-экономическое развитие организаций и регионов Беларуси: эффективность и инновации / Материалы докладов Международной научно-практической конференции. Витебский государственный технологический университет. 2017: 142–147.
3. Веприкова М.Я., 2017. Кадровая политика, как инструмент повышения эффективности муниципальной службы // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9 (ч.1): 1008-1013.
4. Кибанов А.Я., 2018. Управление персоналом в России: теория, отечественная и зарубежная практика: Книга 2: Монография // М.: Инфра-М. 2018: 64.
5. Кистанов В.В., 2018. Региональная экономика России: Учебник // М.: Финансы и статистика. 2018: 584.
6. Лосева О.В., Тазихина Т.В., Федотова М.А., 2020. Трансформация корпоративного управления и отношений собственности в цифровом обществе // Управленческие науки. 2020. № 10(1): 55-67.
7. Потемкин В.К., 2019. Управление персоналом // СПб.: Питер, 2019: 32.
8. Савёлов В.А., 2018. Формирование кадровой политики организации // Научно-практический журнал Аллея Науки. 2018. №6(22): 1-5.
9. Самсоненко Г.Г., 2016. Региональная экономика и управление // М.: ИВЭСЭП. 2016: 192.
10. Суслов Г.В., 2018. Управление персоналом организации: Учебное пособие // М.: Риор. 2018: 240.
11. Титов А.Б., Ваганова О.В. 2015. Методический подход к определению перспективных отраслей региона в условиях турбулентности экономики. Научный результат. Серия: Экономические исследования. 1 (3): 56–63. DOI: 10.18413/2409-1634-2015-1-3-56-6.
12. Чуланова О.Л., 2017. Управление персоналом на основе компетенций: монография // М.: ИНФРА-М. 2017: 122.

References

1. Babayan E.A., (2018). Main approaches to personnel policy of enterprises in the field of high technologies // M. Kotanyan Institute of Economics of the national Academy of Sciences of Armenia. 2018. No. 9: 60-63.
2. Chulanova O.L., (2017). Personnel management based on competencies: monograph / / Moscow: INFRA-M. 2017: 122.
3. Vaganova O.V., 2017. Dynamics of scientific potential and change of technological structure of the Belgorod region / Vaganova O.V. I in the collection: Socio-economic development of organizations and regions of Belarus: efficiency and innovation. Proceedings of the International scientific and practical conference. [Vitebsk: VO "VSTU" YO «ВГТУ»] Vitebsk state technological University. 2017: 142–147.
4. Veprikova M. Ya., (2017). Personnel policy as a tool for improving the efficiency of the municipal service // Economics and entrepreneurship. 2017. No. 9 (part 1): 1008-1013.
5. Kibanov A. Ya., (2018). HR management in Russia: theory, domestic and foreign practice: Book 2: Monograph / / Moscow: Infra-M. 2018: 64.
6. Kistanov V.V., (2018). Regional economy of Russia: Textbook // Moscow: Finance and statistics. 2018: 584.
7. Loseva O.V., Tazikhina T.V., Fedotova M. A., (2020). Transformation of corporate governance and property relations in a digital society / / Management Sciences. 2020. № 10(1): 55-67.
8. Potemkin V. K., (2019). Personnel management // St. Petersburg: Piter, 2019: 32.
9. Savelov V.A., (2018). Formation of personnel policy of the organization // Scientific and practical journal Alley of Science. 2018. №6(22): 1-5.
10. Samsonenko G.G., (2016). Regional economy and management / / Moscow: ivesep. 2016: 192.
11. Titov A.B., Vaganova O.V. 2015. Methodical approach to definition of perspective branches of the region in the conditions of turbulence of economy. Scientific Result. Series "Economic research", 1(3): 56–63. (In Russian.) DOI: 10.18413/2409-1634-2015-1-3-56-63.
12. Suslov G.V., (2018). Personnel management of the organization: Textbook / / Moscow: Rior. 2018: 240.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Сураева М.О., декан, профессор, д.э.н., профессор Самарского Государственного Экономического университета, (Самара, Россия)

Suraeva M.O., Dean, Professor, Doctor of Economics, Professor in Samara State University of Economics, Samara, Russia

Кучерявенко Д. М., доцент СамГТУ Самарского государственного технического университета, (Самара, Россия).

Kucheryavenko D. M., Assistant professor SamSTU Samara state technical University, Samara, Russia.

УДК 336.1

DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-9

Соболева Е. А.

**О реформировании системы оплаты труда
в здравоохранении: достижения, проблемы, коррективы**

ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», ул. Ленина, д. 11, Иркутск,
664003, Россия

e-mail: econo2017@yandex.ru

Аннотация

Рассматривается проблема создания эффективной системы оплаты труда в сфере здравоохранения.

Система оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях здравоохранения была дважды реформирована. В настоящее время начинается новый этап, обусловленный как нерешенными вопросами (отсутствие единых подходов к регулированию оплаты труда, высокая меж- и внутрирегиональная дифференциация), так и новыми вызовами (последствиями пандемии 2020 г.).

Цель исследования: рассмотреть основные этапы реформирования системы оплаты труда в учреждениях здравоохранения в Российской Федерации; охарактеризовать содержание реформы, достигнутые результаты и существующие проблемы, дать оценку.

Результаты исследования:

1. Проведен анализ проблем, связанных с достижением целевых показателей по заработной плате медицинского персонала, раскрыты причины.
2. Выявлены факторы, снижающие эффективность применяемой системы оплаты труда: экономические (уровень финансирования учреждений), управленческие (высокая степень самостоятельности руководителей учреждений в распоряжении средствами) и организационные (отсутствие прозрачного механизма оценки и стимулирования работников).
3. Предложено: скорректировать целевые показатели по заработной плате медицинского персонала в соответствии со средним заработком работников системообразующих предприятий региона; не включать в состав заработной платы не ниже минимального размера оплаты труда (МРОТ) выплаты стимулирующего характера.

В статье приводятся итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда работников здравоохранения в 2013-2019 гг., указана нормативно-правовая база, методика расчета ключевых показателей, проведен обзор новейших изменений в законодательстве.

Ключевые слова: реформы здравоохранения, система оплаты труда, целевые показатели, медицинский персонал, средняя заработная плата, эффективный контракт, учреждения здравоохранения, системообразующие предприятия.

Информация для цитирования: Соболева Е.А. О реформировании системы оплаты труда в здравоохранении: достижения, проблемы, коррективы // Научный результат. Экономические исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 80-90. DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-9

Elizabeth A. Soboleva

**On reforming the remuneration system in health care:
achievements, challenges, adjustments**

Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, Russia,

e-mail: econo2017@yandex.ru

Abstract

The article studies the problem of the effective remuneration system development in healthcare.

The remuneration system of the state (municipal) health care institutions has been reformed twice. Today, a new stage is being started, which is caused by a number of unsettled questions (such as a lack of unified approaches to salary regulation, large inter- and intra-regional differentiation) and new challenges (pandemic after-effects).

Purpose: to consider main stages of the remuneration system reforming in health care institutions of the Russian Federation; to characterize the reform content, achieved results and current problems, to give an opinion.

Results:

1. The author analyzes the problems associated with achievement of the target indicators on medical personnel salaries, and provides an explanation.
2. The author reveals the factors reducing efficiency of the existing remuneration system: economic (funding level of the institutions), managerial (high degree of autonomy of heads of the institutions in administering funds) and organizational (absence of transparent techniques of personnel assessment and motivation).
3. The author suggests correcting the target indicators on medical personnel salaries in line with the average salaries of strategic enterprises employees; not to include the stimulating payments in the amount of the minimal salary.

The article contains data of the Federal statistical observation of the remuneration in healthcare for the 2013–2019 years; specifies calculation methods of basic indicators; observes the relevant legislative acts, including the newest ones.

Key words: public health reform; remuneration system; target indicators; medical personnel; average salary; effective contract; health care institutions; strategic enterprises.

Information for citation: Soboleva E. A. “On reforming the remuneration system in health care: achievements, challenges, adjustments”, *Research Result. Economic Research*, 6(4), 80-90, DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-9

Введение

В кризисные 90-е гг. словосочетание «бюджетная сфера» и все, что с этим связано, приобрело резко негативный оттенок и ассоциировалось с низкими зарплатами, непрестижностью профессий врача и учителя.

Со временем ситуация изменилась. Работать в бюджетном секторе стремятся многие специалисты, среди которых и вы-

пускники престижных образовательных программ [Abuzyarova, Belousova, Krayushkina, Lonshcikova, Nikiforova, Chichkanov, 2019]. Как минимум, это подразумевает социальные гарантии (официальное трудоустройство, положенное число дней отпуска в году, оплачиваемый больничный и т. д.) и своевременную заработную плату (пенсионные отчисления в полном объеме, возможность взять кредит и др.).

Однако в сфере оплаты труда до сих пор сохраняется ряд серьезных проблем, которые не были устранены (или даже возникли) в ходе реформ. Прежде чем перейти к следующему этапу преобразований, начало которому уже положено, следует подвести промежуточные итоги. Данное исследование посвящено результатам реформирования системы оплаты труда в (государственном) здравоохранении.

Материалы и методы исследования. Источники информации: нормативно-правовые акты Российской Федерации, официальные документы Минздрава и Минтруда России, статистические данные Росстата, результаты независимых исследований, публикации в средствах массовой информации, научные статьи.

Используются общелогические (анализ, аналогия, индукция) и общенаучные методы (систематизация информации, графическая и табличная интерпретация).

Основная часть

С 1992 г. в Российской Федерации (далее – РФ) действовала единая тарифная система оплаты труда (ЕТС), которая предусматривала 18 разрядов для всех работников бюджетной сферы. Унифицированный и не гибкий подход к регулированию оплаты труда породил массу исключений: за время действия ЕТС вышло более тысячи (ведомственных) нормативно-правовых актов [Семеко, 2010].

В 2008 г. началась «зарплатная реформа». Новая система оплаты труда (далее – НСОТ) установлена Постановлением Правительства РФ от 5.08.2008 № 583 в федеральных учреждениях, в соответствии с которым государственные (муниципальные) учреждения субъектов РФ также перешли на НСОТ.

Введенная в целях повышения мотивации работников и эффективности их деятельности, НСОТ существенно расширила самостоятельность учреждений при формировании штата и распределении фонда оплаты труда (далее – ФОТ).

Структура заработной платы (далее – зарплаты): оклад (на ставку), выплаты компенсационного и стимулирующего характера.

Оклады устанавливаются на базе профессиональных квалификационных групп (далее – ПКГ). ПКГ должностей медицинских и фармацевтических работников утверждены Приказом Минздравсоцразвития России от 6.08.2007 № 526.

Перечни видов выплат компенсационного и стимулирующего характера утверждены Приказами Минздравсоцразвития России от 29.12.2007 № 822 и от 29.12.2007 № 818.

Введение НСОТ, в целом, положительно повлияло на динамику зарплаты работников здравоохранения и социальной сферы, которая к 2011 г. выросла в 1,8 раза.

Но были выявлены следующие проблемы:

- отсутствие конкретных измеримых параметров качества и интенсивности труда;
- большое различие в размерах зарплат руководителей и работников;
- низкий размер гарантированной части зарплаты;
- неконкурентоспособный размер зарплаты на региональном рынке труда.

В связи с этим, а также с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений (согласно Федеральному закону РФ от 08.05.2010 № 83-ФЗ), в 2012 г. начался следующий этап «зарплатной реформы».

Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 гг., утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 26.11.2012 № 2190-р, предусматривает:

1. Совершенствование нормативно-правовой базы:
 - установление базовых окладов, актуализацию ПКГ и требований к работникам, типовых норм труда, содержания трудовых функций;

– разработку показателей эффективности деятельности учреждений, руководителей, работников; отмену неэффективных стимулирующих выплат.

2. Введение эффективного контракта: трудовой договор, в котором конкретизированы должностные обязанности работника, условия оплаты труда, меры социальной поддержки.

Условия оплаты труда включают: размер (должностного) оклада, ставку заработной платы за месяц или за норму труда, размеры и условия предоставления компенсационных и стимулирующих выплат.

3. Регламентацию оплаты труда руководителей учреждений:

– заключение трудового договора на принципах эффективного контракта;

– представление сведений о доходах, имуществе, обязательствах (в т. ч. супруга, несовершеннолетних детей);

– установление предельного соотношения средней заработной платы руководящего состава (руководителя, заместителей, главного бухгалтера) и работников учреждения: не более 6-кратного размера.

4. Достижение законодательно установленных целевых показателей по зарплате. Согласно Указу Президента РФ от 7.05.2012 № 597, к 2018 г. зарплата врачей должна быть повышена до 200% от средней заработной платы в регионе, а зарплата среднего и младшего медицинского персонала (далее – медперсонала) повышена до 100%.

Методические рекомендации по разработке показателей и критериев эффективности деятельности утверждены Приказом Минздрава России от 28.06.2013 № 421.

С 2013 г. Российской трехсторонней комиссией по регулированию социально-трудовых отношений (РТКО) ежегодно принимаются Единые рекомендации по установлению (на федеральном, региональном и местном уровнях) систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений (далее – Единые рекомендации).

В каждом субъекте РФ утверждается Примерное положение об оплате труда работников учреждений здравоохранения, включающее минимальные размеры окладов и рекомендуемые размеры доплат, надбавок, премий.

На основании этого, в учреждениях здравоохранения принимаются свои Положения об оплате труда. Согласно ст. 144 Трудового кодекса РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 09.11.2020), системы оплаты труда устанавливаются коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами.

С 2013 г. Росстат осуществляет мониторинг выполнения целевых показателей по зарплате медперсонала [Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки, 2013–2019].

Результаты достижения целевых показателей по зарплате медперсонала в РФ за январь–декабрь 2019 г. представлены в таблице. Итоги по РФ подсчитаны с учетом допустимого отклонения (в пределах 5%).

Общий порядок расчета средней заработной платы (или среднего заработка) установлен Постановлением Правительства РФ от 24.12.2007 № 922 (ред. от 10.12.2016), в целях мониторинга – Приказом Росстата от 14.04.2016 № 188 (ред. от 13.04.2017).

Сумма начисленной заработной платы включает: оплату труда по окладам, компенсационные выплаты (в т. ч. за совмещение, за расширение зон обслуживания, за сверхурочную работу, по сдельным расценкам и др.), стимулирующие выплаты (доплаты, надбавки, премии), а также единовременные выплаты, оплату питания и проживания, имеющую систематический характер. Т. е. все виды выплат (на все занимаемые ставки), относящиеся к оплате труда (до вычета НДФЛ и других удержаний).

Соотношение средней зарплаты медперсонала и среднемесячной начисленной зарплаты в регионе РФ за январь-декабрь 2019 г.

Table

Relation of the average salary of medical personnel to the average monthly accrued salary in the region of the Russian Federation in January-December of 2019

Количество субъектов Российской Федерации, ед.				Итоги по РФ
Врачи (иные работники с высшим мед. или фарм. образованием): не менее 200%				
менее 195%	195–199 %	200–210 %	более 210%	Выполнено на 94%
5 (Мурманская, Ульяновская, Магаданская обл., Забайкальский кр., Респ. Тыва)	16	54	10 (Курганская, Ленинградская, Астраханская, Пензенская, Челябинская, Новосибирская, Сахалинская обл., Алтайский кр., Респ. Дагестан, Чеченская Респ.)	
Средний медицинский (фарм.) персонал: не менее 100%				
менее 95%	95–99%	100–110 %	более 110%	Выполнено на 100%
–	11	64	10 (Московская, Калининградская, Курганская, Челябинская, Сахалинская обл., Ставропольский, Алтайский кр., Респ. Дагестан, Кабардино-Балкарская Респ., г. Санкт-Петербург)	
Младший медицинский (обеспечивающий предоставление мед. услуг) персонал: не менее 100%				
менее 95%	95–99%	100–110 %	более 110%	Выполнено на 84%
14 (Мурманская, Ульяновская, Кемеровская, Магаданская обл., Еврейская АО, Чукотский АО, Пермский, Красноярский, Камчатский, Приморский кр., Респ. Коми, Адыгея, Тыва, Хакасия)	34	36	1 (Чеченская Респ.)	

С 2015 г. для расчета показателя среднемесячной начисленной зарплаты в регионе учитываются трудовые доходы как работников организаций, так и работников индивидуальных предпринимателей

и физических лиц. Учет последних снижает показатель среднего заработка на 10–12%, что частично способствовало достижению целевых показателей [Лопатина, Ляшок, 2018].

Расчет средней зарплаты по каждой категории медперсонала производится на основании агрегирования (по всем учреждениям здравоохранения в субъекте РФ) данных о начисленной зарплате и количестве персонала (путем деления).

Известно, что достижение целевых показателей по зарплате медперсонала сопровождалось множеством проблем, рассмотрим основные из них:

1. Завышение размера официальной средней зарплаты.

Несовершенство метода расчета средней зарплаты (при котором учитываются как доходы рядовых сотрудников, так и руководящего состава), приводит к завышению данного показателя.

В 2017 г. реальный размер средней зарплаты врачей в России составил 46,8 тыс. руб. (до уплаты НДФЛ), что на 17% ниже официальных данных [Результаты исследования зарплаты врачей государственных медучреждений России, 2017].

2. Повышение нагрузки на медперсонал.

Здесь несовершенство метода расчета (при котором размер средней зарплаты исчисляется не на ставку, а на физическое лицо) приводит к тому, что рост данного показателя происходит за счет роста нагрузки на одного работника.

В 2017 г., в среднем по России, врачи работали на 1,45 ставки (при максимальной нагрузке в 1,5 ставки). Согласно Постановлению Минтруда РФ от 30.06.2003 № 41, продолжительность работы медицинских работников (далее – медработников) по совместительству не может превышать 1/2 месячной нормы рабочего времени.

Кроме официального совместительства, практикуется «совмещение должностей и расширение зоны обслуживания» [Совместное заявление профсоюза «Действие» и Гильдии защиты медицинских работников о зарплатах медиков, 2018]. Речь идет о случаях, когда дополнительные работы, ранее оплачивавшиеся сверх

оклада, включаются в основные должностные обязанности работника [Подцероб, 2016].

3. Сокращение штата учреждений.

При неизменном числителе (ФОТ учреждения) уменьшение знаменателя (числа работников) приводит к увеличению получаемого значения (размера средней зарплаты).

В соответствии с этой нехитрой формулой, в ряде учреждений, несмотря на хроническую проблему кадрового дефицита в здравоохранении, проводились сокращения медработников.

Согласно Единым рекомендациям на 2020 г., утвержденным Решением РТК от 24.12.2019 протокол № 11, оценка результативности работы руководителя учреждения осуществляется с учетом показателя роста средней зарплаты работников в отчетном году.

В то же время, для учреждений с низкими доходами эта мера стала вынужденной, если не единственно возможной. Для того, чтобы обеспечить требуемый уровень зарплаты (или приблизиться к нему), более 80% своих доходов учреждения тратят на ФОТ [Синева, 2018].

Динамика численности врачей (иных работников с высшим медицинским или фармацевтическим образованием), среднего медицинского (фармацевтического) персонала и младшего медицинского (обеспечивающего предоставление медицинских услуг) персонала учреждений здравоохранения в РФ в 2013–2019 гг. представлена на рисунке.

Процессы сокращения персонала в отрасли подтверждаются статистическими данными (см. рисунок).

Кроме сокращения работников, проводилось также сокращение числа вакансий, тем самым, занижалась потребность в кадрах, саботировалась работа по устранению кадрового дефицита [Совместное заявление профсоюза «Действие» и Гильдии защиты медицинских работников, 2018].

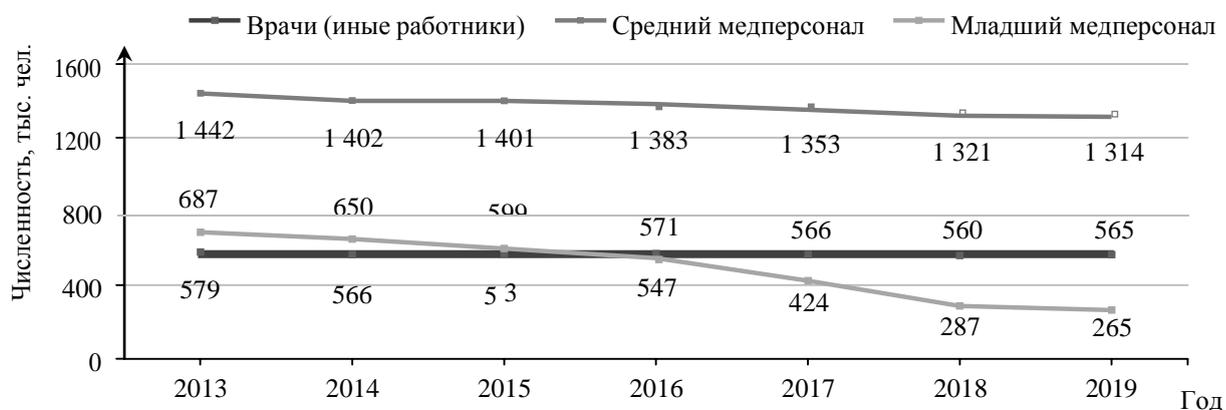

Рис. Численность медперсонала учреждений здравоохранения в России в 2013-2019 гг.
 Fig. Number of medical personnel in health care institutions in Russia in 2013-2019

4. Перевод медперсонала в другие категории.

Речь идет о проблеме экономии на зарплатах прочего (не медицинского) персонала учреждений здравоохранения. По этой причине младший медперсонал переводили в уборщики служебных помещений, с сохранением трудовых обязанностей санитара.

За период 2013–2019 гг. в РФ численность младшего медперсонала сократилась на 61% или 422 тыс. чел. (см. рисунок).

Согласно Письму Минздрава России, сокращение должностей младшего медперсонала, замена должности «санитар» на «уборщик» в штатном расписании, перевод из санитаров в уборщики производится учреждениями в соответствии с результатами аттестации работников и со сформированной структурой штата [О переводе младшего медицинского персонала на другие должности, 2018].

5. Управление доплатами и надбавками.

Данная «формула» используется при выполнении требований по повышению оклада: одно слагаемое (оклад) увеличивается, другие слагаемые (выплаты) уменьшаются, итоговая сумма (размер зарплаты) не изменяется.

Тем не менее, структура зарплаты тоже имеет значение. В соответствии с Едиными рекомендациями на 2020 г., задача повышения доли оклада (до 55%) является одной из основных. Почему же так важно увеличить оклад?

Гарантированная часть зарплаты должна включать оклад и компенсационные выплаты (зависят от условий труда, полагаются за совмещение, сверхурочную работу и др.). Стимулирующие выплаты по определению относятся к мотивационной части.

Однако, в ряде регионов были выявлены факты неоплаты сверхурочной работы и работы по совместительству [Проверки Роструда выявили факты невыплат врачам сверхурочных в регионах, 2019]. В связи с этим, для того, чтобы минимизировать манипулирование доплатами, необходимо увеличить фиксированную часть зарплаты, т. е. оклад.

Сложности достижения целевых показателей в каждом российском регионе обусловлены множеством факторов: уровнем доходов бюджета и социально-экономического развития, географическим положением, численностью населения и пр.

Немаловажную роль, по мнению экспертов, играет и уровень организации здравоохранения в регионе, который зави-

сит от желания и способностей руководителей [Медицина в регионах: итоги–2019, 2019].

В силу способа расчета, зарплата каждого конкретного медработника может существенно отличаться от средней (не только по субъекту РФ, но и по учреждению).

По результатам анкетирования врачей-стоматологов, большинство из них (63%) не компетентны в принципах формирования своей зарплаты [Бутова, Олесов, Зуев, Умарова, Жеребцов, Пешков, 2017]. Одной из главных проблем, по мнению авторов опроса, является недостаточное понимание медработниками принципов НСОТ и конкретных критериев оценки качества их труда, что делает применяемую систему малоэффективной.

С принятием Федерального закона от 09.11.2020 № 362-ФЗ, наделяющего Правительство РФ полномочиями по формированию отраслевых систем оплаты труда, начался новый этап «зарплатной реформы» (в ходе которого будут учитываться и последствия пандемии 2020 г.).

С 2005 г. регулирование вопросов начисления зарплаты в государственных (муниципальных) учреждениях относится к полномочиям субъектов РФ (органов местного самоуправления), которые, во многом, передали их на уровень учреждений.

Проведенный анализ систем оплаты труда выявил как существенные межрегиональные различия, так и внутрирегиональную дифференциацию [Пояснительная записка к проекту федерального закона, 2020].

В сфере здравоохранения планируется разработать:

- требования к структуре зарплаты, единые перечни компенсационных и стимулирующих выплат и условия их назначения;
- нормативные акты, регулирующие оплату труда медработников, оказывающих первичную медико-санитарную помощь, скорую медицинскую помощь, мед-

работников центральных районных и районных больниц.

Предполагается, что с 1 января 2021 г. будет применяться новая методика расчета минимального размера оплаты труда (далее – МРОТ) и прожиточного минимума [Госдума приняла в первом чтении проект о новой методике расчета МРОТ, 2020]. МРОТ будет рассчитываться как 42% от медианной зарплаты, прожиточный минимум – как 44,2% от медианного среднедушевого дохода. В результате ожидается, что темпы индексации МРОТ станут сопоставимы с темпами инфляции, благодаря чему в 2021 г. МРОТ вырастет на 5,5%.

В соответствии с Постановлениями Конституционного суда РФ от 07.12.2017 № 38-П, от 28.06.2018 № 26-П, от 11.04.201 № 17-П, от 16.12.2019 № 40-П, в состав «заработной платы не ниже МРОТ» не включаются: «северные» районный коэффициент и процентная надбавка, выплаты за совмещение, сверхурочную работу, в ночное время, в выходные и праздничные дни. Перечисленные выплаты относятся к компенсационным.

Помимо этого, как полагает автор статьи, в состав «заработной платы не ниже МРОТ» не следует включать все выплаты стимулирующего характера, т. к. это противоречит самому их принципу, который предполагает поощрение и мотивирование персонала, а не доведение зарплаты до минимального уровня.

Определение «достойного уровня» оплаты труда в здравоохранении, само по себе, является сложной задачей.

Первым шагом в ее решении стал выбор конкретного ориентира, позволяющего рассчитать точное (цифровое) значение.

По мнению автора статьи, целевой показатель можно скорректировать, соотнося его с уровнем зарплаты в ведущих промышленных предприятиях, производственные мощности которых расположены на территории региона (для которого производится расчет).

Список таких предприятий по каждому субъекту РФ может быть сформирован на основе Перечня системообразующих организаций российской экономики, утвержденного Правительственной комиссией по повышению устойчивости развития российской экономики от 20.03.2020 № 3.

При предлагаемом подходе, уровень зарплаты врачей должен быть не ниже 100% среднего заработка работников этих предприятий с высшим образованием; уровень зарплаты среднего и младшего медперсонала – не ниже 100% и 80% среднего заработка работников со средним специальным образованием. (Уровень зарплаты медперсонала – средний заработок, рассчитанный на 1 ставку и без учета доходов руководящего состава).

Это может несколько усложнить предоставление и последующую обработку статистических данных, но, с учетом развития информационных технологий, только на начальном этапе.

Заключение

Сложносоставная структура заработной платы (основанная на применении двух различных перечней выплат) и высокая степень самостоятельности учреждений здравоохранения в распоряжении средствами приводят к манипуляциям с фондом оплаты труда и другим проблемам. Внешнее воздействие оказывают жесткие законодательные требования к размеру заработной платы медицинского персонала, уровень финансирования учреждений.

Можно констатировать, что под задачей «стимулирования персонала», фактически, решались другие вопросы. Для того, чтобы механизм стимулирования реально заработал, прежде всего, нужно обеспечить конкурентоспособный базовый доход всем работникам, после чего создавать условия для поощрения лучших сотрудников. Это будет способствовать снижению социальной напряженности и повышению качества медицинской помощи,

если во главу ставить именно этот приоритет, тогда как следование, исключительно, требованиям экономической эффективности приводит к дегуманизации здравоохранения [Rodin, 2015].

Федеральным законом от 09.11.2020 №362-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» заложены основы для дальнейшего совершенствования системы оплаты труда в здравоохранении. Авторы законопроекта обещают, что при принятии решений будет проводиться оценка социально-экономических, финансовых и иных последствий, что немаловажно.

Список литературы

1. Бутова В.Г., Олесов А.Е., Зуев М.В., Умарова К.В., Жеребцов А. Ю., Пешков В.А., 2017. Мониторинг компетентности медицинских работников стоматологических организаций в новой системе оплаты труда // Российский стоматологический журнал. 2017. № 21 (4): 211–216. DOI: 10.18821/1728-2802-2017-21-4-211-216

2. Госдума приняла в первом чтении проект о новой методике расчета МРОТ / Сетевое издание РИА Новости. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://ria.ru/20201111/mrot-1584101960.html> (дата обращения: 15.11.2020).

3. Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки / Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/> (дата обращения: 15.11.2020).

4. Лопатина М., Ляшок В., 2018. Исполнение майских указов 2012 г.: последствия для бюджетного сектора // Экономическое развитие России. 2018. № 9 (25): 89-94.

5. Медицина в регионах: итоги – 2019 / ООО «Газета «Новые известия». [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://newizv.ru/article/tilda/10-12-2019/itogi-2019-kakuyu-meditsinu-my-poluchili#rec147996859> (дата обращения: 15.11.2020).

6. О переводе младшего медицинского персонала на другие должности: Письмо Ми-

нистерства Здравоохранения РФ от 7.02.2018 № 16-3/10/2-705 / АО «Кодекс». [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: docs.cntd.ru/document/556638594 (дата обращения: 15.11.2020).

7. Подцероб, М., 2020. Врачи и медсестры переведены на новую систему оплаты / Сетевое издание «Ведомости». [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2016/05/19/641522-vrachi-medsestri-perevedeni-povuyu-sistemu-oplati> (дата обращения: 15.11.2020).

8. Пояснительная записка к проекту федерального закона: Законопроект № 973252-7 / АО «Кодекс». [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: docs.cntd.ru/document/565109507 (дата обращения: 15.11.2020).

9. Проверки Роструда выявили факты невыплат врачам сверхурочных в регионах / Сетевое издание РИА Новости. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://ria.ru/20190820/1557718001.html> (дата обращения: 15.11.2020).

10. Результаты исследования зарплаты врачей государственных медучреждений России / Сообщество «Врачи РФ». [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://vrachirf.ru/company-announce-single/40047> (дата обращения: 15.11.2020).

11. Семеко Г.В., 2010. Новая система оплаты труда в высшей школе – новые проблемы // Экономика образования. 2010. № 2: 69-77.

12. Синева О.В., 2018. Забайкальской больнице сокращают ставки из-за долгов / Деловой журнал «Vademecum». [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://vademec.ru/news/2018/04/26/> (дата обращения: 15.11.2020).

13. Совместное заявление профсоюза «Действие» и Гильдии защиты медицинских работников о зарплатах медиков / Профсоюз медицинских работников «Действие». [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: medrabotnik.org/news/v-srednem-v-rossii-vrachi-poluchayut-na-6-1-tys-rub-menshe-ofitsialnyh-dannyh (дата обращения: 15.11.2020).

14. Abuzyarova, D., Belousova, V., Krayushkina, Zh., Lonshcikova, Y., Nikiforova, E., Chichkanov, N., (2019), “The Role of Human Capital in Science, Technology and Innovation”,

Foresight and STI Governance, 13(2), 107–119. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.107.119.

15. Rodin, L., (2015), “Governmentality” in the Clinical Context: The Paradoxes of Humanization of Healthcare in Sweden, *The Journal of Social Policy Studies*, 13(4): 643-656.

References

1. Abuzyarova, D., Belousova, V., Krayushkina, Zh., Lonshcikova, Y., Nikiforova, E., Chichkanov, N., (2019), “The Role of Human Capital in Science, Technology and Innovation”, *Foresight and STI Governance*, 13(2): 107-119. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.107.119.

2. Butova, V.G., Olesov, A.E., Zuev, M.V., Umarova, K.V., Zherebtsov, A.Yu., Peshkov, V.A., (2017), “The monitoring of dental organization’s medical workers competences according to the new system of wage payments”, *Russian Journal of Dentistry*, 21(4): 211-216. DOI: 10.18821/1728-2802-2017-21-4-211-216

3. The State Duma adopted in the first reading a draft on a new methodology for calculating the minimum wage / Сетевое издание РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20201111/mrot-1584101960.html> (Accessed 15 November 2020).

4. Results of the federal statistical observation in the sphere of remuneration of certain categories of social workers and science / Federal State Statistics Service/ Federal’naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/> (Accessed 15 November 2020).

5. Lopatina, M. and Lyashok, V., (2018), “Implementation of the May 2012 decrees: consequences for the budgetary sphere”, *Russian Economic Development*, 9 (25): 89-94.

6. Medicine in the regions: results of 2019 / ООО “Gazeta “Novyye izvestiya”. URL: <https://newizv.ru/article/tilda/10-12-2019/itogi-2019-kakuyu-meditsinu-my-poluchili#rec147996859> (Accessed 15 November 2020).

7. On the transfer of junior medical personnel to other positions: Letter from the Ministry of Health of the Russian Federation of 7.02.2018 № 16-3/10/2-705 / АО “Кодексы”. URL: docs.cntd.ru/document/556638594 (Accessed 15 November 2020).

8. Podtserob M., (2016). Doctors and nurses in the new payment system / Сетевое издание “Vedomosti”. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/20>

[16/05/19/641522-vrachi-medsestri-perevedeni-novuyu-sistemu-oplati](#) (Accessed 15 November 2020).

9. Explanatory Note to the draft Federal Law: Draft Law № 973252-7 / АО “Кодекс”. URL: docs.cntd.ru/document/565109507 (Accessed 15 November 2020).

10. Rostrud inspections revealed the facts of non-payment of overtime to doctors in the regions / Setevoye izdaniye RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20190820/1557718001.html> (Accessed 15 November 2020).

11. Results of the study of salaries of doctors of state medical institutions of Russia / Soobshchestvo “Vrachi RF”. URL: <https://vrachirf.ru/company-announce-single/40047> (Accessed 15 November 2020).

12. Semeko, G. V. (2010), “New system of remuneration of labor – new problems”, *Economics of education*, 2: 69-77.

13. Sineva O.V., (2018). Zabaykalsky Hospital cut rates because of debts / Delovoy zhurnal “Vademecum”. URL: <https://vademec.ru/news/2018/04/26/> (Accessed 15 November 2020).

14. Joint statement of the Action Trade Union and the Guild of Protection of Medical workers on the salaries of doctors / Trade Union of Medical Workers "Action" / Profsoyuz meditsinskikh rabotnikov “Deystviye”. URL: medrabotnik.org/news/v-srednem-v-rossii-vrachi-poluchayut-na-6-1-tys-rub-menshe-ofitsialnyh-dannyh (Accessed 15 November 2020).

15. Rodin, L., (2015), “Governmentality” in the Clinical Context: The Paradoxes of Humanization of Healthcare in Sweden, *The Journal of Social Policy Studies*, 13(4): 643-656.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Соболева Е. А., научный исследователь, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет» (Иркутск, Россия)

Soboleva E.A., Scientific Researcher, Baikal State University, Irkutsk, Russia

ФИНАНСЫ
FINANCE

УДК 336.01

DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-10

Байгузина Л. З.

Восстановление финансовой системы после кризиса

Башкирский государственный университет, Институт экономики, финансов и бизнеса,
УФМЦ по финансовой грамотности ИРО РБ
450076, ул. Карла Маркса, 3/4 г. Уфа, Российская Федерация,
Республика Башкортостан

e-mail: Lyuzab@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются восстановление финансовой системы после кризиса, связанного с ограничениями по распространению коронавирусной инфекции (COVID-19). В сложившейся ситуации происходит отток капитала. Автор проанализировал механизм последовательности кризисных событий, представил прогноз МВФ относительно динамики темпов прироста валового внутреннего продукта по состоянию на апрель 2020 г. Проанализированы несколько сценариев выхода из данной ситуации, где приводятся статистические данные, сделал выводы, что нормализация экономической ситуации будет происходить постепенно.

Ключевые слова: глобальный кризис, экономические проблемы, мировая экономика, сценарии выхода.

Информация для цитирования: Байгузина Л.З. Восстановление финансовой системы после кризиса // Научный результат. Экономические исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 91-97. DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-10

Luza S. Baiguzina

Recovery of the financial system after the crisis

Bashkir State University, Institute of Economics, Finance and Business, Ufa Regional Methodological Center for Financial Literacy, Institute for Education Development,
Republic of Bashkortostan
450076, 3/4 Karl Marx St., Ufa, Russian Federation,
Republic of Bashkortostan
e-mail: Lyuzab@mail.ru

Abstract

The article analyzes the recovery of the financial system after the crisis associated with restrictions on the spread of the coronavirus infection COVID-19. In this situation, there is an outflow of capital. The author analyzed the mechanism of the sequence of crisis events, presented the IMF forecast on the dynamics of the growth rate of gross domestic product as of April 2020. Several scenarios of getting out of this situation are analyzed,

where statistical data are provided, and it is concluded that the normalization of the economic situation will occur gradually.

Key words: global crisis; economic problems; world economy; exit scenarios

Information for citation: Baiguzina L.S. "Recovery of the financial system after the crisis", *Research Result. Economic Research*, 6(4), 91-97, DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-10

Введение

Глобальное распространение коронавирусной инфекции COVID-19 привело к резкому пересмотру перспектив развития мировой экономики. Всемирный банк оценил грядущее падение мирового ВВП в 2020 году на 5,2%, что станет самым высоким со времен Великой депрессии. Прогноз Банка России исходит из того, что восстановление мировой экономики будет медленным. Согласно этому сценарию, российская экономика возобновит устойчивое восстановление в начале 2021 года и в первой половине 2022 года [Анализ активных и пассивных операций..., 2020]. Падение темпов роста мировой экономики и российской в том числе, вызвано с тем, что ограничительные меры, связанные с пандемией, затронули широкий круг отраслей. Произошел сбой в цепочках поставок, падение спроса привело к межотраслевым негативным эффектам. Все это повлияло на деятельность финансовых рынков и их волатильность.

Основная часть

Высокий уровень волатильности привел к резкому оттоку портфельных инвестиций из стран с формирующейся рыночной экономикой (ЕМЕ). Страны, ориентированные на экспорт, включая Россию, испытали давление на национальные валюты из-за обвала цен на сырьевые товары. До рекордно низкого уровня на фоне резкого спада упали акции авиа и автомобильных компаний. По мнению некоторых экспертов и аналитиков, выход из такой сложной ситуации можно решить несколькими путями, определив сценарий развития кризиса (рис. 1). [Сценарии восстановления мировой экономики, 2020].

Первый сценарий в текущей ситуации может привести к тому, что пандемия затронет микро- и макроэкономические процессы, частично разрушив внешнеэкономическое партнерство России с другими странами.

Второй сценарий представляет собой «шок» и имеет более существенные негативные последствия, поскольку сопутствующие пандемии социально-экономические проблемы усугубляются падением цен на нефть. Для России такой сценарий представляет собой угрозу, поскольку доходы от продажи нефти на мировых рынках являются основным источником восполнения государственного бюджета.

Третьим «шоком» для развития российской экономики эксперты прогнозируют увеличение оттока капитала из страны. К сожалению, история уже доказала, что во время любых кризисных событий, происходящих в России, отток капитала происходит в более стабильные экономики, а также в глобальные офшоры.

Исходя из вышеперечисленных сценариев, можно сделать вывод, что для России 2020 год может стать худшим годом после распада СССР. Тогда в 1992 году падение ВВП по данным Всемирного банка было зафиксировано на уровне 14,5%. Например, во время мирового финансового кризиса 2009 года ВВП России упал на 8%, а в критический 1998 год спад оценивался в 5,3%. [Солдатова С.С., Пивкина К.Р., 2020].

Следует отметить, что сегодня большинство экспертов и аналитиков сходятся во мнении, что единственным государством, которое окажется на положитель-

ной траектории с приростом в 1% ВВП, будет Китай. Это связано с тем, что как государство, которое впервые столкнулось с коронавирусом и, соответственно, преодолело неблагоприятную эпидемиологическую ситуацию, обладает мощной производственной и технической базой, экономическими возможностями, уникаль-

ми трудовыми ресурсами и высоким уровнем дисциплины в обществе [Экономический кризис 2020 года].

Следует учитывать опыт этой страны, проанализировав кризисную ситуацию для дальнейшего выхода из нее. Схематично процессы, происходящие в период кризиса отражены на рисунке 2.

	Структурный	Циклический	Событийный
Причина	Коллапс одной или нескольких отраслей — нефтяной, банковской, строительной и т. д.	Завершение экономического цикла, сопровождается ростом ключевых ставок и инфляции.	Непредвиденное обстоятельство — война, техногенная катастрофа, вирусная пандемия и т. п.
Средняя продолжительность падения	3,5 года	2,5 года	9 месяцев
Время от начала кризиса до полного восстановления экономики	10 лет	4 года	15 месяцев
Глубина падения (на фондовом рынке)	60%	30%	29%
Последний исторический пример	Кризис 2008 года (начался с ипотечного кризиса в США)	Рецессия 2000 года. Кризис 2008 года также входит в эту категорию.	Спад на рынке после теракта 11 сентября 2001 года

Рис. 1. Виды сценария – кризиса в 2020 года
 Fig. 1. Types of scenario – crisis in 2020

Для улучшения ситуации и ликвидации кризисных последствий, многие правительства и главные банки стран развернули программы поддержки экономики. Но эти меры оказались недостаточными так как экономика уже вошла в состояние глубокой регрессии.

Снижение цены на нефть отразилось не только на авиа и машиностроительных отраслях, как было указано выше, но и повлияло на снижение курса рубля

[Сценарии восстановления мировой экономики, 2020].

Уязвимость в финансовом секторе, на которые Банк России обращал внимание в предшествующие годы, усиливается негативными последствиями пандемии. Для снижения этих негативных эффектов Банк России уже реализовал ряд антикризисных мер и в случае необходимости готов принять дополнительные меры. Например, после введения Банком России

индикатора долговой нагрузки (PDI) и повышения макропруденциальных надбавок по необеспеченным кредитам с 1 октября 2019 года рост долговой нагрузки населе-

ния в 4 кв. 2019 – 1 кв. 2020 замедлился [Экономику России ждут пять шоков, 2020].

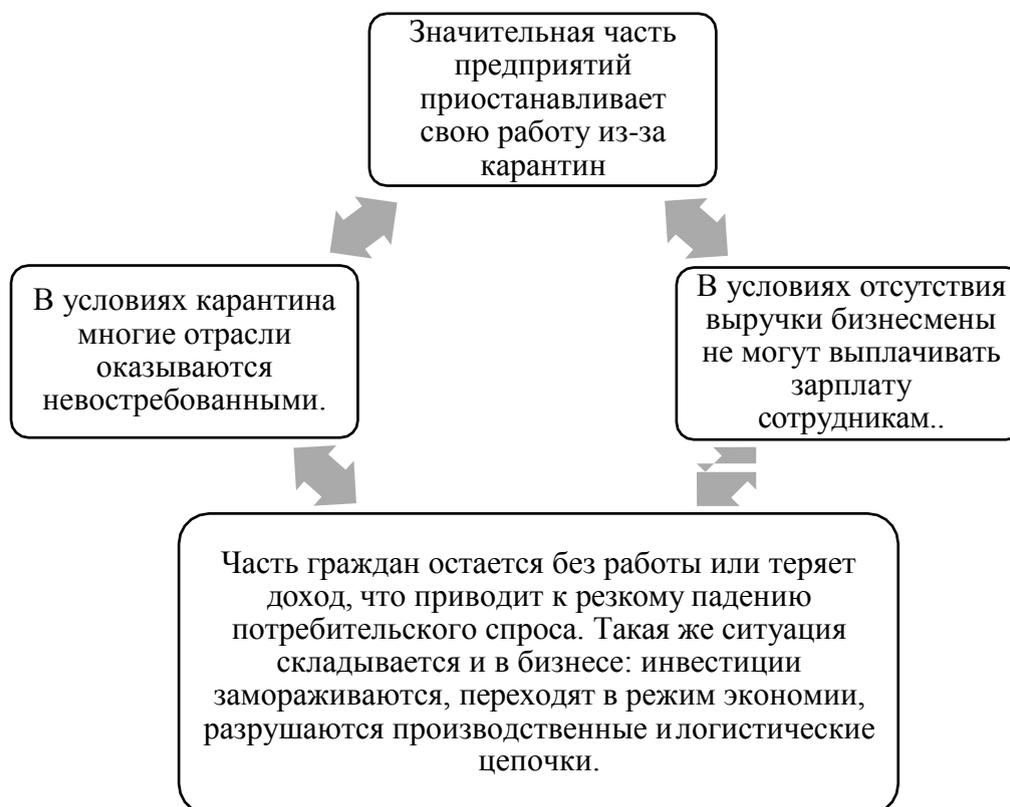

Рис. 2. Механизм последовательности кризисных событий
Fig. 2. The mechanism of the sequence of crisis events

Тем не менее, высокая доля кредитов с НДФЛ более 80% на фоне снижения доходов населения является фактором риска. Пока качество ссудных портфелей достаточно стабильное (доля ссуд с просрочкой более 90 дней составляет 7,9% по необеспеченным потребительским кредитам и 1,4% по ипотечным кредитам на 1 апреля 2020 г.), но это сопровождается ростом доли реструктурированных кредитов (1,2% от действующих договоров на период с 20 марта по 13 мая).

Еще одна мера, которую невозможно не заметить, заключается в том, что Банк России предоставил отечественным банкам возможность в течение шести месяцев не формировать дополнительные резервы по кредитам, а реструктурировать их в со-

ответствии с Федеральным законом № 106-ФЗ и по собственным программам [Обзор финансовой стабильности № 1 (16), 2020]. В результате макропруденциальных надбавок кредитными организациями накоплен значительный резерв капитала. Около 126 млрд. руб. по ипотечным кредитам и 539 млрд. руб. по беззалоговым потребительским кредитам. Для компенсации убытков банков, связанных с реструктуризацией, а также для поддержки ипотечного кредитования Банк России с 1 апреля 2020 года отменил макропруденциальный буфер по таким кредитам.

Заниженной инвестиционной активностью, вызванная кризисными условиями, снижает качественные характеристики кредитных заемщиков и банковских

портфелей. Такое снижение сопровождается резким ростом безработицы в ряде стран, что в свою очередь влияет на ситуацию в глобальных финансовых рынках (таблица). В таких условиях регуляторы

по всему миру реализуют масштабные меры поддержки (фискальные, монетарные, финансовые), чтобы ограничить экономический ущерб от пандемии.

Таблица

Прогноз МВФ по состоянию на апрель 2020 г. динамики темпов прироста валового внутреннего продукта

Table

IMF forecast for April 2020 dynamics of gross domestic product growth rates

	2019 г. (%)	Прогноз на апрель 2020 г. (%)		Разница с прогнозом на январь 2020 г. (п.п.)	
		2020 г.	2021 г.	2019 г.	2020 г.
Темпы прироста мирового ВВП	2,9	-3,0	5,8	-6,3	2,4
Развитые страны	1,7	-6,1	4,5	-7,7	2,9
США	2,3	-5,9	4,7	-7,9	3,0
Соединенное Королевство	1,4	-6,5	4,0	-7,9	2,5
Еврозона	1,2	-7,5	4,7	-8,8	3,3
Германия	0,6	-7,0	5,2	-8,1	3,8
Италия	0,3	-9,1	4,8	-9,6	4,1
Испания	2,0	-8,0	4,3	-9,6	2,7
Япония	0,7	-5,2	3,0	-5,9	2,5
СФР и развивающиеся страны	3,7	-1,0	6,6	-5,4	2,0
Китай	6,1	1,2	9,2	-4,8	3,4
Индия	4,2	1,9	7,4	-3,9	0,9
Россия	1,3	-5,5	3,5	-7,4	1,5
Бразилия	1,1	-5,3	2,9	-7,5	0,6
ЮАР	0,2	-5,8	4,0	-6,6	3,0
Мексика	-0,1	-6,6	3,0	-7,6	1,4
Темпы прироста мировой торговли товарами и услугами	0,9	-11,0	8,4	-13,9	4,7
Импорт					
Развитые страны	1,5	-11,5	7,5	-13,8	4,3
СФР и развивающиеся страны	-0,8	-8,2	9,1	-12,5	4,0
Экспорт					
Развитые страны	1,2	-12,8	7,4	-14,9	4,4
СФР и развивающиеся страны	0,8	-9,6	11,0	-13,7	6,8

Источник: МВФ [Анализ активных и пассивных операций коммерческого банка, 2020]

Заключение

Нормализация ситуации в экономике будет происходить постепенно. Если прямой негативный эффект ограничительных мер выпадет в основном на этот квартал, то их побочные эффекты все же проявятся в будущем. Более 80% предприятий в различных отраслях затронуты пандемией коронавируса и ограничительными мерами. Их деловые настроения значительно упали. Потребуется время, чтобы восстановить бизнес-процессы, логистику и производственные цепочки, компенсировать потери прибыли и доходов, нарастить резервы и тем или иным образом использован-

ные сбережения. Это, наряду с неопределенностью развития внешних условий, будет сдерживать производственную, инвестиционную и потребительскую активность.

В этих условиях объем ВВП в 2020 году будет ниже, чем за аналогичный период прошлого года, то есть годовые темпы экономического роста будут отрицательными. Экономический рост в 2021–2022 годах будет во многом носить восстановительный характер. Прогнозное значение роста ВВП составляет 3-5% в 2021 году и 1,5-3,5% в 2022 году.

Продолжение реализации национальных проектов также будет способствовать росту ВВП. При этом в базовый прогноз целесообразно включать только уже принятые меры бюджетной поддержки. Ослабление денежно-кредитных условий под влиянием текущей денежно-кредитной политики также будет способствовать снижению роста экономики и внутреннему спросу. Поэтому поддержание процесса кредитования, которое может возрасти с 3-8% в этом году до 6-11% в 2021-2022 годах является крайне важным инструментом Банком России.

Список литературы

1. Аналитики оценили ущерб экономике России от коронавируса / РБК // [Электронный ресурс] Режим доступа – <https://www.rbc.ru/economics/04/02/2020/5e3986b99a79473a58036d5a> (дата обращения 05.09.2020)

2. Анализ активных и пассивных операций коммерческого банка [Электронный ресурс] Режим доступа: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=kHwoCEqH9Ba24Ku%2BGxf7RKx1AV7InVybCI. (дата обращения 05.09.2020).

3. Доклад о денежно-кредитной политике № 2 (30) апрель 2020 [Электронный ресурс] Режим доступа https://cbr.ru/Collection/Collection/File/27862/2020_02_ddcp.pdf. (дата обращения: 06.09.2020)

4. Обзор финансовой стабильности № 1 (16) IV квартал 2019 – I квартал 2020 года [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/view/>(дата обращения 05.09.2020).

5. Солдатова С.С., Пивкина К.Р., 2020. Экономические последствия пандемии «сovid-19» для России // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet» №2/2020: 260-264.

6. Сценарии восстановления мировой экономики после кризиса во многом зависят от политики государств [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://penzaneews.ru/analysis/142007-2020>. (дата обращения 05.09.2020).

7. Федеральный закон от 03.04.2020 № 106-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке

Российской Федерации (Банке России)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа».

8. Финансово-экономические кризисы последних десятилетий и их влияние на экономику России / Прайм // [Электронный ресурс] – <https://1prime.ru/science/20190402/829858467.html> (дата обращения 06.09.2020)

9. Экономике России ждут пять шоков в результате пандемии коронавируса /NEWS// [Электронный ресурс] – <https://www.newsru.com/finance/09apr2020/rus5shocks.html> (дата обращения 05.09.2020)

10. Экономический кризис 2020 года – причины и прогнозы [Электронный ресурс] Режим доступа:

<https://iamforextrader.ru/ekonomicheskij-krizis-2020-prichiny-i-prognozy-dlya-finansovyhgynkov/>(дата обращения 05.09.2020).

11. Финансовый механизм обеспечения инновационного процесса Глаголев С.Н., Ваганова О.В. Мировой журнал прикладных наук. 2013. Т. 25. № 12. С. 1729-1734.

12. Анализ показателей эффективности экономики макрорегионов (на примере центрального федерального округа) Владыка М.В., Ваганова О.В., Кучерявенко С.А., Быканова Н.И. Общественные науки (Пакистан). 2016. Т. 11. No. 15, pp. 3728-3733.

13. Стратегический менеджмент: теория, методология, практика / С. Н. Глаголев, Ю. А. Дорошенко, П. П. Табурчак и др. / Под ред. Ю. А. Дорошенко. Белгород: Изд-во БГТУ, 2013. 166 с.

14. Инновационное развитие экономических систем в условиях глобализации: коллективная международная монография / Под общ. ред. д-ра пед. наук, проф. Е. Н. Камышанченко, канд. экон. наук, доц. Ю. Л. Растопчиной. Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. 380 с.

References

1. Analysts estimated the damage to the Russian economy from coronavirus / RBC / [Electronic resource] access Mode – <https://www.rbc.ru/economics/04/02/2020/5e3986b99a79473a58036d5a> (Accessed 05 September 2020)

2. Analysis of active and passive operations of a commercial Bank [Electronic resource]

access mode:
https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=kHwoCEqh9Ba24Ku%2BGxf7RKhlAV7InVybCI. (Accessed 05 September 2020).

3. Report on Monetary Policy No. 2 (30) April 2020 [Electronic resource] access Mode https://cbr.ru/Collection/Collection/File/27862/2020_02_ddcp.pdf. (Accessed 06 September 2020)

4. Financial stability Review No. 1 (16) IV quarter 2019 – I quarter 2020 [Electronic resource] access Mode: <https://docviewer.yandex.ru/view/> (Accessed 05 September 2020).

5. Soldatova S. S., Pivkina K. R., (2020). Economic consequences of the covid-19 pandemic for Russia // scientific and educational journal for students and teachers "StudNet" # 2/2020: 260-264.

6. Scenarios for the recovery of the world economy after the crisis largely depend on the policy of States [Electronic resource] access Mode: <https://penzanews.ru/analysis/142007-2020>. (Accessed 05 September 2020).

7. Federal law No. 106-FZ of 03.04.2020 "On amendments to the Federal law "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)" and certain legislative acts of the Russian Federation regarding the specifics of changing the terms of credit or loan agreements".

8. Financial and economic crises of recent decades and their impact on the Russian economy / Prime // [Electronic resource] – <https://1prime.ru/science/20190402/829858467.html> (Accessed 06 September 2020)

9. Russia's economy faces five shocks as a result of the coronavirus pandemic /NEWS// [Electronic resource] – <https://www.newsru.com/finance/09apr2020/rus5shocks.html> (Accessed 05 September 2020)

10. Economic crisis of 2020 – causes and forecasts [Electronic resource] access mode:

<https://iamforextrader.ru/ekonomicheskij-krizis-2020-prichiny-i-prognozy-dlya-finansovyh-rynkov/> (Accessed 05 September 2020).

11. The financial mechanism to ensure the innovation process Glagolev S.N., Vaganova O.V. World Applied Sciences Journal. 2013. T. 25. No. 12. pp. 1729-1734.

12. Analysis of efficiency indicators of a macro regions economy (on the example of the central federal district) Vladyka M.V., Vaganova O.V., Kucheryavenko S.A., Bykanova N.I. The Social Sciences (Pakistan). 2016. Vol. 11. No. 15, pp. 3728-3733.

13. Strategic management: theory, methodology, practice [Strategicheskij menedzhment: teoriya, metodologiya, praktika] / S. N. Glagolev, YU. A. Doroshenko, P. P. Taburchak and others / Ed. Yu. A. Doroshenko. Belgorod: Publishing house of BSTU, 2013. 166 p.

14. Innovative development of economic systems in the context of globalization [Innovatsionnoye razvitiye ekonomicheskikh sistem v usloviyakh globalizatsii]: a collective international monograph / Ed. ed. PHD, prof. Ye. N. Kamyshanchenko, PHD, Assoc. YU. L. Rastopchinoy. Belgorod: Publishing House «Belgorod» NRU «BelGU», 2014. 380 p.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Байгузина Л.З., кандидат экономических наук, доцент ИНЭФБ БашГУ, УРМЦ по финансовой грамотности ИРО РБ, (Уфа, Российская Федерация)

Baiguzin L.S., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Bashkir State University, Ufa Regional Methodological Center for Financial Literacy, Institute for Education Development, Republic of Bashkortostan, Ufa, Russian Federation

УДК 316.334.2

DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-11

Булатова А.И.

**Роль и значение финансовой грамотности населения
для эффективного развития экономики России
на примере республики Башкортостан**

Башкирский государственный университет,
Уфимский региональный методический центр повышения финансовой грамотности Инсти-
тута развития образования Республики Башкортостан;
г. Уфа, ул. Мингажева, 120, 450005

e-mail: ufaletter@yandex.ru

Аннотация.

В статье выявлены теоретические аспекты понятия «финансовая грамотность», ее место и роль в функциональной грамотности человека. Приведен анализ федеральной и региональной законодательной нормативной базы в области развития финансовой грамотности России. Выявлен уровень и современные тенденции в области финансовой грамотности. Реализован социологический опрос молодежи об уровне финансовой грамотности. Сформулированы существующие проблемы и недостатки. Предложены рекомендации по повышению эффективности проводимых мероприятий по повышению финансовой грамотности.

Ключевые слова: финансовая грамотность населения; программа повышения финансовой грамотности, сбережения, инвестиции, финансовая устойчивость семьи.

Информация для цитирования: Булатова А.И. Роль и значение финансовой грамотности населения для эффективного развития экономики России на примере Республики Башкортостан // Научный результат. Экономические исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 98-109. DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-11

Aisylu I. Bulatova

**The role and significance of financial literacy
of the population for effective development of the Russian
economy on the example of the Republic of Bashkortostan**

Bashkir State University, Ufa Regional Methodological Center for Financial Literacy,
Institute for Education Development, Republic of Bashkortostan,
Ufa, 120 Mingaev St., 450005

e-mail: ufaletter@yandex.ru

Abstract

The study revealed theoretical some aspects of the concept of financial literacy, its place and role in human functional literacy. An analysis of the federal and regional legislative framework in the field of financial literacy development of Russia is given. The level and current trends in financial literacy was identified. A sociological survey of young people on the level of financial literacy was implemented. Existing problems and shortcomings were identified. Recommendations were made to improve the effectiveness of financial literacy activities.

Key words: financial literacy of the population; financial literacy program, savings, investment, financial sustainability of the family

Information for citation: Bulatova A.I. "The role and significance of financial literacy of the population for effective development of the Russian economy on the example of the Republic of Bashkortostan", *Research Result. Economic Research*, 6(4), 98-109, DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-11

Введение

Одной из основных проблем возникновения кризиса, растущей просроченной задолженности по кредитам, снижающейся тенденции развития в целом по банковской отрасли является недостаточный уровень информированности населения о финансовом секторе экономики. С этим связано и отсутствие у значительной части населения культуры рационального обращения с деньгами, отсутствие привычки финансового планирования, семейного бюджетирования и т.д.

Высокий уровень закредитованности населения, ужесточение условий банковского кредитования и обширный теневой сектор экономики способствуют стремительному развитию в России рынка микрофинансовых услуг. Потенциальные заемщики либо не могут, либо не хотят обращаться в банки. В этом случае на смену банкам приходят микрофинансовые организации, которые согласны выдать кредит практически любому, под гораздо более высокий процент.

Так, например, 2019 год граждане России встретили с долгами перед банками в размере, превышающем 14 трлн рублей. Кроме того, по данным ВЦИОМ, более половины россиян имеют непогашенные кредиты (51%) (ВЦИОМ, 2019).

Очень распространенной ситуацией является покрытие старых долгов с помощью новых займов, что приводит к закредитованности населения и проблемам с банками и коллекторами.

Такая ситуация связана не только с падением реальных доходов населения (поскольку долги по кредитам начали накапливаться еще до кризиса), но и в том,

что граждане РФ в большинстве своем финансово не грамотны и берут займы, не думая о последствиях. Низкий уровень финансовой грамотности негативно влияет на личное благосостояние и финансовый потенциал домашних хозяйств, ухудшает ресурсную базу финансовых организаций, препятствует развитию финансового рынка, затормаживает инвестиционные процессы в экономике и приводит к ухудшению социально-экономического положения страны.

В процессе формирования личности человек осваивает различные компетенции, которые позволяют использовать в течение жизни знания, умения и навыки для решения максимально широкого диапазона жизненных задач в различных сферах человеческой деятельности, общения и социальных отношений. Это подразумевает формирование функциональной грамотности личности. Эксперты Всемирного экономического форума в Женеве в 2015 г. сошлись во мнении, что функциональная грамотность, включает в себя: математическую грамотность, читательскую грамотность, естественно-научную грамотность, финансовую грамотность, ИКТ-грамотность и гражданскую грамотность.

А так ли важно владеть функциональной грамотностью? Всемирная организация здравоохранения включила функциональную грамотность в список из 12 показателей, характеризующих здоровье нации (Ковалева, 2017).

Функциональная грамотность населения является залогом успешного экономического, политического развития страны, ее безопасности и конкурентоспособности.

Нами была поставлена основная цель – выявление существующих проблем и разработка технологии повышения эффективности мероприятий по финансовой грамотности. Для реализации поставленной цели был решен ряд задач:

1. Определение теоретических аспектов финансовой грамотности населения на основе анализа отечественной и зарубежной научной литературы. Ее место и роль в функциональной грамотности человека.

2. Анализ развития федеральной и региональной законодательной основы в области финансовой грамотности России на примере Республики Башкортостан

3. Оценка уровня и современных тенденций в области развития финансового знания населения на основе исследований, проведенных различными исследовательскими центрами.

4. Проведение собственного социологического исследования молодежи о существующих проблемах и недостатках по финансовой грамотности

5. Формулирование существующих проблем и предложение рекомендаций повышения эффективности программы по финансовой грамотности населения.

Работа выполнена на основе анализа научных источников отечественной и зарубежной литературы, обобщения статистических материалов различных официальных документов органов управления и других, влияющих на процесс повышения финансовой грамотности, а также данные социологических опросов Национального агентства финансовых исследований (НАФИ), Всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ) и др.

В ходе исследования был структурирован учебный материал в соответствии с поставленными задачами, организовано активное взаимодействие со школьниками старших классов, а также со студентами, проведена серия опросов и наблюдений с последующим анализом методом сравнения и группировки. В собственном социологическом исследовании приняли участие 240 человек в возрасте от 16 до 20 лет. В

марте – апреле 2019 года студентов Башкирского государственного университета, в сентябре 2019 года социологического опроса среди школьников 10-11 классов МБОУ «Школа № 101 с углубленным изучением экономики» г. Уфы на тему: «Уровень оценки финансовой грамотности».

Опытно-экспериментальной базой исследования являлся ФГБОУ ВО Башкирский государственный университет, Уфимский методический центр по повышению финансовой грамотности ГАУ ДПО Институт развития образования Республики Башкортостан, МБОУ «Школа № 101 с углубленным изучением экономики» г. Уфы.

Основная часть

Под финансовой грамотностью чаще всего понимают способность физических лиц управлять своими денежными средствами и принимать эффективные финансовые решения, как в текущем периоде, так и на долгосрочную перспективу. При этом в разных странах существуют разные подходы к определению финансовой грамотности.

Приведем некоторые из них:

1. Личная финансовая грамотность – это умение читать, анализировать и управлять личными финансовыми активами [Anthes, 2004].

2. Под финансовой грамотностью понимается способность оценивать новые, комплексные финансовые инструменты и принимать обоснованные решения, как в выборе инструментов, так и в степени их использования, обеспечивающей оптимальную реализацию наилучших долгосрочных прибылей [Mandell, 2007].

3. Финансовая грамотность – это знание основных финансовых понятий, таких как работа со сложными процентами, разница между номинальными и реальными значениями, а также основы диверсификации рисков [Lusardi, 2008].

4. Финансовая грамотность – это показатель степени, в которой человек пони-

мают ключевые финансовые понятия и процессы, обладает способностью и уверенностью в управлении личными финансами посредством соответствующих краткосрочных решений и надежного долгосрочного финансового планирования, с учетом жизненных реалий и экономических условий. [Remund, 2010].

5. Под финансовой грамотностью понимается совокупность финансовой осведомленности, знаний, навыков, установок и моделей поведения, необходимых для принятия обоснованных финансовых решений и, в конечном счете, способность достичь индивидуального финансового благополучия [Atkinson and Messy, 2012].

6. Финансовая грамотность является многоаспектной концепцией, включающей в себя всеобъемлющий подход, осведомленность и отношение к финансам [Сарена and Zia, 2018].

7. По мнению Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) под понятием финансовой грамотности понимается «сочетание осведомленности, знаний, навыков, отношения и поведения, которые необходимы для принятия обоснованных финансовых решений и в конечном итоге достижения индивидуального финансового благополучия» [OECD, 2011].

С точки зрения развития отечественной мысли большой вклад в разработку базисных теоретических и методологических положений о влиянии финансовой грамотности на эффективное развитие экономики России внесли такие российские экономисты как: Манахова И.В., Шевяков М.Ю., Белехова Г.В., Зеленцова А.В., Блискавка Е.А. и Демидов Д.Н., Борануков А.В., Моисеева Д.В., Кузина О.Е., Ковалева С.Г. и ряд других исследователей.

Изучив мнение большинства исследователей, вовлеченных в исследование сущности финансовой грамотности, можно сформулировать понятие финансовой грамотности как знание, навыки и установки использования финансовых услуг для удо-

влетворения основных финансовых потребностей.

Трактовка понятия «финансовая грамотность» широко представлена в работах зарубежных ученых, а вот работ российских авторов очень мало. Поэтому исследования в данной области актуальны и востребованы.

Рассмотрим хронологию принимаемых нормативно-правовых актов и программ повышения финансовой грамотности в Российской Федерации и на уровне регионов (на примере Республики Башкортостан):

1. 2006 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин «... Фактором формирования более современного и жизнеспособного общества является развитие финансового просвещения населения».

2. 2008 г. Повышение финансовой грамотности обозначено в качестве одного из основных направлений формирования инвестиционного ресурса страны в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. N 1662-р.

3. 2009 г. Приказ Федеральной службы по финансовым рынкам России от 24 сентября 2009 г. №09-237/пз «Об основных направлениях деятельности, направленной на повышение уровня финансовой грамотности населения». Разработана «Концепция Национальной программы повышения уровня финансовой грамотности населения Российской Федерации».

4. 2011 г. Министерством финансов Российской Федерации совместно с Мировым банком начата реализация Проекта «Содействия повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации»

5. 2012 г. Решение Президиума Государственного совета «Об усилении государственных гарантий защиты прав потребителей в Российской Федерации», в котором отражена необходимость разработки и

принятия дополнительных мер по защите прав потребителей финансовых услуг.

6. С 2013 года в российских школах вводится предмет «финансовая грамотность».

7. 2014 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин высказался о важности повышения финансовой грамотности и постоянном внимании к этой области.

С 2014 года, в рамках реализации Проекта Минфина России «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации» на постоянной основе проводятся всероссийские информационно просветительские мероприятия. В их числе Неделя сбережений для взрослого населения (проводимая осенью) и Неделя финансовой грамотности для детей и молодежи (проводимая весной).

8. Распоряжение Правительства РФ от 25 сентября 2017 г. № 2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017 – 2023 гг.»

В Республике Башкортостан, начиная с 2008 года, проводится системная работа по повышению финансовой грамотности населения.

Так, в разные периоды времени были разработаны различные нормативно-правовые акты регионального уровня. На сегодняшний день актуальным является Распоряжение от 4 августа 2015 года № 828-р «Об утверждении плана мероприятий по повышению уровня финансовой грамотности населения Республики Башкортостан на 2015-2018», утвержденное Правительством Республики Башкортостан.

По отдельным проектам регион находится в числе пилотных. Так, например, с 2016 года Республика включена в число российских регионов, где реализуется программа «Бюджетная грамотность для старшеклассников». Курс включен в

программу внеурочной деятельности или дополнительного образования и рассчитан на учеников 10-х классов.

В рамках реализации проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации» на региональном уровне открыт Уфимский региональный методический центр по повышению финансовой грамотности системы общего и профессионального образования при Институте развития образования Республики Башкортостан в июне 2016 года. Уфимский РМЦ является составной частью Федеральной методической сети по финансовой грамотности системы общего и профессионального образования в Республике Башкортостан ГАОУ ВО НИУ «Высшая школа экономики». Оказывает услуги по созданию кадрового потенциала учителей, методистов, администраторов образовательных организаций в области финансовой грамотности, а также эффективной инфраструктуры по поддержке их деятельности по распространению финансовой грамотности. За период с сентября 2018 года по 2019 год обучено порядка 850 педагогов. Все мероприятия проходят под непосредственным контролем Министерства финансов РБ и Министерства образования РБ.

Для оценки современного уровня финансовой грамотности населения воспользуемся данными исследования, проведенного летом 2018 года НАФИ в рамках совместного Проекта Минфина России и Всемирного банка «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». В результате был составлен рейтинг финансовой грамотности регионов, проведенного в каждом из 85 субъектов Российской Федерации (рис. 1) (Национальная программа «Дружи с финансами, 2018).

Рис. 1. Распределение регионов по уровню финансовой грамотности
Fig. 1. Distribution of regions by level of financial literacy

Регионы упорядочены по значению Индекса – от наибольшего значения до наименьшего. Группа А (места 1-16), группа В (места 17-33), Группа С (места 34-52), Группа D (места 53-69), Группа E (места 70-85).

Интегральный индекс включает в себя три компонента: знания, навыки и установки в отношении финансов.

Уровень развития регионов рассмотрим на примере Республики Башкортостан. Так, совокупный индекс располагается в середине рейтинга «С» (места 34-52), по уровню знаний и установок также значения определяются на уровне «С», а вот по уровню владения навыками Республика Башкортостан находится в группе D (места 53-69).

Анализ данных исследования позволяет сформулировать следующие выводы:

1. По индикатору «финансовая устойчивость семьи», выражающему положительный ответ респондентов: «Если Ваша семья потеряет основной источник дохода, как долго Вы сможете оплачивать все необходимые расходы, не занимая денег?», % ответивших «Не меньше месяца» есть отрицательное отклонение от федерального уровня (42% РФ; 40% РБ). Это может свидетельствовать об отсутствии возможности формировать «подушку безопасности» в связи с невысоким уровнем заработных плат, причем уровень формирования сбережений в РБ на 7% выше, чем в целом по России (17% РФ; 24% РБ).

2. По индикатору «распознавание финансовых пирамид» уровень региона также отстает от федерального уровня (26% РФ; 24% РБ).

3. Достаточно интересным видится расклад по выделенным сегментам. Например, по типу населенного пункта, финансовая устойчивость сельского населения выше при потере основного источника дохода; сельские жители более склонны к формированию сбережений. Но городские жители в силу больших технических возможностей чаще проводят безналичную оплату покупок, используют мобильный и интернет-банк, имеют выше уровень знаний в распознавании финансовых пирамид, они более грамотны в процедуре подписания договоров.

4. Парадоксальным на наш взгляд, видится то, что население с высшим образованием менее склонно к сбережениям, чем без него (22% с высшим, 24% – без высшего).

5. Уровень имеющегося образования практически не влияет на грамотное подписание договоров (с высшим образованием 20%, без высшего – 21%).

6. Наибольшие расхождения в процентах ответов в сегменте «по полу» выделяются такие индикаторы, как «финансовая устойчивость семьи» (мужчины – 45%, женщины 37%), «формирование сбережений» (женщины 26%, мужчины 21%), «сбережения в форме вкладов» (мужчины 38%, женщины 32%).

7. По сегменту возрастных групп, «финансовая устойчивость семьи», «сбережения в форме вкладов» уровень снижается после 44 лет; «использование банковских карт» уровень высокий практически для всех возрастных категорий, кроме 60-79 лет (53%). «Использование мобильного и интернет-банков» снижается после 44 лет. «Распознавание финансовых пирамид» более свойственно группе 25-34 лет, уровень грамотного подписания договоров выше у возрастной категории 35-44 лет (25%). «Уровень доверия к банкам» растет с 18 до 44 лет (64-72%), с 45 лет он начинает снижаться.

Для понимания потребности в повышении уровня финансовой грамотности и ее оценки населением России, воспользуемся данными результатов социологического опроса, проведенного НАФИ совместно с Российским микрофинансовым центром и Фондом Сити в начале 2018 года. В качестве опрашиваемых были вовлечены клиенты – физические лица и финансовые консультанты различных организаций. Так, были выявлены несоответствия между уровнем понимания параметров получаемых финансовых услуг населения и мнением представителей финансовых организаций о ясности оказываемых услуг для клиентов. 52% против 82% соответственно.

Чуть меньше половины опрошенных

респондентов старше 18 лет (44%) испытывают потребность в повышении своего уровня финансовой грамотности. Практически одинаковые распределения ответов на вопрос о том, кто должен заниматься повышением финансовой грамотности (68% финансовые организации, 70% клиенты) (НАФИ, 2018).

Более 70% представителей финансовых организаций считают, что реализовывать финансовую грамотность должно государство в лице образовательных организаций и сами финансовые институты, а сами граждане дают на этот вопрос всего лишь 38% ответов.

Однако, опросы среди молодежи ВЦИОМ в 2018 г среди 15-17 летних показал, что только каждый пятый испытывает потребность в знаниях о финансах (ВЦИОМ, 2018).

Из наиболее приоритетных тем с точки зрения понимания и владения навыками клиенты выделяют: финансовое мошенничество, вопросы защиты прав потребителей, оценку рисков на рынке финансовых услуг, пенсионное обеспечение. К более продвинутым темам с точки зрения знания, владения отнесены: отслеживание состояния личных финансов, планирование доходов и расходов, выполнение обязанностей налогоплательщика (рис. 2) (НАФИ, 2018).

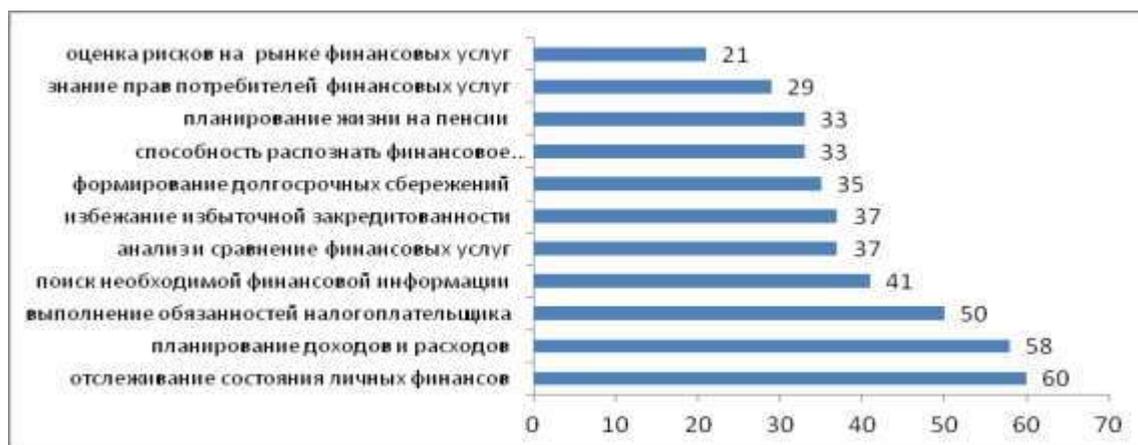

Рис. 2. Распределение ответов респондентов по уровню знания различных аспектов финансовой грамотности

Fig. 2. Distribution of respondents' answers by the level of knowledge of various aspects of financial literacy

Учитывая текущие кризисные события в экономике России, достаточно интересным представляются результаты проведенного исследования в марте 2020 года НАФИ. Общее количество опрошенных составило 1600 человек старше 18 лет в 136 населенных пунктах в 50 регионах России. Выборка построена на данных официальной статистики Росстат и репрезентирует население РФ по полу, возрасту, уровню образования и типу населенного пункта. Статистическая погрешность данных не превышает 3,4% (НАФИ, 2020).

Исследование было направлено на выявление выбираемых стратегий финансового поведения населения в кризис.

Так, при недостаточности текущих денежных средств граждане предпочитают брать займы друг у друга (49%), в меньшей степени в виде банковских кредитов (до 20%). Вполне возможно это связано с

большой закредитованностью населения и достаточно дорогой стоимостью кредитных средств.

Наибольшее количество ответов (36%) при проблемах с финансами стремятся сокращать расходы, 15% респондентов заявили, что нашли дополнительный заработок и только 8% использовали сформированные свои сбережения.

В среднем по стране более 30% россиян за последний год сталкивались с ситуацией, когда доходов не хватает на покрытие всех текущих расходов.

Касаемо формирования сбережений и инвестиций населения, за последние три года россияне в тройку рейтинга выбирают инвестиции, связанные с приобретением недвижимости, открытием вкладов в банках, вложения в драгоценные металлы. Рассмотрим возможные варианты распределения ответов в таблице (НАФИ, 2020).

Таблица

Динамика распределения ответов респондентов по способу вложения денежных средств с точки зрения надежности*

Table

Dynamics of the distribution of respondents' answers by the method of investing money in terms of reliability

Варианты вложений	2017г	2019г	2020г
Покупка недвижимости	49	44	40
Открытие счета/вклада в государственном банке	25	20	23
Покупка золота, драгоценностей	21	25	21
Накопление денег в рублях и их хранение в наличном виде	21	17	15
Покупка иностранной валюты и ее хранение в наличном виде	17	15	11
Открытие счета/вклада в коммерческом банке	6	5	9
Покупка акций предприятий (в том числе через услуги брокеров)	6	6	8
Вложения в паевые инвестиционные фонды (ПИФы)	3	2	3
Вложения в негосударственные пенсионные фонды	3	3	3
Другое	2	4	2

*Сумма ответов превышает 100%, поскольку разрешалось выбирать несколько ответов

В ходе проведения собственного исследования был структурирован учебный материал в соответствии с поставленными задачами, организовано активное взаимодействие со школьниками старших классов, а также со студентами, проведена серия опросов и наблюдений с последующим

анализом методом сравнения и группировки. В социологическом исследовании автора приняли участие 240 человек в возрасте от 16 до 20 лет. В марте – апреле 2019 года студентов Башкирского государственного университета, в сентябре 2019 года социологического опроса среди

школьников 10-11 классов МБОУ «Школа № 101 с углубленным изучением экономики» г. Уфы на тему: «Уровень оценки финансовой грамотности».

Были получены следующие выводы:

1. Примерно половина опрошенных (55%) считают себя финансово грамотными людьми и контролируют формирование и расходование личных финансов. Но остается другая половина, которая нуждается в разъяснении разного рода финансовых вопросов. Таким образом, это доказывает необходимость внедрения специального курса по финансовой грамотности для различных аудиторий в зависимости от возраста и потребностей.

2. Наибольшую заинтересованность опрашиваемые проявляют в отношении мероприятий, построенных на использовании интерактивных форм обучения, с демонстрацией фильмов, презентаций, компьютерных деловых игр, т.е. с применением интернет-технологий.

3. Сложности в расчетных задачах, связанных с финансами в большей степени вызывают задачи со сложными процентами.

4. Более интересными темами респонденты выделяют: «сбережения и инвестиции», «платежи и расчеты», «защита от мошенничества», «современные банковские продукты и услуги». Молодежь особо активно интересуется цифровыми технологиями расчетов, такими как криптовалюты.

5. Менее прозрачными и понятными темами являются: «страхование», «налогообложение», «пенсия система РФ».

6. 53% учащихся имеют правильное понимание соотношения «риск – доходность» при выборе финансовых продуктов.

7. 67% респондентов отметили необходимость в формировании «подушки безопасности» на случай кризисных ситуаций.

8. Лучшим образом воспринимается материал, подкрепленный конкретным примером, образцом платежного документа, договора, заявления, анкеты.

Нами было проведено исследование регионального уровня грамотности на примере Республики Башкортостан. В совокупный уровень финансовой грамотности вошли такие индикаторы как «финансовая устойчивость семьи», «склонность к сбережениям» и т.д., но это параметры, которые демонстрирует поведение населения.

Чтобы картина была более полной в масштабах страны, важно также оценить эффективность мер принимаемых органами управления на уровне региона в области финансового просвещения.

Проанализировав отчет о выполнении плана мероприятий по повышению уровня финансовой грамотности населения Республики Башкортостан за 2019 год (Отчет Правительства Республики Башкортостан, 2019), мы можем сделать следующие выводы:

1. В реализации региональной программы задействованы такие институты как: БРО Финпотребсоюз, Ассоциация кредитных и финансовых организаций РБ, вузы, Минобразования РБ, Институт развития образования РБ, Отделение – Национальный банк РБ, Минфин РБ, Агентство печати РБ, Роспотребнадзор по РБ, УФНС по РБ, Торгово-промышленная палата РБ и другие. Это говорит о высоком уровне заинтересованности региона в области финансового просвещения.

2. Проведено достаточно большое количество различных мероприятий, в том числе, направленных на создание кадрового потенциала, разработку и реализацию образовательных программ и кампаний, создание системы эффективных и доступных информационных ресурсов, консультационную поддержку, мониторинг уровня финансовой грамотности населения РБ.

3. Ведется активная работа Уфимским региональным методическим центром по финансовой грамотности системы общего и среднего профессионального образования Института развития образования по обучению педагогов, проведению просветительских мероприятий населения.

4. Для построения рейтинга, было бы полезно изучить опыт других регионов в проводимых мероприятиях. В этом случае поведенческие установки населения и проводимые мероприятия во взаимосвязи дали бы общую картину по регионам и по всей стране в целом.

Заключение

Таким образом, выполненное исследование дает возможность сформулировать следующие рекомендации, которые можно было бы учесть при разработке программы повышения финансовой грамотности населения региона:

1. Учитывать значения индикаторов уровня финансовой грамотности региона (финансовая устойчивость семьи, склонность к сбережениям и т.д).

2. Сопоставлять отклонения значений от федерального уровня.

3. Оценивать роль и возможности региональных властей, а также институтов, вовлеченных в финансовое просвещение.

4. Формировать группы слушателей в зависимости от таких параметров, как «тип населенного пункта», «возрастная категория», поскольку они демонстрируют различные поведенческие установки. В соответствии с чем, в предлагаемых темах необходимо делать акцент на проблемные зоны.

5. До проведения и после проведения обучения с группой проводить срез знаний на основе тестовых заданий.

6. Применять в большей степени интерактивные формы обучения.

7. Материал желательно подкреплять конкретным примером, образцом платежного документа, договора, заявления, анкеты и т.д.

8. Учитывать возрастные особенности. Например, молодежь быстрее осваивает технические инновации в финансовой сфере, а более старшее поколение потребует большего количества времени.

9. Упор в обучении делать на темы, вызывающие больше проблем в понимании и обладании соответствующими навы-

ками: «оценка рисков на рынке финансовых услуг», «знание прав потребителей», «финансовое мошенничество», «пенсионное обеспечение».

10. Раскрывать больше информации о способах инвестирования денежных средств, нетрадиционных для Российской Федерации.

11. Осуществлять консультативную деятельность по практическому использованию банкоматов, терминалов, интернет-банкинга, мобильного-банкинга и т.д.

12. Включить в обязательном порядке в учебные планы занятия по финансовой грамотности во все образовательные учреждения.

13. Мотивировать и стимулировать непосредственных исполнителей программы по повышению финансовой грамотности, поскольку большая доля всех мероприятий осуществляется на основе волонтерской инициативы отдельных людей.

14. Предоставлять максимально широкую информационную кампанию о проводимых мероприятиях населению.

15. Важно увеличивать степень охвата отдаленных районов интернетом. Например, Республика Башкортостан характеризуется сравнительно невысоким удельным весом жителей крупных городов. К примеру, главной причиной, по которой жители села не видят необходимости открывать банковскую карту, является отсутствие доступа в селе к сети интернет, отсутствие банкоматов, а также домашнего персонального компьютера. Жители Уфы же практически не испытывают проблем с доступом к интернету.

Считаем необходимым разрабатывать концепцию повышения финансовой грамотности населения с учетом вышеуказанных интересов и мотивации обучающихся, а также с участием непосредственных практиков в области финансовых рынков, банковского, страхового, инвестиционного дела.

В заключение следует отметить, что Республика Башкортостан на протяжении длительного периода времени проводит

активную работу по повышению уровня финансовой грамотности населения. За это время накоплен богатый опыт по приобщению школьников и педагогов к изучению финансовых дисциплин. Положительный опыт данного региона возможен для перенятия другими регионами с позиции формирования положительного экономического роста Российской Федерации.

Список литературы

1. Ковалева Г.С., 2017. Финансовая грамотность как составляющая функциональной грамотности: международный контекст // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. – Т.1, № 2 (37): 31–43.

2. Кредитная история: бум или статус-кво? – Сайт Всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ). 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9838>

3. Отчет о выполнении плана мероприятий по повышению уровня финансовой грамотности населения Республики Башкортостан, утвержденного распоряжением Правительства Республики Башкортостан от 4 августа 2015 года № 828-р, за 2019 год. URL: <https://minfin.bashkortostan.ru/documents/reports/283660/>

4. Рейтинг финансовой грамотности регионов России 2018. Национальная программа повышения финансовой грамотности граждан «Дружи с финансами». Режим доступа: <https://karta.vashifinancy.ru/>

5. Стратегии финансового поведения россиян в кризис. Сайт НАФИ. 17.04.2020. URL: <https://nafi.ru/analytics/issledovanie-kak-rossiyane-spravlyayutsya-s-finansovymi-trudnostyami/>

6. Что знают школьники о деньгах? – Сайт ВЦИОМ. 2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116637>

7. 44 % россиян испытывают потребность в повышении финансовой грамотности. – Сайт НАФИ. 2018. URL: <https://www.nafi.ru/analytics/44-rossiyan-isytyvayut-potrebnost-v-povyshenii-finansovoy-gramotnosti/>

8. Anthes W.L., (2004). Frozen in the headlights: The dynamics of women and money / W.L.Anthes // Journal of Financial Planning. 2004. 13 (9). – P. 130-142.

9. Atkinson A., Messy F-A., (2012). Measuring Financial Literacy: Results of the OECD INFE Pilot Study, OECD Working Papers on Finance, Insurance and Private Pensions, OECD Publishing, 2012, 15.

10. Carpena F., Zia B., (2018). The causal mechanism of financial education: Evidence from mediation analysis'. Policy research working paper; The World Bank. – 2018, 8619.

11. Lusardi, A., (2008). Financial literacy: An essential tool for informed consumer choice? / A.Lusardi // Dartmouth College Working Paper. – 2008. URL: http://www.dartmouth.edu/~alusardi/Papers/Lusardi_Informed_Consumer.pdf

12. Mandell, L., (2007). Financial literacy of high school students // Handbook of Consumer Finance Research / J.J.Xiao (ed.) – New York : Springer, 2007. – P.163-183.

13. OECD INFE., (2011). Measuring Financial Literacy: Questionnaire and Guidance Notes for Conducting an Internationally Comparable Survey of Financial Literacy. – 2011. URL: <https://www.oecd.org/daf/fin/financial-education/49319977.pdf>

14. Remund D.L., (2010). Financial literacy explicated: The case for a clearer definition in an increasingly complex economy. Journal of Consumer Affairs, 2010, 44(2). – P.276-295.

References

1. Anthes W.L., (2004). Frozen in the headlights: The dynamics of women and money / W.L.Anthes. Journal of Financial Planning. 2004. 13 (9). – P. 130-142.

2. Atkinson A., Messy, F-A., (2012)Measuring Financial Literacy: Results of the OECD INFE Pilot Study, OECD Working Papers on Finance, Insurance and Private Pensions, OECD Publishing, 2012, 15.

3. Carpena, F., Zia, B., (2018). The causal mechanism of financial education: Evidence from mediation analysis'. Policy research working paper; The World Bank. – 2018, 8619.

4. Credit history: boom or status quo? . Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9838>

5. Kovaleva G.S., (2017). Financial Literacy as a Component of Functional Literacy: International Context. Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. 2017. T.1, 2 (37). 31–43.

6. Lusardi, A., (2008). Financial literacy: An essential tool for informed consumer choice? / A.Lusardi. Dartmouth College Working Paper. – 2008. URL: http://www.dartmouth.edu/~alusardi/Papers/Lusardi_Informed_Consumer.pdf

7. Mandell, L., (2007). Financial literacy of high school students. Handbook of Consumer Finance Research / J.J.Xiao (ed.) – New York : Springer, 2007. – P.163-183.

8. OECD INFE. Measuring Financial Literacy: Questionnaire and Guidance Notes for Conducting an Internationally Comparable Survey of Financial Literacy. – 2011. URL: <https://www.oecd.org/daf/fin/financial-education/49319977.pdf>

9. Rating of financial literacy of the Russia regions. National Program for Improving Financial Literacy of Citizens «Druzhi s finansami». 2018. URL: <https://karta.vashifinancy.ru/>

10. Remund D.L., (2010). Financial literacy explicated: The case for a clearer definition in an increasingly complex economy. Journal of Consumer Affairs, 2010, 44(2). – P.276-295.

11. Report on the implementation of the measures plan to increase the level of the population financial literacy of the Republic of Bashkortostan, approved by the Order of the Government of the Republic of Bashkortostan of August 4, 2015 № 828-r (2019). URL: <https://minfin.bashkortostan.ru/documents/reports/283660/>

12. Strategies of Russians financial behavior in crisis. National Agency of Financial Research (NAFI). 17.04.2020. URL: <https://nafi.ru/analytics/issledovanie-kak-rossiyane-spravlyayutsya-s-finansovymi-trudnostyami/>

13. What do schoolchildren know about money? Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). 2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116637> 44% of Russians need to increase financial literacy. National Agency of Financial Research (NAFI). 2018. URL: <https://www.nafi.ru/analytics/44-rossiyan-istrytyvayut-potrebnost-v-povyshenii-finansovoy-gramotnosti/>

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Булатова Айсилу Идаровна, кандидат социологических наук, доцент

Доцент кафедры «финансы и налогообложение» Башкирский государственный университет;

Доцент Уфимского регионального методического центра по финансовой грамотности Института развития образования Республики Башкортостан

Bulatova Aysylu Idarovna, PhD (Sociology), Associate Professor,

- Associate Professor, Department of Finance and Taxation, Bashkir State University;

- Associate Professor, Ufa Regional Methodological Center for Financial Literacy, Institute for the Education Development of the Republic of Bashkortostan, (Уфа, Россия)

УДК 336.71

DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-12

Тарасова Т.Ю.

**Трансформация способов продвижения
банковских продуктов в современных условиях**

Отделение по Белгородской области Главного управления Центрального банка
Российской Федерации по Центральному федеральному округу
пр-т Славы, 74, г. Белгород, 308000, Россия

e-mail: tatynatarasova@gmail.com

Аннотация

В статье обсуждаются основные тенденции, преобладающие на современном этапе развития российского банковского рынка. В качестве одной из характеристик отечественного финансового рынка отмечен устойчивый тренд на сокращение числа банков и их самостоятельных структурных подразделений. В этих условиях подчеркивается значимость исследования проблем финансовой доступности банковских продуктов и услуг потенциальным потребителям. Цель работы состоит в обосновании необходимости развития дистанционных способов предоставления банковских продуктов и услуг для повышения общей финансовой доступности.

Автором проанализировано влияние сокращения количества действующих подразделений кредитных организаций на доступность банковских услуг и продуктов для населения. Рассмотрена динамика показателей обеспеченности населения банковскими услугами в России в сравнении с банковскими секторами развитых стран. По результатам проведенного анализа обозначена проблема низкого уровня финансовой доступности в отдельных регионах нашей страны, а также предложена трансформация способов предоставления банковских продуктов и услуг как возможный вариант её решения. Дана оценка текущего уровня использования населением дистанционных каналов доступа к финансовым услугам на отечественном рынке и обоснована необходимость их дальнейшего развития на основе передовых электронных технологий. Выявлены основные преимущества дистанционных каналов обслуживания, которые рассматриваются как наиболее перспективный способ продвижения и реализации банковских продуктов и услуг потребителям.

Ключевые слова: банки, банковские продукты и услуги, клиенты, финансовая доступность, дистанционные каналы обслуживания.

Информация для цитирования: Тарасова Т.Ю. Трансформация способов продвижения банковских продуктов в современных условиях // Научный результат. Экономические исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. . DOI: 10.18413/2409-1634- 2020-6-4-0-12

Tatiana Y. Tarasova

**Transformation of methods of providing banking products
in modern conditions**

Belgorod Regional Division of the Central Bank of the Russian Federation Main Branch
for the Central Federal District
74 Slavy Ave., Belgorod, 308000, Russia

e-mail: tatynatarasova@gmail.com

Abstract

The article discusses the main trends prevailing at the current stage of development of the Russian banking market. As one of the characteristics of the domestic financial market, a steady trend towards a reduction in the number of banks and their independent structural divisions is noted. In these conditions, the importance of studying the problems of financial availability of banking products and services to potential consumers is emphasized. The purpose of the work is to substantiate the need to develop remote methods of providing banking products and services to improve overall financial availability.

The author analyzed the impact of reducing the number of operating units of credit institutions on the availability of banking services and products for the population. The dynamics of indicators of the provision of the population with banking services in Russia in comparison with the banking sectors of developed countries is considered. Based on the results of the analysis, the problem of a low level of financial availability in certain regions of our country is identified, and the transformation of the methods of providing banking products and services is proposed as a possible solution to it. The assessment of the current level of use by the population of remote channels of access to financial services in the domestic market is given and the necessity of their further development on the basis of advanced electronic technologies is substantiated. The main advantages of remote service channels are identified, which are considered as the most promising way to promote and sell banking products and services to consumers.

Key words: banks; banking products and services; customers; financial availability; remote service channels

Information for citation: Tarasova T. Yu. "Transformation of methods of providing banking products in modern conditions", *Research Result. Economic Research*, 6(4), – , DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-12

Введение

Банковский рынок постоянно изменяется под влиянием различных факторов, что отражается как на деятельности самих банков, их конкурентной позиции, так и на составе, разнообразии предлагаемых банковских продуктов и услуг, на их доступности потребителям. Поэтому для выживания в условиях жесткой рыночной конкуренции кредитным организациям необ-

ходимо для соответствия клиентским запросам и удовлетворения их потребностей не только предлагать востребованные продукты, но и выработать верную маркетинговую стратегию по их продвижению на рынок [Ваховская М.Ю., Овчинникова А.Е., 2019.]. Ведь успех реализации банковских продуктов во многом зависит, кроме их потребительских свойств, еще и от способа предоставления клиенту.

Предположим ситуацию, когда клиент М из существующих на рынке предложений выбрал для себя депозит с максимальной процентной ставкой и желает его оформить в банке N. Территориально банк N находится в регионе X, а клиент проживает в регионе Y, удаленность которых друг от друга составляет 6000 км. Согласно условиям банка N для заключения договора вклада физическое лицо должно обратиться в офис кредитной организации. Клиент М не имеет физической возможности посетить офис выбранного банка, к тому же это будет являться экономически нецелесообразным в связи с высокими транспортными расходами. Данный пример наглядно демонстрирует, что даже банковский продукт с самыми выгодными и привлекательными условиями может не удовлетворить клиентские потребности из-за его финансовой недоступности потенциальным потребителям.

В связи с этим актуальность и важность приобретает исследование трансформации способов предоставления банковских продуктов и услуг на отечественном банковском рынке, которые положительно влияли бы на их финансовую доступность.

Цель данного исследования заключается в обосновании необходимости трансформации способов предоставления бан-

ковских продуктов и услуг в современных условиях, характеризующихся сокращением количества действующих подразделений кредитных организаций на российском рынке, в целях повышения общей финансовой доступности в нашей стране. Попытаемся выявить основные преимущества дистанционных каналов обслуживания и рассмотреть.

Основная часть

Наблюдается устойчивая тенденция сокращения количества кредитных организаций и их самостоятельных структурных подразделений. В 2019 году количество действующих кредитных организаций сократилось с 484 до 442 единиц. Происходящие изменения количества банковских отделений, несомненно, влияют на показатель обеспеченности населения банковскими услугами, рассчитываемый как число внутренних структурных подразделений банков на 100 тыс. жителей, который в России постепенно сокращается [Радковская Н.П., 2019]. Так в 2008 году на 100 тыс. жителей приходилось 27 банковских отделений, а в конце 2018 года этот показатель уже уменьшился до 20,3. Аналогичная динамика исследуемого показателя прослеживается и в банковских секторах развитых стран, что подтверждают данные таблицы 1.

Таблица 1

Количество банковских отделений на 100 тыс. жителей

Table 1

Bank branches per 100 thousand inhabitants

	Годы			
	2008	2010	2013	2016
Россия	27.0	27.1	30.3	23.3
Еврозона	58	55	49	44
Франция	62	59	57	57*
Германия	48	47	45	42*
Италия	58	57	53	48
Нидерланды	21	17	13	10
Испания	99	92	72	62
Швеция	21	20	19	15
Великобритания	20	19	18	
США	27	27	26	26*

	Годы			
	2008	2010	2013	2016
Австралия	25	24	24	22
Канада	25	24	24	23
Япония	16	16	16	16
Страны с формирующимися рынками				
Бразилия	10	9	11	11
Гонконг	20	20	19	17
Индия	9	9	10	12
Корея	15	15	17	16
Мексика	10	10	11	10
* – 2015				

Источник: [Итоги десятилетия 2008-2017]

«Международные сопоставления свидетельствуют о средней степени концентрации банковского бизнеса в России. При этом тенденция к росту концентрации банковского сектора в последнее десятилетие была также характерна для банковских секторов стран еврозоны и США» [Итоги десятилетия 2008-2017].

Для более полной характеристики доступности банковских услуг для населения используется интегральный показатель обеспеченности банковскими услугами, представляющий собой среднее геометрическое значение обеспеченности региона кредитами (кредиты нефинансовым организациям и физическим лицам к объему ВРП региона) и интенсивности сберегательного поведения населения в регионе (объем вкладов населения к среднему душевому доходу и средней численности населения региона) [Тарасова Т.Ю., Флигинских Т.Н., 2016]. Данный показатель, рассчитанный для субъектов РФ, входящих в состав Центрального федерального округа (ЦФО), представлен в таблице 2.

Из данных таблицы 2 наглядно видно, что в ЦФО большинство подразделений кредитных организаций сосредоточены в г. Москве (2805 шт.) и Московской области (1346 шт.). Их общее количество составляет 51,22% от всех банковских подразделений ЦФО и в десятки раз превосходит число структурных подразделений в отдельных субъектах РФ (в Ко-

стромской области – 119 шт.). Наименьший интегральный показатель обеспеченности банковскими услугами (0,70) имеет Тамбовская область. При этом в Смоленской, Орловской, Воронежской и Брянской областях вообще отсутствуют головные организации региональных банков. Все это свидетельствует о неравномерности распределения подразделений кредитных организаций среди субъектов РФ.

В связи с этим в отдельных регионах нашей страны, особенно в малонаселенных или географически удаленных пунктах, возникают проблемы доступа населения к банковским услугам и продуктам. Выходом из этой ситуации может стать использование дистанционных каналов обслуживания (интернет-банкинг, мобильный банкинг, банкоматы, платежные терминалы и прочее), которыми кредитные организации активно стимулируют пользоваться своих клиентов.

Развитие дистанционных каналов доступа к банковским услугам и продуктам имеет большое значение для повышения финансовой доступности в России. Начиная с 2015 года, Банк России регулярно проводит замеры индикаторов финансовой доступности. Согласно официальным данным отмечается устойчивый рост использования населением дистанционных каналов доступа к финансовым услугам и безналичным расчетам. В 2019 году доля таких граждан (среди взрослого населения)

возросла до 55,2% . А количество счетов физических лиц с дистанционным доступом, по которым совершались безналичные операции, увеличилось до 251,8 млн. единиц. В розничном оборо-

те также отмечается превышение безналичных платежей, доля которых составила 64,7%, над расчетами наличными [Аналитическая справка об индикаторах финансовой, 2019].

Таблица 2

Количество подразделений кредитных организаций в ЦФО РФ по состоянию на 01.10.2019, шт.

Table 2

Number of branches of credit institutions in the Central Federal District of the Russian Federation as of 01.10.2019, units

Регион	Головной офис	Филиалы	Представительства	Дополнительные офисы	Операционные кассы вне кассового узла	Кредитно-кассовые офисы	Операционные офисы	Передвижные пункты кассовых операций	Интегральный показатель обеспеченности банковскими услугами
Белгородская область	2	3	4	278	2	20	78	2	0,81
Брянская область	0	2	2	96	0	9	52	0	0,80
Владимирская область	1	2	2	168	8	11	92	6	0,87
Воронежская область	0	11	6	447	1	35	103	5	0,85
Ивановская область	4	2	3	126	0	10	51	3	0,89
Калужская область	3	4	3	118	4	12	66	2	0,90
Костромская область	4	2	2	77	0	4	23	7	0,83
Курская область	1	2	4	144	9	17	54	0	0,92
Липецкая область	1	2	3	199	0	22	57	2	0,73
Московская область	5	2	0	1115	102	33	89	0	1,03
Орловская область	0	5	3	105	0	9	39	2	0,89
Рязанская область	3	3	3	146	3	14	47	2	0,88
Смоленская область	0	2	2	68	5	8	50	5	0,75
Тамбовская область	1	2	2	196	1	12	28	2	0,70
Тверская область	2	4	3	103	3	14	51	0	0,78
Тульская область	1	6	3	144	0	13	94	0	0,98
Ярославская область	2	4	5	159	1	12	66	0	0,94
г. Москва	228	61	11	2086	219	49	150	1	1,76
Центральный федеральный округ	258	119	61	5775	358	304	1190	39	-
Российская Федерация всего	454	647	285	20105	898	2247	5751	290	-

Источник: составлено автором по данным Банка России

Результаты исследования аналитического центра НАФИ подтверждают, что «56% российских граждан пользуются цифровыми каналами управления личными финансами – мобильным приложением или интернет-банком» [Официальный сайт аналитического центра НАФИ, 2020]. При этом в топ-10 регионов с наибольшим числом пользователей цифрового банкинга вошли преимущественно отдаленные регионы нашей страны: Ямало-Ненецкий АО, Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Ханты-Мансийский АО, Чукотский АО, Республика Карелия, Калининградская и Магаданская области, Республика Алтай и Камчатский край.

Среди наиболее распространенных операций, совершаемых пользователями с использованием интернет-банкинга, мож-

но назвать следующие: перевод денежных средств (как внутрибанковский между своими счетами, вкладами и картами, погашение кредита, так и межбанковский перевод сторонним организациям и физическим лицам, последним – чаще всего по номеру телефона) – 76%, оплата услуг (сотовой связи, интернет-провайдеров, ЖКХ, госплатежи) – 65%. А вот 48% пользователей заходят в личный кабинет интернет-банка не для совершения каких-либо операций, а исключительно для контроля личных расходов. Структура внутрибанковских операций физических лиц по результатам опроса, проведенного рейтинговым агентством «Эксперт РА», представлена на рисунке [Официальный сайт АО «Эксперт РА», 2020].

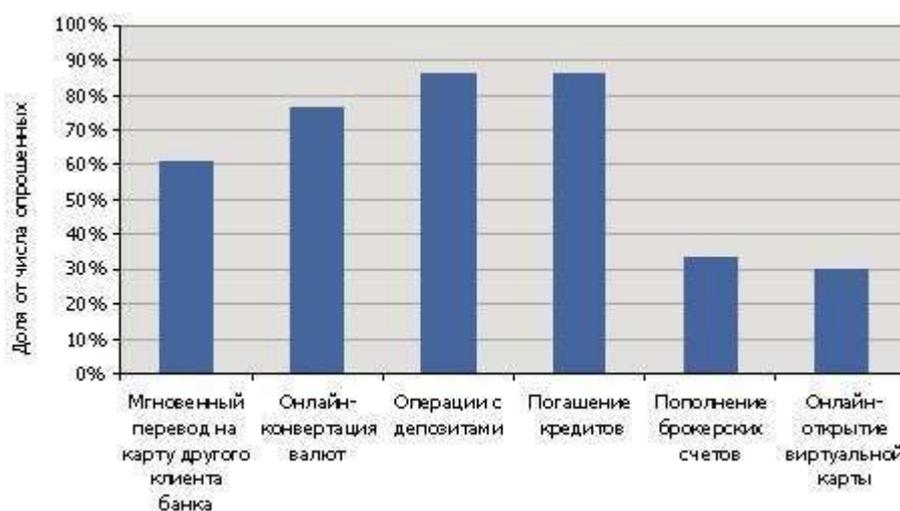

Рис. Структура внутрибанковских операций физических лиц
Fig. The structure of intrabank transactions of individuals

С помощью дистанционных каналов обслуживания клиентам становятся доступны проведение различных операций по своим счетам, а также оформление новых банковских продуктов без посещения офиса банка, что является очень удобным и безопасным в современных условиях угрозы распространения новой коронавирусной инфекции. Автором в своей статье среди основных достоинств дистанционного банковского обслуживания были отмечены: возможность проведения опера-

ции из любой точки мира, круглосуточный доступ к финансовым продуктам и услугам, оперативность выполнения всех банковских операций в онлайн режиме, сниженные тарифы на предоставляемые услуги, экономия времени из-за отсутствия необходимости обращения клиента в офис кредитной организации, сокращение издержек баков на оплату труда и содержание офисов и другие [Тарасова Т.Ю., 2016].

Заключение

Пандемия наглядно обозначила преимущества дистанционного банковского обслуживания для всего населения и необходимость его дальнейшего развития. На фоне пандемии COVID-19 значительно выросла активность использования цифровых платежных сервисов. Ведь находясь в условиях самоизоляции, люди не всегда могли снимать наличные и расплачиваться ими. Поэтому большая часть всех совершаемых расчетов осуществлялась безналичным способом. Сегодня люди уже привыкли к новой реальности, ощутили удобство использования и быстроту цифровых сервисов, поэтому, по мнению автора, рост безналичных операций продолжится и в дальнейшем. А значит, продолжится трансформация способов предоставления банковских продуктов, их цифровизация. И отечественным кредитным организациям, чтобы соответствовать современным реалиям, необходимо развивать и совершенствовать цифровые приложения, обеспечивающие полный доступ ко всему спектру банковских услуг для клиентов. Это позволит им не только сохранить действующую клиентскую базу, конкурентные позиции на рынке, но и выйти на качественно новый уровень предоставления банковских сервисов. Таким образом, банкам в условиях изменяющейся внешней среды и растущих моральных вызовов следует использовать дистанционные каналы обслуживания на основе передовых электронных технологий как основной способ реализации банковских продуктов и услуг потребителям.

Список литературы

1. Аналитическая справка об индикаторах финансовой доступности за 2019 год (по результатам замера 2020 года), 2020 г. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/108660/a_cc_indicators_2019.pdf (дата обращения: 01.11.2020).
2. Ваховская М.Ю., Овчинникова А.Е., 2019. Особенности стратегии продвижения банковского продукта // Устойчивое развитие социально-экономической системы Российской Федерации. Сборник трудов XXI Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 45-49.
3. Итоги десятилетия 2008-2017 годов в российском банковском секторе: тенденции и факторы, 2018 г. URL: <https://www.cbr.ru/Content/Document/File/43933/wps31.pdf> (дата обращения: 07.11.2020).
4. Колесникова О.В., Легощич Н.В., 2016. Использование mobile banking в продвижении банковских продуктов // Муниципальная академия. 2016. № 4. С. 152-158.
5. Официальный сайт аналитического центра НАФИ, 2020 г. URL: <https://nafir.ru> (дата обращения: 30.10.2020)
6. Официальный сайт АО «Эксперт РА», 2020 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://raex-a.ru/editions/struggle_for_users (дата обращения: 30.10.2020).
7. Радковская Н.П., 2019. Новые методы и модели продвижения банковских продуктов на рынке // Архитектура финансов: иллюзии глобальной стабилизации и перспективы экономического роста. Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. 2019. С. 65-68.
8. Тарасова Т.Ю., Флигинских Т.Н., 2016. Факторы, определяющие развитие инноваций в виде новых банковских продуктов // Креативная экономика. – 2016. № 10: 1157–1168. doi: 10.18334/ce.10.10.36906
9. Тарасова Т.Ю., 2016. Современное состояние интернет-банкинга в России // Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития науки: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. 2016: 203-205.
10. Ponomarenko, A., Sinyakov, A., 2018. Impact of Banking Supervision on Banking System Structure: Conclusion from Agent-Based Modelling. Russian Journal of Money and Finance, 77(1), pp. 26-50.
11. Ushakova, Y., Kruglova, A., 2018. Competition in Russia's Banking Sector Prior and After Supervision Police Enhancement: Conclusions Based on Interest Rate Dispersion and Spread. Russian Journal of Money and Finance, 77(2), pp. 22-50.
12. Fomin, L., (2019). Do Higher Interest Rates on Loans and Deposits and Advertising Spending Cuts Forecast Bank Failures? Evidence

from Russia. *Russian Journal of Money and Finance*, 78(2), pp. 94-112.

13. Флигинских Т.Н., Ваганова О.В., Соловьева Н.Е., Быканова Н.И., Рагид Ю., Усатова Л.В. Влияние электронного банкинга на эффективность банков: опыт России // Журнал перспективных исследований в области динамических и управляющих систем. 2020. Т. 12. № S4. С. 231-239.

14. Муравецкий А.Н., Ваганова О.В., Гончаренко Т.В., Быканова Н.И. Системные свойства ссудного портфеля: данные коммерческих банков // Международный журнал экономических перспектив. 2017. Т. 11. № 3. С. 1884-1888.

15. Кучерявенко С.А., Ваганова О.В., Кучерявенко И.А., Климова Т.Б. Моделирование системы управления рисками: на примере малого и среднего бизнеса // Международный журнал экономических перспектив. 2017. Т. 11. № 4. С. 220-230

References

1. The analytical report on indicators of financial inclusion for 2019 (based on the results of measurement in 2020), 2020. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/108660/a_cc_indicators_2019.pdf (Accessed 1 November 2020).
2. Fomin, L., (2019). Do Higher Interest Rates on Loans and Deposits and Advertising Spending Cuts Forecast Bank Failures? Evidence from Russia. *Russian Journal of Money and Finance*, 78(2), pp. 94-112.
3. Kolesnikova O.V., Levoshich N.V., (2016). Using mobile banking in promoting banking products // *Municipal Academy*. 2016. № 4. S. 152-158.
4. Official site of JSC "Expert RA", (2020). URL: https://raex-a.ru/editions/struggle_for_users (Accessed 30 October 2020).
5. Official site of the analytical center NAFI, (2020). URL: <https://nafi.ru> (Accessed 30 October 2020).
6. Ponomarenko, A., Sinyakov, A., (2018). The impact of Banking Supervision on Banking System Structure: Conclusion from Agent-Based Modelling. *Russian Journal of Money and Finance*, 77(1), pp. 26-50.
7. Radkovskaja N.P., (2019). New methods and models for promoting banking products on the market // *Architecture of finance: illusions of global stabilization and prospects for economic growth*. Collection of materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. 2019. S. 65-68.
8. Results of the decade 2008-2017 in the Russian banking sector: trends and factors, 2018. URL: <https://www.cbr.ru/Content/Document/File/43933/wps31.pdf> (Accessed 7 November 2020).
9. Tarasova T.Yu., Fliginskih T.N., (2016). Factors determining the development of innovations in the form of new banking products // *Creative Economy*. – 2016. № 10. S. 1157-1168. doi: 10.18334/ce.10.10.36906
10. Tarasova, T.Yu., (2016). The current state of Internet banking in Russia // *Modern problems and perspective directions of innovative development of science: collection of articles*. Art. int. scientific-practical conf. 2016. S. 203-205.
11. Ushakova, Y., Kruglova, A., (2018). Competition in Russia's Banking Sector Prior and After Supervision Police Enhancement: Conclusions Based on Interest Rate Dispersion and Spread. *Russian Journal of Money and Finance*, 77(2), pp. 22-50.
12. Vakhovskaja, M.Ju., Ovchinnikova, A.E., (2019). Features of a banking product promotion strategy // *Sustainable development of the socio-economic system of the Russian Federation*. Proceedings of the XXI All-Russian Scientific and Practical Conference. 2019. S. 45-49.
13. Fliginskih T.N., Vaganova O.V., Solovjeva N.E., Bykanova N.I., Ragheed Y., Usatova L.V. The impact of e-banking on performance of banks: evidence from Russia // *Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems*. 2020. Т. 12. № S4. С. 231-239.
14. Muravetskiy A.N., Vaganova O.V., Goncharenko T.V., Bykanova N.I. System properties of the loan portfolio: evidence from commercial banks // *International Journal of Economic Perspectives*. 2017. Т. 11. № 3. С. 1884-1888.
15. Kucheryavenko S.A., Vaganova O.V., Kucheryavenko I.A., Klimova T.B. Modeling the risk management system: a case study from small and medium-sized businesses // *International Journal of Economic Perspectives*. 2017. Т. 11. № 4. С. 220-230

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Тарасова Т.Ю., помощник управляющего Отделением по Белгородской области

Главного управления Центрального банка Российской Федерации по Центральному федеральному округу

Tarasova T.Y., Assistant Manager, Belgorod Regional Division of the Central Bank of the Russian Federation Main Branch for the Central Federal District